ВОЙНА И ОНИ

Пауль Хауссер

ВОЙСКА СС В БОЮ

Пауль Хауссер
ВОЙСКА СС В БОЮ

ЯУЗА

ВОЙНА И ОНИ

Пауль Хауссер

Пауль Хауссер

ВОЙСКА СС В БОЮ

МОСКВА
«Издатель Быстров»
2006

ББК 63.3(02)62
Х 26

Paul Hausser

WAFFEN-SS IM EINSATZ

Перевод с немецкого *А.П. Борисовой*

Оформление серии художника *П. Волкова*

Хауссер П.

Х 26 Войска СС в бою. — М.: Издатель Быстров, 2006. — 320 с. — (Война и они).

ISBN 5-9764-0029-9

Впервые на русском языке публикуется книга генерал-полковника Пауля Хауссера — одного из создателей войск СС, который принимал участие в формировании мировоззрения и идеологии гвардии Третьего рейха. Его книга, написанная с прямотой старого офицера, отчасти наивная и даже трогательная в этой наивности, будет весьма интересна для читателя. Это — другой взгляд на войска СС, не такой, к какому мы привыкли. Взгляд гвардейского генерала на черномундирные полки, прошедшие длинный фронтовой путь и особенно «отличившиеся» в сражениях на восточном театре военных действий. Для Хауссера все, о чем говорится на этих страницах, — правда. Именно поэтому он призывает: «Давайте похороним по дороге всю затаенную злобу. История рассудит более справедливо, нежели ослепленные яростью современники».

ББК 63.3(02)62

ISBN 5-9764-0029-9

© Борисова А.П., пер. с нем., 2006
© ООО «Издатель Быстров», 2006

Вступительное слово

«Нашу честь зовут верность».

Это — девиз, под которым были сформированы Ваффен СС и под которым они действовали и боролись во время Второй мировой войны. Те, кому довелось видеть их в бою, подтвердят это. Они остались верны себе и всем тем, кто выполнял свой долг перед Германией. Даже после поражения, которое особенно больно ударило по ним и дало пищу для несправедливых обвинений. Их образцовое поведение в трудные послевоенные годы в лагерях и перед трибуналами, их стойкость, готовность прийти на помощь и дух товарищества — тому доказательство.

О них сказано и написано много несправедливого и лживого, именно потому мы особенно приветствуем тот факт, что один из их выдающихся учителей — еще из довоенного времени — и один из лучших боевых командиров, генерал-полковник в отставке Пауль Хауссер взялся за перо, чтобы с простотой, соответствующей его прямому характеру, зафиксировать на бумаге их деяния. Данный труд поможет развеять туман лжи и клеветы, который окружил Ваффен СС, и поставить эти отважные войска на то место среди войск вермахта, которого они заслуживают.

При этом мы не должны забывать, что в этих войсках впервые воплотилась мысль о единой Европе, о том,

чтобы нации Европы были связаны друг с другом узами, которые не должны были разорваться. Нам хочется надеяться, что слепая ненависть, приведшая к раздробленности Европы на Центральную и Западную, к большевизации Восточной Европы, еще не наложила окончательную печать на западную культуру. Нужно заметить, что нельзя более терять время в мелочных потасовках и всевозможных интригах, иначе катастрофа придет и на нашу часть Земли.

В этом смысле данная книга является серьезным предупреждением государственным мужам современности, чтобы они не упустили, возможно, последний шанс одуматься.

Гейнц Гудериан,
генерал-полковник в отставке

От автора

Эта книга посвящена памяти наших павших, а также их оставшимся в живых родственникам и тем, кто жертвовал своей кровью и здоровьем. Наши мертвые остались верны своему долгу и присяге. Они верили в дальнейшую жизнь нашего народа и все в большей степени надеялись на объединение Европы, чьи сыны добровольно сражались в наших рядах.

Их могилы на западе — особенно в Нормандии, в Италии, на Балканах, в Венгрии и в Румынии, наиболее же многочисленные на востоке — от Киркенеса через Москву до Кавказа — доказательство тому.

Полная история Ваффен СС означала бы историю Второй мировой войны. Без подробных документов, таких, как военные дневники и многочисленные свидетельства очевидцев, это невозможно! В данной работе поставлены более скромные цели.

Первая часть содержит общие вопросы, во второй же части речь идет о сражениях. Однако это не история войны, скорее воспоминания, основанные на военной истории.

Благодарю издательство за возможность внесения дополнений и исправлений в шестое издание. Таким образом, содержание еще больше приблизилось к исторической правде, хотя последние сражения так и остались в тени. Дополнили картину несколько воспомина-

ний очевидцев. За них благодарю Акса, Биттерлиха, д-ра Горака, Клингеманна, Клосса и Шиля.

Повествование сознательно не содержит какой-либо полемики и критики, только в тех местах, где без этого невозможно обойтись. За помощь в работе над отдельными частями я хотел бы особенно поблагодарить Л. Дебеса, Г. Ґилле, В. Харцера, О. Кумма, Георга Мейера, Губерта Майера и Д. Руоффа.

Пауль Хауссер

ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Предшественниками Ваффен СС были в первую очередь отряды особого назначения СС, корни которых уходят в 1933 год. Тогда были созданы первые части лейб-полка под командованием Зеппа Дитриха и другие подразделения, которые сначала назывались «политические полицейские роты», а потом были дополнены без государственной помощи командующими подразделениями общих СС в Гамбурге, Вольтердингене, Арользене, Эльвагене, Мюнхене и Лейзниге. За исключением лейб-полка, во всех подразделениях использовался гужевой транспорт, хотя они и были частично снабжены колоннами грузовиков. Эти войска были подчинены территориальным единицам; общее руководство всеми войсками оставалось лишь номинальным.

Летом 1936 года произошло основополагающее изменение. В Главном управлении СС была создана инспекция отрядов особого назначения, которая объединила батальоны в полках «Дойчланд» в Мюнхене под командованием Штайнера и «Германия» в Гамбурге под командованием Демельхубера. Инспектор, однако, не был одновременно командиром — на этот пост претендовал Генрих Гиммлер. Задача инспектора состояла в военной подготовке и воспитании воинской части, при этом нужно было постепенно сокращать влияние территориального подчинения и проводить единую подготовку по указаниям армии. Конечно, это приводило к проти-

востоянию с территориальным командованием, а также с Генрихом Гиммлером. Несмотря на это инспекция постепенно брала верх.

Лейб-полк тоже принадлежал к войскам особого назначения. Однако инспекция не имела на него никакого влияния, поскольку его командир как обер-группенфюрер имел гораздо более высокий ранг, нежели инспектор. Инспекция была подчинена Главному управлению СС в Берлине, обер-группенфюреру Хейсмейеру. Вначале она отделилась от Главного управления территориально, заняв здание на Кайзер-Алле, где впоследствии располагалось Главное оперативное управление СС.

В инспекции под командованием Хауссера служили: Кляйнхейстеркамп (‡), Юттнер, Дермицель, Фанслау.

В 1938 году последовало формирование полка «Фюрер» под командованием Кепплера в Вене, Граце и Клагенфурте и батальона Дахау, позже предназначенного для Нюрнберга. Летом 1939 года сформирован легкий артиллерийский полк под командованием Ханзена. Все подразделения были полностью моторизованы. Саперный батальон передислоцирован в Дрезден, разведывательное подразделение — в Унну в Вестфалии. Общая численность составляла около 18 000 человек. Некоторые полки войск особого назначения принимали участие во вступлении в Австрию, Судеты и Чехословакию в составе армии и под командованием офицеров вермахта.

Войска особого назначения создавались рейхсфюрером СС по приказу Адольфа Гитлера. Но сам Генрих Гиммлер представлялся нам человеком мирного времени, идеалистом, который ставил во главу угла верность, воспитанность и послушание. Он хотел перенести в Ваффен СС такие принципы общих СС, как святость собственности и рыцарство. Но при этом он не был профессиональным солдатом и поэтому не имел слишком уж большого влияния на войска, чей дух и характер определялся командирами.

В марте 1935 года Адольф Гитлер объявил в рейхстаге по случаю введения оборонного суверенитета о формировании 36 дивизий, в том числе и дивизии СС. Это говорит о легальности войск особого назначения. Они не были тайной организацией. До создания этой дивизии в мирное время дело не дошло. Хотя общая численность подразделений особых войск СС и соответсвовала численности дивизии, они не имели ни командного, ни генерального штаба, ни подразделений снабжения, ни резервов, ни тяжелых орудий. Поэтому против войск особого назначения никогда и не выдвигалось обвинения в участии и подготовке наступательной войны.

Долгое время царила неясность в том, что касается особенных задач войск особого назначения. По некоторым предположениям, Адольф Гитлер установил своим основополагающим указом от 17 августа 1938 года следующее: войска особого назначения не являются ни частью вермахта, ни частью полиции, а являются вооруженными войсками в его распоряжении. Служба в этих войсках признавалась выполнением воинской обязанности. Они пополнялись, как и прежде, из числа военнообязанных добровольцев. В случае всеобщей мобилизации они переходили в распоряжение Главного командования армии и подчинялись военным законам и указам. Воинская повинность составляла четыре или двенадцать лет, для офицеров — двадцать пять лет, жалование и снабжение — из средств рейха.

Униформа была черного и полевого серого цвета с двумя зиг-рунами СС на петлицах. Знаки различия фюрера и унтер-фюрера — сначала как в общих войсках СС и в полиции. Вербовка пополнения и его подготовка сначала проводились собственной организацией инспекции, потом они были объединены под командованием группенфюрера Бергера с частями «Тотенкопф» («Мертвая голова») и полицией.

Войска особого назначения в мирное время не имели своей собственной судебной системы; они находились под юрисдикцией гражданских судов, в которые направлялись сообщения о преступлениях. Выделение дисциплинарного уголовного суда — и примыкание к армейскому суду — произошло лишь в последние мирные годы. Тогда еще не удалось полностью отойти от территориального командования.

Обучение и подготовка: военная подготовка велась в соответствии с основополагающими указами армии. Предствители армии имели право проводить смотр, которым часто пользовались командующие генералы. Военнослужащих войск особого назначения командировали на специальные курсы армии. При этом отношения армии и войск особого назначения были безупречны. Инспекция и войска использовали в своем развитии опыт стотысячной армии.

При долгих сроках сужбы применялась система «поклассового» обучения унтер-офицеров, разработанная в армии. Инспекция определяла цели и ключевые задачи на длительный период времени и контролировала все подразделения.

В мирное время эти войска не сидели без дела; много усилий уходило на их участие в партийных съездах рейха, в визитах глав государств, а также в Олимпиаде. Несмотря на жесткую манеру обучения и устаревшие методы некоторых военных, особый упор делался на товарищество в духе народной общности между фюрером, унтер-фюрером и солдатами.

Мы верили, что в отличие от армии мы сможем в этом плане пойти другим путем. Особенное внимание удеялось образованию унтер-фюреров как важной основе качества войсковой части. Военный и послевоенный опыт показал, что эти основные принципы были верными.

Здоровых и больных курировали врачи и персонал санитарной службы под руководством их командира, который одновременно был и врачом дивизии. Они были распределены в санитарных эшелонах по различным местам дислокации и лазаретам. Успешная организационная работа и высокий уровень врачебной науки принесли свои плоды, особенно во время войны.

Особой областью была идеологическая подготовка. Хотя ее значение и подчеркивалось, все же она находилась далеко на втором плане по сравнению с военным обучением. Ее исполнителями сначала были подготовленные специалисты, часто, однако, без военной практики, которые подчинялись управлению военной подготовки, позже — командиры рот.

Основой была борьба с большевизмом.

При обучении командирского состава в юнкерских школах мы тоже верили, что сможем подправить старые армейские традиции с помощью динамики и движения. Суждение о человеке по его общественному статусу, а также по уровню образования было отклонено. Каждый должен был иметь возможность стать унтер-фюрером и фюрером в соответствии со своими способностями. Правда, временами признание документов об образовании заходило слишком далеко, им придавалось чрезмерное значение. Но во время войны это было исправлено.

Подходящие кандидаты обучались на десятимесячных курсах и сдавали экзамены в юнкерских школах Тольц (1934) и Брауншвейг (1935), а также в военных школах армии. Отбор при этом был довольно строгим. Рейхсфюрер составил план, по которому молодых командиров после обучения в течение двух лет командировали в войска особого назначения, общие войска СС, службу безопасности и полицию и только после этого назначали на службу в одно из этих подразделений. Невыполнимый план, от которого вскоре отступили. Но один выпуск был обучен по этой модели и лишь по про-

шествии времени вернулся в свою войсковую часть. В 1938 году значительное число молодых фюреров было отдано на полгода или год в армию. Тогда был запланирован постоянный обмен между армией и войсками особого назначения.

В отличие от армии все служащие особых служб — врачебной, административной, технической и т. д. считались не чиновниками, а приравнивались как командиры войск особого назначения к командирам СС. Это во многом служило единству корпуса.

Старые казармы, которые были переданы в распоряжение части, были расширены и перестроены: Гр.-Лихтерфельде (старое главное кадетское здание), Аролзен, Эльваген, Брауншвейг (замок). Новые казармы были построены в Тольце, Мюнхене, Радольфцелле, Гамбурге, Вене, Клагенфурте, Унне, Дрездене. Незаконченным осталось здание для батальона в Нюрнберге.

Так прошли годы до 1939-го, в тяжелой работе и с очевидным успехом. Сформировался ярко выраженный дух войск. Все, кто служил в войсках особого назначения, гордились своей службой. Никому не могла прийти в голову мысль о том, что они когда-либо будут названы преступной организацией.

Рейх был признан за границей. Олипиада, Флотский пакт, занятие Рейнских земель, признание иностранными политиками — в том числе во время гостевых вечеров СС в дни партийного съезда рейха — создавали картину, противоположную тому, что сегодня нам задним числом ставят в упрек.

Мы верили в то, что Адольф Гитлер имеет в виду именно то, что он говорит, а именно «мир для всех своих задач».

Мы знали, что Адольф Гитлер нас не особенно поддерживал и не находил для нас слов похвалы. Мы также знали, что он распустил бы нас, если бы мы дали про-

мах, так же, как он это уже сделал с другими организациями.

Вопрос, почему вообще возникли войска особого назначения, был незначителен и не мог возникнуть. Кроме того, на этот вопрос Адольф Гитлер уже ответил в своей речи в рейхстаге в 1935 году. Однако соотношение сил между армией и войсками особого назначения было уже не 35 к 1, но, принимая во внимание число армейских дивизий к 1939 году, 60 к 1. Поэтому необоснованным является утверждение С. Вестфаля в «Армии в оковах», что «армия уже в мирное время была подорвана постоянным и все более быстрым увеличением Ваффен СС, начиная с 1936 года».

Большинство из сказанного выше относится и к частям «Тотенкопф». Однако имелись и существенные различия. Когда в 1933 году были созданы концентрационные лагеря, их охраной занимались местные службы. В 1934 году Адольф Гитлер отдал приказ обер-группенфюреру Эйке организовать единую систему охранных подразделений. Для этого он создал новые подразделения из состава старых и путем вербовки новых сил. До 1936 года они содержались правительствами земель, потом перешли на бюджет Министерства внутренних дел рейха. Персонал комендатуры и подразделения охраны разделили. Последние в 1936 году состояли из трех полков «Тотенкопф», общей численностью 3600 человек. Эйке был командиром частей «Тотенкопф» СС и концентрационных лагерей.

В основополагающем указе Адольфа Гитлера от 17 августа 1938 года были также урегулированы вопросы, касающиеся частей «Тотенкопф». Они тоже не относились ни к вермахту, ни к полиции, а были подразделением СС, переведенным на казарменное положение. Обязательную воинскую службу можно было проходить либо в армии, либо в войсках особого назначения. Поэтому по возможности сюда набирали мужчин, которые

уже отслужили обязательный срок. В случае мобилизации «Тотенкопф» должна была пополнить ряды полиции и отойти от охраны концентрационных лагерей. Их состав включал в себя главный штаб, четыре полка с санитарными и другими подразделениями.

К началу войны численность «Тотенкопф» выросла до 7400 человек. Они имели собственную военную подготовку и поочередно посылали части для охраны концетрационных лагерей; эти части, однако, не имели никакой возможности вмешиваться в функционирование лагеря.

ВАФФЕН СС НА ВОЙНЕ

Формирование первых дивизий, которые позже носили это имя, состоялось в октябре 1939 года. К ним сначала относилась дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» как усиленно моторизованный полк, а позже — дивизия особого назначения СС из частей бывших войск особого назначения, некоторые части которой были отданы дивизии СС «Тотенкопф». Дислокация в районе у Пильзена, позднее — у Вюрцбурга и Мюнстера плюс дивизия СС «Тотенкопф» под командованием Эйке, которая была сформирована из 6500 человек бывших подразделений «Тотенкопф» (полки 1—3), подкреплена полицейским резервом, поступившим туда по особому постановлению. Дислокация Дахау, позже — Северный Вюртемберг.

Независимо от этого на тренировочной базе Вандерн была сформирована полицейская дивизия из полиции охраны общественного порядка под командованием Пфеффера — Вильденбруха. Однако эта дивизия все еще принадлежала полиции охраны общественного порядка.

Резервные воинские части на родине были подчинены бывшей инспекции, впоследствии — Главному оперативному управлению СС под руководством Юттнера.

Тяжелой артиллерии, танков и штурмовых орудий еще не было. Судопроизводство СС было введено в октябре 1939 года, в полном соответствии с армейским.

Адольф Гитлер упомянул эти войска в 1940 году в рейхстаге после похода на Запад и сказал о них как о «Ваффен СС» (войска СС). С этих пор это название стало официальным.

К этому времени, кроме всего, существовало еще около четырнадцати полков «Тотенкопф», которые были сформированы из вышеназванных резервов полиции. Позже они частично растворились в новых дивизиях или были ликвидированы.

Здесь уместно дать небольшой обзор численности Ваффен СС во время войны.

В 1940 году они составляли 100 000 человек. Адольф Гитлер неоднократно говорил, что их численность не должна превышать примерно десяти процентов от общей численности армии.

В 1940 году она возросла еще на 50 000 человек,

в 1941 году — на 70 000 человек,

в 1942 году — на 110 000 человек,

в 1943 году — на 210 000 человек,

в 1944 года — на 370 000 человек

и в декабре 1944 года составила 950 000 человек.

Из них предположительно около 400 000—500 000 человек были добровольцами, остальные — призывниками.

Из общего количества было примерно:

400 000 граждан рейха (из них около 40 000 переданы в Ваффен СС из военно-воздушных сил и 5000 — из военно-морского флота);

310 000 этнических немцев из негерманских государств (таких, как Венгрия и Румыния);

200 000 добровольцев из почти всех стран Европы.

Фактическая численность к апрелю 1945 года после отступления, потерь, с учетом пополнения в этом году в количестве 70 000 новобранцев, оценивается примерно в 580 000 человек.

Потери: количество убитых и тяжелораненых к декабрю 1944 года насчитывается около 300 000—350 000 человек. По поводу общей численности потерь к маю 1945 года все еще отсутствуют данные.

В приложении А приведен список частей Ваффен СС. Является ли он полным — вопрос спорный.

Боевые воинские части, в особеннности дивизии, в течение всей войны, уже перед походом на Запад, были включены в состав армии. Приказы об обучении, ведении боя и вступлении в бой исходили только из армии. На самом деле это есть явное доказательство ошибочности большинства сегодняшних высказываний о Ваффен СС.

Генрих Гиммлер имел право командования лишь в кадровых вопросах, в судебных делах, вначале — еще и в организационных, такое же, какое командующий военно-воздушным флотом (люфтваффе) имел по отношению к подчиненным ему полевым дивизиям люфтваффе или к парашютным дивизиям.

Резервные войсковые части были подчинены через Главное оперативное управление СС рейхсфюреру. Это же относилось и к отдельным небоевым частям полков «Тотенкопф», и к временно передислоцированным в тыл частям.

Для этих частей позднее была создана должность командующего Ваффен СС.

Об организации достаточно сказать следующее: сначала Генрих Гиммлер и его Главное оперативное управление СС проводили свою линию, при этом им, естественно, недоставало практического опыта. И лишь в

течение войны события заставили его во многом приблизить организацию Ваффен СС к организации армии.

Во время Западного похода, а также еще в 1941 году на Востоке дивизии Ваффен СС были моторизованы.

В мобильной войне иметь одно моторизованное подразделение на три пехотных полка слишком неудобно. Одно время были планы преобразовать 3-й полк в «легкий» для особых задач. Это тоже было искусственным решением. И только потом дивизии формировались по армейскому типу, то есть двойственно.

Тяжелая артиллерия была на вооружении Ваффен СС уже во время Западного похода. Тяжелые зенитные батареи и батареи самоходных орудий появились, однако, только перед походом на Восток. Переформирование отдельных дивизий в танковые состоялось в конце 1942 года, сначала были приняты на вооружение танки III и IV, потом «тигры» и «пантеры». В то же время при дивизиях и штабах корпусов были созданы дивизоны реактивных минометов. Первый штаб корпуса был сформирован в 1942 году, сначала без номера, потом под номером II. Остальные последовали с 1943 года. В 1944—1945 годах существовала армия СС (6-я танковая армия) под командованием Зеппа Дитриха для наступления в Арденнах, потом она сражалась в Венгрии.

Особенно следует отметить подразделение Скорцени (противотанковые части, парашютный батальон 500). Сам Скорцени вышел из Ваффен СС. Его деятельность по освобождению Муссолини и его вмешательство в дело Хорти выходили за рамки службы в СС. (Об его участии в Арденнском наступлении и в 1945 году на Восточном фронте смотрите в соответствующей главе.)

В то время как достижения боевых подразделений будут оценены ниже, здесь нужно вспомнить о тыловых службах: достижения танковых и моторизованных диви-

зий зависят в большой степени от технического персонала и ремонтных подразделений. Они работают везде, кроме самого поля боя. Заслуга обучения и организации этих подразделений принадлежит Н е б л и х у, который впоследствии стал руководителем автотехнического училища. Санитарная служба, созданная Д е р м и ц е л е м, находилась в Ваффен СС на особенно высоком уровне. Врачи и санитарный персонал жертвовали собой. Санитарные роты и полевые лазареты полностью выполняли свои задачи.

То же самое можно сказать и о руководителях административно-хозяйственной службы с их подразделениями снабжения. Миф о том, что нас снабжали якобы лучше, чем других, говорит о щедрости нашего персонала. Обслуживание в военных магазинах отличалось заботливым отношением. Подразделения снабжения тоже выполняли свой долг со скромным героизмом.

Судебные полномочия имели судьи СС, которые подчинялись руководителям судов — командиру дивизии или командующему генералу в корпусных войсках — и находились при их штабах. Постепенно совершенствуясь, они приходили к пониманию нужд войск. Все приговоры на срок больше пяти лет и приговоры офицерам проверялись Главным управлением судов СС и подтверждались рейхсфюрером.

Об отношениях с армией каждый может судить только по своему собственному опыту. По своему опыту могу судить, что эти отношения всегда были безоблачными и в большинстве случаев сердечными. Молодые войска создали себе имя благодаря своим заслугам. Все высшие службы армии радовались, когда им в подчинение давали части СС, и огорчались, когда их отзывали. Армейские войска ценили СС как надежных соратников. Конечно, в войне возникали объективные противоречия, тем больше, чем легковесней, напористей были

личности начальников и подчиненных. И в наших рядах встречались твердолобые личности. Но, однако ж, мы не имели особенных связей с рейхсфюрером, которые можно было бы использовать для приказов или жалоб в свою пользу. Последний год нельзя рассматривать как норму; в это время упало качество всех войсковых частей.

С другой стороны, нужно отметить, что существовало множество сил, которые были заинтересованы в раздоре между армией и Ваффен СС, отсюда и все эти утверждения о лучшем снабжении, оснащении и вооружении. То, что это ложь, знают все. У нас не было своих собственных запасов, и снабжались мы из продовольственных запасов армии, то же самое и с вооружением. Особенности оснащения были одинаковыми, например, у лейбштандарта с дивизиями «Гроссдойчланд» (Великая Германия) армии и с дивизией «Герман Геринг». По поводу общего оснащения можно только сказать, что танковые и танково-гренадерские дивизии армии, так же как и подобные дивизии Ваффен СС, имеют оснащение, отличное от пехотных дивизий, и их нельзя сравнивать друг с другом.

Однако все это еще не является ответом на принципиальный вопрос — зачем все-таки существовали войска СС? Чисто с солдатской точки зрения, сосуществование дивизий сухопутной армии, полевых дивизий люфтваффе, народных гренадерских дивизий, дивизий парашютистов, частей морских пехотинцев и дивизий СС с собственным командованием является нежелательным. Ни в чьи планы, это касается и Генриха Гиммлера, такая система, собственно, и не входила. Три с половиной дивизии СС, считая и полицию в походе на Запад, даже шесть дивизий в 1941 году на Востоке еще не угрожали единству. Но с расширением войны стала ощутима нехватка боевых подразделений. Тогда движимый

зий зависят в большой степени от технического персонала и ремонтных подразделений. Они работают везде, кроме самого поля боя. Заслуга обучения и организации этих подразделений принадлежит Н е б л и х у, который впоследствии стал руководителем автотехнического училища. Санитарная служба, созданная Д е р м и ц е л е м, находилась в Ваффен СС на особенно высоком уровне. Врачи и санитарный персонал жертвовали собой. Санитарные роты и полевые лазареты полностью выполняли свои задачи.

То же самое можно сказать и о руководителях административно-хозяйственной службы с их подразделениями снабжения. Миф о том, что нас снабжали якобы лучше, чем других, говорит о щедрости нашего персонала. Обслуживание в военных магазинах отличалось заботливым отношением. Подразделения снабжения тоже выполняли свой долг со скромным героизмом.

Судебные полномочия имели судьи СС, которые подчинялись руководителям судов — командиру дивизии или командующему генералу в корпусных войсках — и находились при их штабах. Постепенно совершенствуясь, они приходили к пониманию нужд войск. Все приговоры на срок больше пяти лет и приговоры офицерам проверялись Главным управлением судов СС и подтверждались рейхсфюрером.

Об отношениях с армией каждый может судить только по своему собственному опыту. По своему опыту могу судить, что эти отношения всегда были безоблачными и в большинстве случаев сердечными. Молодые войска создали себе имя благодаря своим заслугам. Все высшие службы армии радовались, когда им в подчинение давали части СС, и огорчались, когда их отзывали. Армейские войска ценили СС как надежных соратников. Конечно, в войне возникали объективные противоречия, тем больше, чем легковесней, напористей были

личности начальников и подчиненных. И в наших рядах встречались твердолобые личности. Но, однако ж, мы не имели особенных связей с рейхсфюрером, которые можно было бы использовать для приказов или жалоб в свою пользу. Последний год нельзя рассматривать как норму; в это время упало качество всех войсковых частей.

С другой стороны, нужно отметить, что существовало множество сил, которые были заинтересованы в раздоре между армией и Ваффен СС, отсюда и все эти утверждения о лучшем снабжении, оснащении и вооружении. То, что это ложь, знают все. У нас не было своих собственных запасов, и снабжались мы из продовольственных запасов армии, то же самое и с вооружением. Особенности оснащения были одинаковыми, например, у лейбштандарта с дивизиями «Гроссдойчланд» (Великая Германия) армии и с дивизией «Герман Геринг». По поводу общего оснащения можно только сказать, что танковые и танково-гренадерские дивизии армии, так же как и подобные дивизии Ваффен СС, имеют оснащение, отличное от пехотных дивизий, и их нельзя сравнивать друг с другом.

Однако все это еще не является ответом на принципиальный вопрос — зачем все-таки существовали войска СС? Чисто с солдатской точки зрения, сосуществование дивизий сухопутной армии, полевых дивизий люфтваффе, народных гренадерских дивизий, дивизий парашютистов, частей морских пехотинцев и дивизий СС с собственным командованием является нежелательным. Ни в чьи планы, это касается и Генриха Гиммлера, такая система, собственно, и не входила. Три с половиной дивизии СС, считая и полицию в походе на Запад, даже шесть дивизий в 1941 году на Востоке еще не угрожали единству. Но с расширением войны стала ощутима нехватка боевых подразделений. Тогда движимый

честолюбием Генрих Гиммлер захотел иметь возможность предложить Адольфу Гитлеру в случае необходимости новые части, в которых служили и негерманцы.

Сами войсковые части были мало заинтересованы в таком размножении; это означало для них перебои с людскими и техническими резервами. Если бы мы могли ограничиться примерно двенадцатью-тринадцатью дивизиями, тогда бы они могли сохранить свою боеспособность до конца войны, потому что тогда, несмотря на все потери, хватило бы командиров и унтер-фюреров на все части. Принципы добровольности и жесткого отбора ведут к количественным ограничениям.

Без сомнения, Ваффен СС, увеличиваясь, постепенно выросли до роли четвертой составляющей вермахта — наряду с сухопутной армией, военно-морским флотом, военно-воздушными силами.

Приведенный в приложении В список фамилий высшего командующего состава, включая командиров дивизий, не является полным. Особенно трудно проследить роль каждого командира в последних боях на Восточном фронте. Здесь, наконец, всплывают некоторые имена тех, кто не был связан с СС прямым образом. Из 68, названных здесь, 28 погибли или умерли во время войны. Это следует учесть в дальнейшем.

Судить высший командный состав — не задача данного труда. Недоброжелатели выдвинули обвинение: человеческий материал войска якобы замечателен, только вот руководство не соответствовало ему и это — вина «партийных генералов».

Последнее действительно имело место быть, но только в отношении нескольких человек и до 1944 года, если можно назвать Зеппа Дитриха, Эйке и других «партийными генералами».

Можно ли так назвать Зеппа Дитриха и Эйке?

Зепп Дитрих был участником мировой войны, танкистом, технически хорошо обученным, впрочем, солдатом от природы, который инстинктивно и верно поражал цель. Он прежде всего был образцовым представителем своего лейбштандарта.

Его начальник генерального штаба К р е м е р, который пришел в СС из армии, добился особых успехов в роли командующего генерала и командующего армии.

Эйке тоже был участником мировой войны и в целом слыл как представитель своих солдат из «Тотенкопф». Он был очень своенравен. Его влияние на войска, в том числе и на чужие части, было велико, особенно в оборонительных операциях. Слава обороны в окружении под Демянском — это его слава. В 1943 году он был застрелен на Восточном фронте во время разведки в «Шторхе».

Стоит ли упоминать Г. Фегеляйна? По своему образованию и позиции он полностью выпадал из рамок Ваффен СС. Его влияние и его положение при Адольфе Гитлере не были благоприятными. Он поплатился за это жизнью.

Всех остальных командиров можно разделить на две группы — старое и молодое поколение. К первым относятся старые вояки Первой мировой войны, частично обученные в рейхсармии. Они создавали войска особого назначения. В большинстве своем это были своенравные люди, которые обрели духовную свободу и не боялись критиковать, поэтому с ними подчас было нелегко работать. То же самое можно сказать и о командирах, которые вышли из рядов полиции. В целом они были определенно не хуже, чем армейские офицеры. Я думаю, что имею право судить об этом на основании своего опыта и знания армии. Любой проницательный человек скажет, что и у нас были отдельные трусы и головы среднего качества. Но никто не имеет права су-

дить в общем. Среди вышеописанных не было партийных генералов.

Молодое же поколение состояло из людей, долгое время прослуживших в войсках особого назначения, планомерно обученных в юнкерских школах и в самих войсках, мужавших вместе с новыми задачами войны, в большинстве своем сдавших экзамены на армейских курсах командиров дивизий. У них были горячие головы, но на фронте они усвоили, что хороший командир должен беречь своих солдат. Так они стали командирами-личностями, гораздо выше среднего уровня. Работать с ними было одно удовольствие. Среди них не было трусов. Это были люди, на которых старики возлагали свои надежды на послевоенное время.

Ваффен СС должны были сами назначать большинство офицеров Генерального штаба. Они обучались совместно с товарищами из армии. Я считаю своим долгом отдать дань памяти 1-му офицеру Главного штаба Ваффен СС Остендорффу, который образцово справлялся с обязанностями офицера Ia[1] дивизии, начальника Генштаба танкового корпуса и армии. Он не заканчивал академий; обучался еще в рейхсармии на преподавателя тактики люфтваффе, позже — в юнкерской школе в Тольце и получил очень разностороннее образование. Он погиб на Восточном фронте в 1945 году, будучи командиром дивизии.

Но именно говоря о службе в Генеральном штабе, мы должны отдать дань памяти и многим офицерам армии, которые перешли к нам или были к нам командированы. Все они были верны идее и ее олицетворению. В этом и заключен, в конце концов, весь трагизм наших дней.

---

[1] Ia — офицер, исполняющий функции оперативного управления Генштаба.

ГЕНРИХ ГИММЛЕР В ВОЙНЕ

Хоть Гиммлер и имел ранг рейхсфюрера СС, был ли он им на самом деле? Ваффен СС подчинялись как часть сухопутных войск армии. Он имел влияние только в выше уже указанных вопросах.

Фактически Генрих Гиммлер был начальником всей полиции, позже — министром внутренних дел, рейхскомиссаром по укреплению немецкой народности, главнокомандующим резервных войск, начальником над военнопленными и, в конце, даже главнокомандующим группы армий. Все это заключалось в должности рейхсфюрера СС.

Гиммлер не был солдатом; он не имел полного представления о трудностях военного руководства и обучения. Старики расценивали его соответственно, войска не знали его лично.

В войне Генрих Гиммлер и Ваффен СС вынуждены были жить каждый своей жизнью.

Его поведение перед войной, когда он представал перед нами идеалистом, никак не сходилось с тем, что мы узнали о нем только после войны, с его деятельностью во время войны, когда он использовал свою власть для бескомпромиссных приказов, с концентрационными лагерями, массовыми экзекуциями с помощью групп службы безопасности.

В мирное время отношение с партией и другими подразделениями СС было довольно непринужденное, части Ваффен СС создавали собственные партийные группы на местах. Во время войны эти связи были нарушены, членские взносы не платились. Многие служащие СС не были членами партии.

Ваффен СС несправедливо обвиняют в участии в местных оборонительных и разрушительных операциях в конце войны. Эти инциденты не на совести непосредст-

венно частей Ваффен СС. Они вели бои по приказу армейского командования. При этом Борман как рейхскомиссар обороны отдавал гауляйтерам такие приказы, которые ставили в сложное положение и само командование армии.

Местные органы гауляйтеров брали только больных, откомандированных или находящихся в отпуске эсэсовцев и полицейских и вели оборону по своему усмотрению.

Излишне лишний раз доказывать, что между Ваффен СС и комендантским персоналом концентрационных лагерей, частей охраны, гестапо, службой безопасности, а особенно между Ваффен СС и айнзацгруппами (оперативными группами), высшими чинами СС и полиции нужно провести строгую разграничительную линию. Общими у них была лишь единая верхушка в лице Генриха Гиммлера и униформа.

Ваффен СС должны чувствовать себя обманутыми из-за того, что Генрих Гиммлер и Поль во время войны — без их ведома — причисляли весь персонал концентрационных лагерей к Ваффен СС, чтобы облегчить освобождение этих людей от военной службы для выполнения своих задач. Таким образом, Генрих Гиммлер привязал собственно Ваффен СС к судьбе тех людей, которые ответственны за произошедшее в концентрационных лагерях.

Тот факт, что Гиммлер как главнокомандующий резервной армией 20 июля 1944 года принял на себя управление делами военнопленных, привел к тому, что все высшие чины СС и полиции на родине наряду с рангом генерала полиции получили еще и ранг генерала Ваффен СС. Таким образом, все разграничительные линии были стерты и все Ваффен СС очернены так, что позже в Нюрнберге их не удалось исключить из списка преступных организаций.

Общих войск СС во время войны уже не существовало. К их остаткам Ваффен СС тоже не имеют никакого отношения. Воинские звания общих СС, естественно, н е переносились на Ваффен СС.

ГЛАВНОЕ ОПЕРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СС

Подразделения	**Начальник Главного оперативного управления СС (ГОУ)**	
	Адъютант	**Руководящая группа**
	Ia	
Управление I	Общие СС	
Управление II	Командное управление Ваффен СС	
Управление III	Личное управление	
Управление IV	Административное управление	
Управление V	Кадровое управление	
Управление VI	Вопросы гужевого транспорта	
Управление VII	Управление снабжения	
Управление VIII	Управление поставок	
Управление IX	Оружейное управление	
Управление X	Вопросы автотранспорта	
Управление XI	Обучение фюреров	
Управление XII	Обучение унтер-фюреров	
Управление XIII	Врачебная служба	Группа управлений по санитарному делу Ваффен СС
Управление XIV	Стоматологическая служба	
Управление XV	Войсковая гигиена	
Управление XVI	Фармацевтическое снабжение	
Управление XVII	Санитарная статистика	

Главное оперативное управление СС (ГОУ-СС) как высший орган, отвечающий за организацию боевых войсковых частей Ваффен СС и за проведение и организацию учебных и резервных подразделений, школ и учреждений Ваффен СС на местах дислокации, был сформирован к началу войны из инспекции войск особого назначения СС.

В то время как до начала войны резервных войсковых частей не существовало и части Ваффен СС на родине обладали относительной самостоятельностью, с началом войны планомерное увеличение войск, разделение частей на боевые и резервные, а также новые организационные задачи, связанные с войной, привели к жесткой централизации.

Хотя при создании Главного управления и использовался опыт немецких военных организаций, примерно до 1943 года приходилось постоянно вносить изменения, чтобы исправить кадровые недочеты, преодолеть сопротивление некоторых личностей и подстроиться к численному росту войск и к условиям войны, которая превратилась в тотальную.

Приведенная здесь схема подразделений ГОУ-СС представляет собой окончательный вариант организации управлений. В рамках установленной с самого начала иерархии войсковые части и службы Ваффен СС на родине были подведомственны непосредственно ГОУ-СС. И только в областях, в которых были сконцентрированы школы, резервные войсковые части и тому подобное, для упрощения служебного надзора назначался командующий Ваффен СС, который, в свою очередь, непосредственно подчинялся ГОУ-СС, в остальном по территориальным вопросам сотрудничал с соответсвующими руководителями государственной администрации, вермахта или полиции.

Посты командующего Ваффен СС были временно введены в генерал-губернаторстве[1], в Норвегии, Финляндии и Венгрии, на постоянной основе — в протекторате Богемия, Моравия и в Голландии.

Следующие задачи не входили в полномочия Главного оперативного управления СС:

а) кадровые вопросы, связанные с фюрерами. Этими вопросами занималось Главное кадровое управление СС. Однако отдел этого управления, ответственный за кадровые вопросы, был на время войны командирован как отдел IIa в Главное оперативное управление СС, чтобы ускорить процесс работы над делами;

б) хозяйственное снабжение. Хозяйственное снабжение боевых войсковых частей осуществлялось во время их тактического подчинения армии вермахтом, остальные же части и службы снабжались через Главное хозяйственное и Главное административное управления СС, которые для этого пользовались сетью войсковых хозяйственных складов. Только лишь снабжение одеждой и снаряжением было для всех подразделений полностью подведомственно Главному хозяйственному и административному управлению СС. Управление IVa Главного оперативного управления СС соблюдало военные интересы Главного хозяйственного и административного управления СС;

в) вербовка новобранцев и пополнение войск возлагались на Главное управление СС (ГУ-СС). Область их полномочий ограничивалась доставкой завербованных рекрутов в определенные Главным оперативным управлением СС резевные войсковые части, далее ими занималось уже Главное оперативное управление СС.

Идеологическая подготовка велась Главным управлением СС;

---

[1] Территория оккупированной Польши.

г) судопроизводство СС, которое было построено на главном приниципе, заключавшемся в том, что строгий отбор оправдывает и повышенные наказания за нарушения гражданского и военного уголовного законодательства, подчинялось Главному управлению судов СС.

Все эти главные управления были подчинены рейхсфюреру СС. Поскольку боевые части Ваффен СС во время войны тактически принадлежали вермахту и все части, боевые и резервные, по соображениям целесообразности и в организационных вопросах следовали указаниям высшего командования армии, то влияние рейхсфюрера СС, за исключением кадровой политики в высшем руководстве, могло распространяться лишь на незначительные области.

И все-таки политика разделения компетенций, которую вел рейхсфюрер, приводила к ощутимому утяжелению работы, являлась причиной постоянных трений и приводила во многих случаях к молчаливым сговорам, с помощью которых становилось возможным соответствовать в организационных вопросах военного времени.

Общий образ Ваффен СС во время войны претерпел глубокие изменения. Изначально рекрутов отбирали по строгим критериям только на территории Германии. Развитие войны привело к созданию войсковых частей из датских, норвежских, голландских, фламандских и других добровольцев. Эти части применялись в основном только на Восточном фронте, с единственным исключением, когда созданная лишь в 1944 году «Ландштурм Недерланд» была удачно использована при обороне Голландии. Постепенно представители почти всех европейских наций объединились в совместной борьбе с большевизмом. Идея европейского единства (см. Приложение) получила здесь свое первое боевое кре-

щение. На постоянной или временной основе были созданы или присоединены валлонские, французские, итальянские, боснийские, хорватские, албанские, венгерские, румынские, украинские, латвийские, эстонские, финские части, при этом в Ваффен СС были приняты и другие, более мелкие группы из других европейских народов. Эти части тоже были использованы исключительно на Восточном фронте. В рамках борьбы против советского режима позже к нам присоединились и русские, белорусские, туркменские и татарские части, а также казацкие, части из кавказских народов, вспомним также и индийский легион. Что касается личного состава Ваффен СС, то с начала войны все большее значение стала приобретать группа этнических немцев. Эти солдаты, которые в основном происходили из Южной Европы, но также из России и из Польши, некоторые из которых проходили в Ваффен СС военную службу в соответствии с договором между государствами (напр., Румыния), составляли значительный контингент почти во всех частях Ваффен СС.

Мы обрисовали здесь общую картину состава Ваффен СС, чтобы показать часть тех трудностей организаторской работы, с которыми нужно было справляться Главному оперативному управлению СС на фоне трудностей, обусловленных постоянным численным увеличением состава и развитием войны.

После событий 20 июля 1944 года Гиммлер стал Верховным главнокомандующим резервной армии. При этом ничего в организации Главного оперативного управления СС не изменилось. Ю т т н е р был назначен его заместителем в Верховном командовании резервной армии при сохранении его должности в Главном оперативном управлении. Было ли это удачным решением — вопрос спорный.

Следует категорически заявить, что части Ваффен СС ни в какой мере не были задействованы в подавлении мятежа в связи с покушением.

Школы и резервные части росли пропорционально росту боевых частей и становились огромной организацией. Количество их персонала составляло в начале 1945 года около 115 000 человек. Они были дислоцированы на родине и частично на оккупированных территориях.

Юнкерские школы (военные школы) находились в Бад-Тольце, Брауншвейге (позже — в Позен-Трескау), Клагенфурте и Праге.

Военные школы для танкистов, панцер-гренадеров, истребителей танков, расчетов штурмовых орудий, саперов, кавалеристов, зенитчиков, связистов, военнослужащих горных частей и артиллерийские школы находились в разных местах, там же, где и школы для унтер-фюреров для всех родов войск.

Нижеследующий обзор видов школ должен отразить разнообразие военной подготовки.

Техника: автомобильное училище с инженерной школой и опытной базой, оружейно-техническое училище, училище связи, учебная кузница.

Санитарное дело: врачебная академия, санитарные школы, школа дезинфекции.

Администрация: школы для руководителей администрации, хозяйственные и административные службы, учебные кухни.

Кроме того, специальные школы переводчиков, военных корреспондентов, музыкантов.

Резервные части были разделены в соответствии с их задачами на учебные и резервные части. Их было около сорока. Все школы вместе с их учебными отделениями и резервные части были посланы в последний бой в 1945 году, когда противник проник на территорию

Германии. Их снаряжение не было полностью подготовлено для такого боя. Немотря на это большинство частей на Востоке и на Западе мужественно сражались, погибая в своих последних боях. Детали в большинстве случаев неизвестны.

ПОЛЬСКИЙ ПОХОД 1939 года

Во время похода на Польшу Ваффен СС прошли свое боевое крещение. Вести молодую часть в первый раз против врага — это всегда щекотливое задание; от командира тут требуется особенное понимание и опыт. Там, где этого недоставало, создавались критические ситуации. Но везде с ними удалось справиться.

Летом 1939 года войска особого назначения были переправлены по морю в Восточную Пруссию, где под командованием генерал-лейтенанта Кемпфа (армия) была создана смешанная танковая дивизия. От Ваффен СС в ее состав вошел полк «Дойчланд», подразделение разведки, артиллерийский полк, подразделение связи, а также вспомогательные резервные части; от армии был штаб дивизии, танковый полк 7 и саперный батальон.

Создание артиллерийского полка было закончено под командованием Ханзена. Было бы невозможно осуществить это так быстро без поддержки артиллерийской инспекции армии и артиллерийской школы. Во время похода на Польшу полк выполнил поставленные перед ним задачи.

Сначала никто не думал о войне, потому что приближалась 25-я годовщина победы под Танненбергом.

Столкновение с Польшей многим казалось неизбежным, хотя мы и надеялись, что все уладится мирным путем.

Поэтому ввод войск 1 сентября 1939 года — сначала на неделю отложенный — был неожиданным. Он проис-

ходил концентрированно из Силезии — здесь находились основные силы группы армий Рунштедта — и из Восточной Пруссии. В то время как внешние фланги из Верхней Силезии и Восточной Пруссии (13-я и 14-я армии) должны были, широко размахнувшись, замкнуть кольцо, 10-я и 8-я армии из Силезии выступили совместно с 4-й армией из Померании на Варшаву для уничтожения польских сил.

На правом фланге в 14-й армии был задействован полк «Германия». Он захватил польский индустриальный район и проник до территории Лемберга. Здесь развернулись тяжелые бои, которые привели к серьезным последствиям (погиб командир батальона Кеппен). На этом примере особенно стало ясно, что отдельные полки без собственной дивизии в составе чужих войсковых частей в большинстве случаев получают задания, которые они не могут или с большим трудом могут решить, поскольку им не хватает для этого средств поддержки.

Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» выступил в составе 10-й армии (Рейхенау) из Силезии через Крейцберг-Питхен в северо-восточном направлении.

После боев на границе и под Пабьяницей он принимал участие в окружении под Кутно и сражался на Бзуре, куда устремил свою отчаянную атаку из района Познани на юг против немецкого фланга отрезанные польские силы. Потом полк двинулся на Варшаву и блокировал крепость Модлин на южном берегу Вислы.

Здесь был задействован и саперный батальон СС, который выдвинулся из Ченстохова и позднее взорвал мост через Вислу близ Опатовки.

Смешанная танковая дивизия «Кемпф» с частями войск особого назначения ворвалась в составе группы армий Бока, 3-й армии Кюхлера на бункерскую позицию противника под Млавой, потом была выведена из боя и задействована позади успешного танкового

удара Гудериана на Нейденбург. Она сражалась под Прашницем, перешла Нарев под Ружаном, Буг под Броком и дошла через Седльце до района восточнее крепости Деблин на Висле. Сражения были часто с открытыми флангами, тяжелыми и не без критических ситуаций. В конце дивизия сражалась против прорвавшихся сил противника с двухсторонним фронтом, когда штаб дивизии находился практически на передовой.

Высшее командование опасалось прорыва польских сил из района крепости Модлин и Варшавы в сторону севера. Поскольку здесь собственные силы были слабыми, танковую дивизию вернули и задействовали для атаки на Модлин. Крепость с ее внешними укреплениями взяли штурмом.

После неполных трех недель закончилась большая битва на уничтожение на Висле.

После польской капитуляции дивизию отвели обратно к Нейденбургу, где она была расформирована, чтобы осуществить создание собственной дивизии СС.

Сформированный в 1938 году полк «Фюрер» был задействован на участке фронта Северный Рейн — Брейсах — Фрайбург на Западном валу.

Части «Тотенкопф» провели локальную акцию в местечке Ашер и создали хаймвер Данцига (данцигскую стражу).

ГОЛЛАНДИЯ / ФРАНЦИЯ. 1940 год

Ввод войск в Польшу привел к объявлению войны Англией и Францией 3 сентября 1939 года; событие, которого, очевидно, не ожидало политическое руководство. Зимой 1939/1940 года не последовало никаких военных действий. Вооруженные войска стояли друг напротив друга на Западном валу и на линии Мажино.

Дивизии посвятили это время обучению, тренировке совместных действий разных родов войск, особенно совместно с люфтваффе. Обучение владению оружием, тактические упражнения, тренировки сменяли друг друга. При этом все дивизии были подчинены армии.

У всех было впечатление, что столкновение с Западом неизбежно. Оно началось 10 мая 1940 года с немецкой атаки группы армий Бока — здесь в состав были включены две дивизии Ваффен СС — через Голландию и Бельгию и, южнее, группы армий Рунштедта с прорывом севернее Соммы до побережья.

Основной удар был сделан — в отличие от размытого плана Шлиффена 1914 года — не на правом фланге, а в центре между Аахеном и Триром.

Вторая фланговая армия, 18-я, в состав которой были включены лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» и дивизия особого назначения СС, была особенно слабой. Но, несмотря на это, ее наступление через Голландию и Бельгию сорвало подготовленный план союзников выступить навстречу противнику сильным франсуз-ско-английским северным флангом из Фландрии. Для взятия Роттердама и длинного валового моста у Мурдейка были задействованы парашютисты и части воздушной пехоты под командованием генерала Штудента.

Решающий прорыв совершила группа армий Рунштедта с танковыми войсками под комадованием Клейста, с танковым корпусом Гудериана во главе, по Арденнам, через Маас у Седана и севернее его.

Верховное командование дважды вмешивалось в ход наступления и придержало танки на канале Ла-Бассе и позже перед Дюнкерком. Возможно, причины этого объяснят будущие историки. Благодаря этому вмешательству англичанам удалось уйти, что они впоследствии назвали «дюнкеркским чудом».

После завершения этой первой операции немецкие силы приступили к наступлению против остальных французских армий на линии Вейганда, с основным ударом слева на юг до района западнее Лиона — Бургундского канала.

* * *

Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» был приведен в боевую готовность западнее Оснабрюка, у Рейна. Марш-бросок был совершен 10 мая 1940 года в нескольких колоннах в районе южнее озера Иссель до Зволле — Барневельд — Арнем и потом был продолжен южнее вала через Хертогенбос — Мурдейк. Вместе с парашютистами лейбштандарт СС взял Роттердам и продвинулся до участка Амстердам — Гаага. Потом он был отведен через Маас и Валансьен, присоединен к 6-й армии, затем к танковой группе К л е й с т а. К 22 мая он продвинулся через Аррас и Булонь до моря.

При наступлении на англо-французские войска, отступавшие к Дюнкерку, лейбштандарт в составе танкового корпуса Гудериана ударил 24 мая с запада, захватил Ваттен и после тяжелых боев у Эскельбека — Варму ограничил вражеский плацдарм, после того как командование наконец отозвало свой приказ танковым частям остановиться на Аа. Во время этих боев Зеппу Дитриху 25 мая чудом удалось избежать опасности во время личной разведки попасть в руки врагу.

После короткой передышки в районе Кале полк перебросили через Камбре и привели в боевую готовность для атаки 6-й армии через Сомму у Перона. Бои прошли в районе Хама — Ла-Фер — Лаона; Марну пересекли у Шато-Тьерри, Сену — у Прованса. Далее — атака по линии Санс — Осер — Невер. Атака на Мулен южнее Луары и дальнейшее наступление через Клермон — Виши — Роан до Сент-Этьенна юго-западнее Лиона.

В течение июля полк дислоцировался у Парижа, с начала августа — у Меца.

* * *

Дивизия войск особого назначения СС была приведена в боевую готовность в ночь перед наступлением у Везеля.

Одна боевая группа — усиленный полк «Фюрер» — была передана в распоряжение штаба X корпуса. Она штурмовала у Грабберга сильно укрепленную линию Граббе и продвинулась до Амстердама — Харлема.

Дивизия в составе XXVI корпуса выступила за 9-й танковой дивизией (армия) через Маас на Гох — Хертогенбос — Бреду южнее вала. Многочисленные гидроканалы, на которых были разрушены мосты, ставили командование и войска в сложное положение. Столкновение с голландцами и французами — частями 7-й французской армии, которые продвинулись из района Дюнкерка через Антверпен до Бреды, произошло лишь западнее Рисбергена. Части дивизии заграждали севернее от Антверпена путь от этой крепости, в то время как подкрепленный полк «Дойчланд» продвинулся до Северного моря и занял Флиссинген. Эти бои были тяжелыми, поскольку на полуострове Беверланд, который был укрепленным подступом к крепости Антверпен с затопленными и заминированными территориями, можно было передвигаться лишь по напоминающим дамбы улицам. Два километра дамбы до острова Валхерен удалось преодолеть лишь с помощью пикирующих бомбардировщиков. Эти бои длились до 17 мая, несмотря на то что сама Голландия капитулировала уже 14 мая. По воспоминанием Черчилля, при этом сильно пострадал французский XVI корпус.

Непосредственно после этого дивизию отозвали и переправили изматывающими ночными бросками че-

рез Гай — Живе — Ирсон по Бельгии во Фландрию к 4-й армии и потом ускоренно присоединили к танковой армии Клейста для отражения англо-французских попыток прорыва из района Арраса к югу.

При дальнейшем продвижении на север дивизия приняла на себя охранение правого фланга от вражеских сил, пытающихся прорваться из Бельгии на запад. После вхождения в состав XXXXI танкового корпуса Рейнхардта дивизия участвовала в тяжелых боях с 23 до 25 мая на Лис и на канале Ла-Бассе у Эстре, Эр и Сен-Венан. Особенно сложным заданием был бой за лес Ньепп с 27 по 29 мая, который был занят упорно сражавшимися англичанами, заградившими все переходы через многочисленные каналы леса танками. Это привело к ожесточенным ближним боям.

СМЕРТЬ В КОРНЕ-МАЛО

Корне-Мало сотрясают яростные танковые удары, он извергает огонь и ненависть из каждого уголка, каждого кустика. Томми защищают Корне-Мало с упрямым ожесточением. Танки в третий раз катятся к бушующей деревне. Уже различимы очертания местного пляжа. «Стоя-я-ять!» Черт, почему именно здесь эта огромная канава! Танк едет вдоль нее слева. Не находит перехода, сворачивает направо. Здесь, здесь должно пройти. Механик-водитель щурит глаза и взвешивает — маневрирует вперед и назад до тех пор, пока ему не удается переехать еще один похожий на мостик переход. А теперь крестьянский двор, прямо по курсу, окруженный крепкой стеной. «Газу! На стену!» Кирпичи измельчаются. Боевая машина врывается во двор, сворачивает железную решетку...

Но что же это? Зрачки обершарфюрера сужаются, его рот напрягается, как нож, — куда ни кинь взгляд, всюду англичане, англичане. На противоположной стороне ули-

цы, слева и справа, у домов, в сараях — англичане. Они с ужасом смотрят на танк, не двигаясь, как к месту прикованные...

Это великая секунда боя, секунда, во время которой весы тихо покачиваются и судьба замолкает, словно отходит в сторону, предоставляя людям решать за нее.

Орудия взрываются огнем тут и там, везде гремит железо. Молниеносный и мощный огонь танка загоняет противника в укрытие.

«На-пра-во, ма-а-арш!» Машина продолжает двигаться к намеченной цели.

Примерно через двадцать метров танк вдруг сотрясает. Экипаж чувствует что-то неладное в движении гусениц. Скорость становится все меньше и меньше, машина кренится направо, все ниже и ниже...

«Попали!»

Еще во время падения командир танка замечает сквозь смотровую щель вражеское орудие. Механически он откидывает люк — «Наружу!»

«Радист — к пулемету! Продолжать стрелять!» Железо звучит в голосе. Танк так неудачно лежит, что орудие больше невозможно использовать. Бравый радист прочесывает огнем местность перед собой — огневое заграждение для его товарищей. Томми спешат укрыться. Обершарфюрер вытаскивает унтерштурмфюрера и водителя из танка... Потом их догоняет радист...

Они стоят в канаве, прыгают по грудь в воде. Потом пробираются вперед сквозь камыш и сорняки. Силы уже на исходе, жизнь уже висит на волоске. Вперед, вперед... Мост! Обершарфюрер прыгает — и вот он уже на другой стороне, невредимый. И выразительно смотрит на своих двух товарищей. Унтерштурмфюрер приготавливается к прыжку, вытягивает руки и сгибается. Неистовый пулеметный огонь пронзает воздух над канавой.

Вперед! Теперь вот в кусты и через поле... Ползком, прижавшись как можно ближе к земле. Бесконечно медленно толкают себя вперед, по двадцать сантиметров.

Они чувствуют запах земли под шипящими выстрелами и ползут вперед. Два с половиной километра. Время испаряется. Его больше нет, есть только это продвижение вперед ползком. Два с половиной километра. И снова канава, в этот раз вода достает до подбородка. Но теперь уже немного осталось...

Немецкие голоса? В ушах звенит и шумит. Немецкие голоса — дома! Два эсэсовца, все в грязи, пошатываясь, входят в деревню. «У тебя есть сигарета?» — «Только французская!» — «Спасибо!»

Радист: англичане уже почти рядом, каких-то пятьдесят метров за ним. Он не осмелился прыгнуть через мостик. Пули шмякаются вокруг, рикошетя, земля вздымается. Проклятый мост. Радист вытягивает себя из канавы и лежит, прислушиваясь. Огонь утихает. Стоит ли ему прыгнуть? Он поднимает голову...

Но к нему уже подбегают томми. Убрать их! Пистолет снят с предохранителя. Тем временем их стало уже двадцать, они спешат сюда. И восемь патронов. Не пойдет. Тогда он притворится мертвым — как там выглядят эти мертвые, когда валяются на земле? Он изобразит мертвого, лежащего на животе, думает он. Его руки хватаются за землю, голова обессиленно лежит в траве — многие еще держат оружие, — пистолет остается в руке. Вот они подбежали, орут как сумасшедшие. Возможно, это конец — забыться, глубоко забыться — уйти из жизни... Но жизнь обжигает. Он чувствует удар ногой под ребра. Смех — что это тут опять... труп.

Теперь уже никто не околачивается вокруг него. Они спешат дальше, тащат боеприпасы, тяжело дыша и ругаясь. Наконец он привык к этому, дышит украдкой, как будто он всегда так дышал. Чувствует опасность, как будто он всегда умел чувствовать опасность, ощущает возможную необходимость умереть как человек, которому сказали, что однажды очередь дойдет и до него...

Вдруг что-то начинает твориться вокруг — бам-м! И снова: бам-м-м! Артиллерия, в тридцати-сорока метрах от него. Земля дрожит, осколки свистят в воздухе. Он за-

бирается в болото и дышит через раз. Только бы не быть разорванным в клочки собственными гранатами.

Если бы дождаться сумерек, то он был бы почти спасен. Пулемет на мостике все не смолкает. Но теперь нужно действовать — оглядеться, — и вот он уже пробирается вперед, через водяные канавы и борозды, так, как это недавно делал командир танка. Постепенно на лес опускается вечер. Полыхающая деревня окрашивает небо в красный цвет, густые облака дарят долгожданные сумерки. Он бежит из последних сил к деревне, находит там армейскую батарею. Командир батареи встречает его как брата...

На следующий день и он возвращается в родную часть...

ПК-СС

Объединение немецких сил, продвинувшихся до побережья с востока и с юга, привело к выводу из боя дивизии особых войск СС в район Хазебрука — Касселя.

После небольшой передышки последовала переброска дивизии в район юго-восточнее Арраса для атаки на линию Вейганда против остатков французской армии, которые остановились южнее большого клина прорыва. Дивизия присоединилась к 6-й армии Рейхенау, сначала к XVI корпусу, которому был подчинен и артиллерийский полк для подготовки наступления. Атака состоялась 5 июня, дивизия находилась во второй волне. После перехода Соммы ночью, совсем рядом с открытым флангом противника, дивизия ударила глубоко в тыл врага. Завязались бои против этого фланга противника и позже на Авре под Гербиньей. После прорыва танковой группы Гудериана восточнее, в Шампани, дивизия была переправлена к частям XIV танкового корпуса под командованием Виттерсхейма, танковая группа Клейста — для наступления на Труа через Суасон, за Марну и Сену. Южнее этого места 16 июня состоялись последние тяжелые бои с французами, отступавшими

под напором южной группы армий Лееба от линии Мажино на запад. Несмотря на временные кризисные ситуации, количество военнопленных увеличилось до более чем 30 000 человек. Наступление окончилось под Ле-Крезо.

21 июня дивизия особых войск СС, а за ней и дивизия СС «Тотенкопф» двинулись по маршруту Орлеан — Тур — Пуатье — Ангулем — Бордо до испанской границы (последний дневной марш-бросок — 380 километров). Остатки французской армии были обезоружены.

После подписания капитуляции дивизия приняла на себя охрану побережья Бискайского залива и демаркационной линии. После нескольких дней отдыха дивизия была направлена в Голландию, в конце года — в район Весул.

Дивизия СС «Тотенкопф» была приведена в боевую готовность близ Кельна и двинулась вслед за 6-й, а потом и 4-й армией вдоль Мааса по Бельгии по маршруту Мезье — Ле-Като — Камбре на Аррас, где во время отражения вражеских танковых ударов 21 мая 1940 года развернулись серьезные бои, приведшие к тяжелому положению. Наступление к морю для окружения англо-французских сил привело к обороне и наступлению на район канала Ла-Бассе и Бетюн, потом под Армантье и Байёль в составе XVI танкового корпуса во время Дюнкеркского сражения.

После короткого боя за побережье у Гравлина дивизию послали для сражения за линию Вейганда в районе Перона. Сражения в составе XIV танкового корпуса растянулись до Сены и Луары, преследование — до района севернее Лиона. Затем — передислокация вслед за дивизией войск особого назначения СС для охраны побережья от Гаронны до испанской границы и демаркационной линии.

Дивизия полиции была переброшена с Северного Рейна в Париж. Она тоже участвовала в боях.

* * *

Отрывок из военного дневника одной дивизии описывает заслуги водителей:

«В эту ночь дивизия совершает один из уже привычных ночных марш-бросков. Здесь нужно отметить заслуги водителей, их небывалые подвиги во время таких ночей.

Ночной марш-бросок с 1 на 2 июня был особенно трудным. Густые облака свешиваются с неба, темно, хоть глаз выколи. В соответствии с приказом едем с выключенными фарами. Что это значит — ехать в такую ночь по узким пыльным дорогам без света, поймет лишь тот, кто сам сидел за рулем.

Водитель пристально смотрит на едущую впереди машину, которая движется темной тенью и вскоре совсем исчезает в пыли, а потом вдруг ужасающе быстро останавливается прямо у его радиатора. И только молниеносное нажатие тормозов предотвращает столкновение. Водитель проезжает в сантиметрах от лежащих справа и слева сломанных и сожженных машин неприятеля, которые, словно призраки, то и дело всплывают на обочине дороги. Дороги Фландрии после этой огромной схватки на уничтожение усеяны разрушенным или просто оставленным транспортом английской и французской армий. В тех местах, где бомбы или танки попадали в колонны с лошадями, на обочинах теперь стоят запряженные или распряженные добродушными солдатами лошади рядом со своими повозками или посреди зеленых полей.

Часто останавливаемся, как и во время марш-бросков предыдущих недель. Впереди разрушенный мост, который нужно обойти по песчаному полю, через ухабистые импровизированные мосты. Другие колонны пересекают нашу дорогу или идут нам навстречу. Несмот-

ря на все усилия руководства, нередко две-три колонны идут рядом по одной дороге. И часто освобождать себе дорогу приходится не церемонясь. Измотанные водители уже заснули у руля. Тогда мотоциклисты, громко крича, шумно проносятся вдоль длинной колонны, будя всех. Моторы начинают реветь, и постепенно гусеница колонны снова приводится в движение. И когда наутро или чуть позже цель марш-броска достигнута, часто без единой потери или лишь с вмятиной на грязной дверце, то это — заслуга водителей, которые вносят свой вклад в общий успех!»

* * *

Заслуги дивизии в походе на Запад были отмечаны первыми шестью Рыцарскими крестами.

Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер»: Зепп Дитрих.

Дивизия особых войск СС: два командира арьергардных и штурмовых частей, командиры батальона и полка (Кепплингер, Фойгт, Витт, Кепплер, Штайнер).

Время до весны было посвящено обучению, отдыху и переобучению. Дивизия особых войск СС передала лейбштандарту «Адольф Гитлер» артиллерийское и особое оружие, вновь созданной дивизии «Викинг» под командованием Штайнера — полк «Германия», который был заменен 11-м полком «Тотенкопф».

В военной подготовке дивизии «Тотенкопф» особое участие приняло подразделение армии, которому она была подчинена, под командованием генерала Дольманна (умер в 1944 году в должности главнокомандующего 7-й армией). Работе помогали хорошие отношения между Дольманном и Эйке. Дивизия должна быть благодарна ему за это.

Далее, в районе Штеттина были сформированы горные войсковые части — позже 6-я горная дивизия, кото-

рые впоследствии были задействованы в Финляндии а также кавалерийская бригада в генерал-губернаторстве.

Проведенные в Голландии осенью 1940 года полевые учения у «Хельдер» служили, кажется, скорее сокрытию настоящих намерений.

Адольф Гитлер в рейхстаге впервые признал заслуги наших воинских частей и еще раз назвал их «вооруженные СС» — Ваффен СС. Дивизия войск СС особого назначения была названа «Рейх», позже — «Дас Рейх».

ВОЙНА НА БАЛКАНАХ В 1941 году

Неудачное решение Муссолини начать войну против Греции и его поражения заставили немецкое руководство предложить ему военную поддержку. В нее входил и лейбштандарт СС «Адольф Гитлер», который в середине февраля 1941 года был переправлен из Мец в Румынию, находился в состоянии ожидания в районе Софии — после вступления Болгарии в Пакт трех держав — до начала апреля и потом вступил в южную Югославию в составе 12-й армии. В это время политическая обстановка неожиданно изменилась. После государственного переворота недавние соглашения с германским рейхом оказались недействительными. Югославия перешла на сторону наших врагов. Вступление туда войск было сымпровизировано. 6 апреля 1941 года лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» — под командованием З. Дитриха — перешел границу у Кюстендила и двинулся через Скопье к Монастирю. Здесь, на перевалах Клиди и Клисура на греческой границе, развернулись тяжелые бои. В то время как некоторые части приняли на себя прикрытие других частей от албанцев, остальные смогли в районе Янины обезоружить значительно

количество греческих сил. Следующее наступление вело на юг. Через Коринфский залив переправились на Пелопоннес у Патры и в конце апреля достигли на юге Средиземного моря и через перешеек — Афин.

После передышки в районе Ларисы был предпринят отход через Скопье — Ниш — Белград на Брод. В начале июня последовала переправка в Брюнн. Таким образом, закончился этот особенно интересный для лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» поход.

В походе против Югославии принимала участие и дивизия «Рейх». Она была неожиданно, без подготовки и без надлежащей готовности тыловых служб к поставкам резервов, переправлена из Весула через Бургундский канал по замерзшему Шварцвальду через Южную Германию, Вену, Будапешт, Арад в румынскую Тимишоару. Здесь она вошла в состав армейского полка «Гросс-дойчланд» («Великая Германия») под командованием Рейнхардта. Этот громандный марш-бросок был безрадостен, но многому научил.

Основной удар в операциях против столицы Белграда наносился южнее Дравы и Дуная; севернее рек сражался только танковый корпус Рейнхардта для чистки Баната и Бачки. Подход к Белграду с северного Дуная казался безнадежным. Несмотря на это штурмовой группе — мотострелковому батальону под командованием Клингенберга, удалось на раздобытой моторной лодке после преодоления нескольких препятствий достичь Белграда и заставить главу города сдать город. Арьергардные части армии достигли крепости с южной стороны Дуная примерно в то же время. Город, однако, был сдан Клингенбергу (Рыцарский крест; погиб в должности командира дивизии в 1945 году на Западном фронте). Следующих приказов дивизия ожидала в районе Гмундена, юго-западнее Линца.

ВОЙНА ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1941—1942 годах

Солдат-фронтовик не мог предвидеть дальнейшего развития событий. О проводящихся переговорах с Советской Россией сообщали заведомо тенденциозные новости. Дивизии Ваффен СС не принимали участие в заблаговременной концентрации сил на Востоке. Они еще находились во Франции, Германии и в протекторате. И только незадолго до начала военных действий пять дивизий были отозваны на Восток.

Дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и «Викинг» вошли в состав группы армий «Юг» (ком. Рунштедт), «Рейх» — в состав группы армий «Центр» (ком. Бок) и дивизия «Тотенкопф» с дивизией полиции — в состав группы армий «Север» (ком. Лееб).

Наступление началось 22 июня 1941 года.

В связи с недостаточным количеством документов трудно объективно судить об этом походе, тем более что в большинстве случаев единственным источником является собственная память. Подробности о подразделении и задачах групп армий все еще отсутствуют.

Можно сказать с уверенностью, что суждение о Ваффен СС со стороны как друзей, так и врагов сложилось именно на основе их участия в этих боях 1941—1942 годов. Эти первые дивизии СС крепко сплотились и создали себе репутацию отважных и чрезвычайно надежных войск. Сначала познакомиться с ними смогла только часть армии, в первую очередь — танковые и моторизованные дивизии. Это было начало их товарищества.

Юг

Группа армий «Юг» должна была наступать между Прутом и Припятью, минуя Киев, в промышленный район, чтобы сильным левым флангом оттеснить противника к морю. Сначала это не совсем удалось. Дождливая

погода замедляла движение вперед; ответные удары 5-й русской армии из Припятских болот против нашего северного фланга свернули наступление с планируемого направления.

Дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и «Викинг» были одна за другой приведены в боевую готовность западнее верхнего Буга у Томашева и южнее Хелма и входили в состав 1-й танковой группы К л е й с т а.

В бою эта группа проявила особенную маневренность. Ее послали на Киев, потом, совершив маневр вправо, она участвовала в окружении сил Буденного западнее Днепра. Потом войска — без обеих дивизий СС — двинулись на север, где с середины августа по 23 сентября оказали поддержку Гудериану в огромном котле у Киева. В это время остальная часть танковой группы — «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и «Викинг» — наступала дальше на восток к Днепру между Херсоном и Днепропетровском.

Затем танковая группа воссоединилась, двинулась на восток и загородила противнику дорогу севернее Азовского моря. Ее следующей целью был Ростов.

Позднее развернулись похожие на предудыщие действия: отражение ответных ударов, оттеснение и оборона на Миусе.

27 июня 1941 года лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» пересек границу у Сокола и к середине июля продвинулся по маршруту Луцк — Ровно — Житомир до Киева. Бои за Дубно и Улику, прорыв Сталинской линии (на участке Горынь — Случь), у Новомирополя и сражения на шоссе у Соколовки, предохранение у Киева. После этих пограничных боев дивизия свернула через Бердичев на юг, чтобы в начале августа замкнуть кольцо Умани у Новоархангельска и потом, после боев у Зазелья, Ново-Данцига, занять город Херсон и оборонять Днепр. После четырнадцатидневной передышки под Добринцом перешли Днепр у Берислава.

ТОЛЬКО СПОКОЙСТВИЕ.

Почти весь западный поход Гейн проспал на прицепе, кроме того времени, когда затевалась стрельба и ему нужно было менять магазины. В России со сном дело обстояло уже хуже, потому что там нужно было ожидать нападений и атак противника и во время переездов. Что ему совсем не нравилось, так это рытье окопов. Но он упрощал себе работу: один глубокий и широкий копок лопатой, чтобы он мог удобно лежать — ему этого хватало. И ему с такими окопами всегда везло. Однажды где-то у Ельни, куда мы никак не могли добраться со своими несколькими пушками против тридцати семи батарей иванов, мы хотели продолжить наш обед, прерванный переменой места. Мы уже уютно раположились вокруг кухни и штыком открыли банку ливерной колбасы, как вдруг нас раскидало в разные стороны от нескольких глухих выстрелов. Потом они превратились в грохот — грязь кусками барабанила о землю, и осколки свистели в воздухе. Когда мы отчаянно попытались прорыть окопчик хотя бы для головы, Гейн закричал: «Сначала спрячьте колбасу и закройте кухню, а то сейчас снова ударят». Но в этот момент кухня нам была «до колбасы».

При наступлении на Перекоп по земляному мосту к полуострову Крым воинские части СС проводили чистки в районе южнее Херсона, в то время как другие сражались за татарский ров.

Между Азовским морем и нижним Днепром бои преследования сменялись отражением ответных ударов противника. Они привели после сражения на Азовском море до Мариуполя, после боев преследования до Донца 17 октября 1941 года к взятию Таганрога, позднее — Ростова и к оборонительным боям северо-западнее от них до середины ноября. Эти далеко зашедшие завоевания были сданы под сильным натиском врага. До начала декабря сражались восточнее Миуса, потом дер-

жали позиции на этом участке до начала июня 1942 года. После одного месяца охраны берега дивизию в начале июля 1942 года транспортировали от Сталино во Францию в район северо-западнее Парижа на отдых и пополнение в качестве танковой дивизии до конца года.

Здесь следует добавить, что 11 декабря 1940 года последовало объявление войны Америке в свете японского нападения на Перл-Харбор и что Адольф Гитлер после отставки фон Браухича лично принял на себя командование армией; решение, последствия которого мы до сих пор не можем осознать. Главнокомандующий группы армий «Юг» Рунштедт был в конце 1941 года заменен на фон Райхенау.

Дивизия «Викинг» была сформирована 11 ноября 1940 года на полигоне Хойберг под командованием Штайнера из полка «Германия» и других частей. Она состояла наряду с «Германией» из полков «Нордланд» и «Вестланд» и была сформирована почти на пятьдесят процентов из голландцев, датчан, норвежцев и финнов. Это были первые войска с европейскими добровольцами.

После приведения в боевую готовность для наступления на Восточном фронте в том же районе, что и лейбштандарт СС «Адольф Гитлер», эта дивизия перешла границу 29 июня 1941 года через Раву-Русскую. В «Пограничном сражении в Галиции» она наступала через Тернополь, прорвала Сталинскую линию у Сатанова и достигла Проскурова. В районе юго-восточнее Житомира развязались бои у Сквиры и Белой Церкви, на обеих берегах Роси.

В «Боях преследования до Днепропетровска» дивизия сражалась у Смели, на Днепре у Чигирина и участвовала во взятии Днепропетровска. Оборонительные бои за предмостное укрепление длились больше месяца. Дорога была открыта в конце сентября 1941 года, при

этом значительную помощь оказала боевая группа Штольц (Флепс), наступавшая на северном берегу. В «Сражении на Азовском море» и в «Боях преследования до Донца» дивизия была задействована севернее, чем лейбштандарт СС «Адольф Гитлер»: бои в районе Игнатьевка — Мариенфельд, переход через Крынку, Миус, отражение ответных ударов противника у Бирючей и Дарьевки. Расстановка сил заставила 18 декабря отступить и привела к длительному противостоянию восточнее Миуса (Тузлов) и к обороне на Миусе с 1 декабря 1941-го по 21 июля 1942-го. В течение этого времени части дивизии много раз были задействованы в обороне на критических участках фронта армии, особенно западнее и севернее Сталино.

Чтобы сохранить логику событий, здесь должны быть упомянуты и дальнейшие бои дивизии, вплоть до марта 1943 года. Верховное командование уже в то время приняло решение перейти от обороны к наступлению на участке между Черным морем и Курском на Кавказ, на участок Волги у Сталинграда и на средний Дон. Наступление началось в начале июля 1942 года. Дивизия продвинулась на юго-восток к Кавказу. Эти бои были наиболее успешными, но не могли повлиять на ход событий, который привел к Сталинграду. Поскольку лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» находился во Франции, «Викинг» остался теперь единственной дивизией Ваффен СС в составе группы армий «Юг». Она снова находилась в составе танковой группы Клейста.

После перехода через Самбек 24 июля 1942 года был взят Ростов и Батайск, потом наступление продолжилось на юго-восток, в начале августа была пересечена Кубань и ее приток Лаба.

До середины сентября длились жестокие наступательные и оборонительные бои за область Майкопа и в горах Западного Кавказа (Пшехская, Линейная, Хады-

женский, Апшеровский). Поскольку операции группы армий здесь «застопорились», в середине сентября дивизия была переброшена на Восточный Кавказ. 26 сентября началась атака на Грозный в районе Терека. У Загопшина и Малгобека развернулись тяжелые танковые бои. Несмотря на локальные успехи, атака не продвигалась, и поэтому дивизия была переброшена на юг в район западнее Орджоникидзе.

БЕЗБИЛЕТНЫЙ ПАССАЖИР

Иногда прибытие новых учеников в юнкерскую школу порождало суматоху, и, когда кандидаты в фюреры стекались со всех концов фронта, не всегда все бумаги оказывались сразу под рукой. Но в конце концов главное — это то, чтобы юнкера успешно прошли обучение, бюрократия могла и подождать. К каким милым сюрпризам это могло приводить, школьное руководство увидело на примере одного «безбилетного пассажира», который, как и все, явился к началу курса и в обычной суматохе был принят на обучение. Практически в то же время, когда ему вручали свидетельство о присвоении звания штандартенобершюнкера СС и особенно хвалили за образцовые заслуги, из войсковой части пришли надолго задержавшиеся документы. Согласно им, этого человека... перевели в юнкерскую школу в качестве конюха.

Бои здесь продолжались больше месяца. В ноябре командование дивизией перенял Г и л л е, который сохранил этот пост до августа 1944 года. Штайнер сформировал III танковый корпус.

В сочельник многие части были отделены от своих дивизий и переправлены по железной дороге в район севернее Маныча для отвлекающей атаки 4-й танковой армии Гота на Сталинград. Здесь в декабре танковая

дивизия армии вела успешное наступление на отрезке между дорогой на Сталинград и Доном. Но прорыв русских с севера на верхний Чир положил этому конец. Войсковые части были брошены туда. Таким образом, «Викинг» пришел слишком поздно. Было приказано включить в свой состав силы 4-й танковой армии у Зимовников. Надежды на бои 6-й армии в Сталинграде были убиты. Следствием было отступление по маршруту Орловская — Ростов в район Сталино. Этот маневр оказался особенно сложным, поскольку с северного фланга постоянно существовала угроза нападения со стороны опережавших частей русских, особенно при переходе через Дон у Ростова.

В том, что эту задачу удалось выполнить, — заслуга командования.

Сразу вслед за этим, до середины февраля 1943 года, последовали бои за Красноармейск против южного фланга мощного наступления русских от Дона до Днепра и ответные удары до 1 марта в сторону Донца до Изюма параллельно с боями 4-й танковой армии Гота и танкового корпуса СС за Харьков. Положение на линии фронта вдоль Миуса привело к новым боям на этом участке. Сопротивление на местах (Манштейна, Листа) операциям на юго-восточном фронте, расч..ленным на Западный Кавказ, Восточный Кавказ и Волгу у Сталинграда, было более чем обоснованным. Сомнения в целесообразности действий Верховного командования стали особенно ярко выраженными во время задействования дивизии «Викинг». И здесь снова на первый план ставились экономические интересы (нефть!).

* * *

Группа армий «Центр» под командованием фельдмаршала Бока должна была разгромить русские войска к северу от Припятских болот, еще западнее земляного

моста у Орши, между Днепром и Двиной, и продвинуться правым флангом до участка Рославль — Ельня — Смоленск. Здесь находилось направление основного удара. Танковые войска группы армий вел справа Гудериан, а слева — Гот. Первые состояли из трех танковых корпусов, при этом XXXVI танковый корпус Витингхоффа — во второй волне, с 10-й танковой дивизией (Ш а а л ь), дивизией СС «Рейх» и полком «Гроссдойчланд».

Дивизия СС была приведена в боевую готовность в середине июня севернее Люблина. После падения Брест-Литовска в результате задействования пехотного корпуса и танков XXXVI танковый корпус был 26 июня передвинут на шоссе на Барановичи, в арьергардном эшелоне — дивизия СС. На этом шоссе находилось несколько танковых и моторизованных дивизий и одна пехотная дивизия. Очевидно, что это привело к сложностям. Затем танковая группа двинулась вперед широким фронтом южнее Минска, корпус Витингхоффа находился посередине. Вскоре дивизию отозвали направо и задействовали в сражении. Завязался бой против врага и множественных болот между Припятью и шоссе: Яселда, Сжара, Слух и Свислох. До этого времени решения принимались в пользу задействования сильных передовых отрядов. Оборона глубоких флангов требовала особых мер, при этом особенно проявил себя батальон стрелков-мотоциклистов.

Серьезные бои развернулись с 4 по 7 июля за переправу Березины, южнее местечка Березино и через Друть. В этом сражении саперная рота, которую отдельно подтянули для подкрепления, была атакована русскими и уничтожена. Никто не выжил.

За Днепром воздвигалась «Сталинская линия» с несколькими предмостными укреплениями. После захвата предмостного укрепления у Шклова 10 июля удалось быстро переправиться на другой берег вместе с сосед-

ним полком «Гроссдойчланд». Были сформированы авангардные отряды и направлены на Горький. В этих боях погиб отважный командир 11-го пехотного полка Вим Брандт. Несмотря на то что на правом фланге было обнаружено местонахождение больших сил противника, части дивизии были посланы в противоположном направлении, северо-западном, на Дорогобуж, восточнее Смоленска. Но труднопроходимые болотистые леса заставили командование снова повернуть эти части на восток. Это направление движения сохранилось, когда с 13 июля были предприняты сильные контрудары с юго-востока против танковой группы. Вслед за 10-й танковой дивизией «Рейх» двинулся в юго-восточном направлении через аэродром Починок до Ельни вдоль смоленской железной дороги и отсек танки от линии фронта. Здесь с 20 июля началось великое испытание на стойкость, которое длилось пять тяжелых недель. В Ельне находилось острие всего восточного фронта, который на юге сворачивал обратно на запад до Киева, а на севере через Смоленск был направлен на Ленинград. Об этот участок фронта разбивались разные по силе контратаки фронта Тимошенко на юго-востоке, востоке и северо-востоке. 26 июля, например, со стороны противника было задействовано примерно от шести до семи пехотных дивизий и одна танковая дивизия. В этой связи в приказе по части была особенно упомянута группа Ферстера мотострелкового батальона. В результате этого боя была потеряна только одна деревня (Ушаково). При ночной попытке вернуть ее Остендорфф заслужил Рыцарский крест.

Из приказа по дивизии от 09.08.1941

...Штурмовые орудия несколько раз расчищали путь пехоте. На Березине русские подорвали мост как раз в

то время, когда на нем находилось штурмовое орудие оберштурмфюрера СС Телькампа. Орудие свалилось с высоты примерно в восемь метров. Командир батареи, гауптштурмфюрер СС Гюнстер и оберштурмфюрер СС Телькамп вместе с их расчетом продолжили бой и особо отличились в нем.

Обершарфюрер СС Блауенштайнер, 5-й СС «Фюрер», первым ворвался на позиции врага в предмостные укрепления на высоту 215 западнее Днепра и тяжелыми орудиями сразил семь полевых укреплений русских.

Обершарфюрер СС Фридель, 3-й СС «Фюрер», после того как весь взвод погиб в бою за высоту 125, один с ручной гранатой и пистолетом прикрывал отход своего эшелона на позицию.

Унтерштурмфюрер СС Рапль, противотанковое отделение, своим орудием уничтожил восемь вражеских танков в овраге на дороге в Дорогобуж. Его образцово короткий приказ звучал так: «Подпустить на 50 метров, сначала первых, потом последних, потом — остальных!»

6-я батарея артиллерийского полка подстрелила, частично с открытых позиций, несколько вражеских танков. Офицер батареи оберштурмфюрер Штоллер.

24 июля противнику в третий раз удалось, после сильшейшей артиллерийской подготовки, в бою против слабого состава ворваться в деревню Ушаково. Силы обороны были подорваны. Положение стало критическим, поскольку дальнейшее наступление русских угрожало бы общей позиции танкового корпуса. Первый офицер Генерального штаба, оберштурмфюрер СС Остендорфф, поспешил вперед, сам провел разведку участков прорыва, задействовал оставшуюся тяжелую технику, штурмовые орудия и позднее — танки, привел в боевую готовность последнюю находившуюся в его

распоряжении роту и сам командовал ответным ударом. Таким образом, ему удалось устранить опасность на левом фланге и нормализовать ситуацию. В этих ночных боях группа Ферстера 1-го мотострелкового батальона показала пример героического выполнения своей задачи по прикрытию флангов своей роты...

Генеральный штаб
XXXVI танкового корпуса. 10.08.41

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ

После одного из тяжелых оборонительных боев на Северо-восточном фронте у Ельни группа Ферста 1-го мотострелкового батальона СС, которой было поручено прикрывать левый фланг роты, была найдена в следующем положении:

командир, унтершарфюрер СС Ферстер, с рукой на шнуре последней ручной гранаты: убит выстрелом в голову;

первый стрелок, роттенфюрер СС Клайбер, с пулеметом на плече и пулей в стволе: убит выстрелом в голову.;

второй стрелок, штурмманн СС Бушнер, третий стрелок, штурмманн СС Шима: убиты в окопе, винтовки на взводе;

радист, штурм. СС Одлеберсхуис, убит у своей машины, с рукой на ключе, погиб в тот момент, когда собирался передать свое последнее сообщение;

водитель, штурм. СС Швенк, убит в окопе.

От противника остались только трупы, лежавшие в полукруге на расстоянии брошенной гранаты от позиции группы.

Вот пример того, что такое «оборона».

Мы глубоко чтим их героизм.

Я распорядился, чтобы эти имена были опубликованы в почетном листке немецкой армии.

Командующий генерал
Подписал Витингхофф-Шиил,
генерал танковых войск

На других участках фронта войска держались без территориальных потерь. После трех недель дивизия СС была заменена на две пехотные дивизии (286-ю и 292-ю) и затем задействована северо-западнее этого района, вместо 17-й танковой дивизии, потом, в конце августа, была на короткое время передислоцирована под Смоленск в качестве резерва. Этот маневр был связан с ключевым решением Верховного командования продолжить бои перед наступлением зимы; решением, которое в конце концов привело к неудачам в операциях этого года. В основном существовало три варианта дальнейших действий: наступление на Москву, уничтожение длинного фланга под Киевом и атака на Ленинград. Последний вариант не смог бы изменить ход войны. Москва была не только столицей, но и огромным узловым железнодорожным центром. В случае его захвата у противника для оперативных передислокаций остались бы лишь несколько северных и южных железных дорог. Еще оставалось время перед осенней слякотью и зимой, чтобы достичь Москвы. Соответствующие предложения в срочном порядке поступили от группы армий, а также от Гудериана. Они были отклонены, поскольку занятие индустриального района на Донце по экономическим соображениям стояло на первом месте. Поэтому танковая группа Гудериана — сперва без корпуса Витингхоффа — уже была брошена на юг для участия в боях за Киев. Севернее Десны она попала в сложное положение, и ей на помощь

была послана дивизия «Рейх». До этого времени фельдмаршал Бок придерживал эту дивизию, все еще рассчитывая на своевременное наступление на Москву.

Таким образом, в начале сентября дивизия двинулась по маршруту Рославль — Стародуб на юг и исправила положение 10-й моторизованной дивизии, которая к этому времени была измотана тяжелыми боями на Десне.

К позициям у Десны смогли добраться и участвовать в боях только некоторые части дивизии. Грозы и затянувшиеся дожди превратили дороги в месиво. Все машины пришлось затащить на возвышения с помощью тягачей. Следствием этого были большие временные задержки. Походная колонна растянулась на расстояние, равное семи дням марш-броска.

Дивизия была подчинена XXIV танковому корпусу под командованием барона Гейра фон Швеппенбурга и задействована на его правом фланге, то есть на границе со 2-й армией.

6 сентября дивизия захватила переправу через Десну у Макошино, при этом железнодорожный мост невредимым попал в руки мужественной штурмовой группы Рентропа. Затем она продвинулась на юг по железнодорожной насыпи, глубоко во фланг уклоняющихся на восток русских, и 16 сентября взяла Прилуки.

Командующий
2-й танковой группой 23.09.41

ПРИКАЗ ПО ДИВИЗИИ

Солдаты дивизии СС «Рейх»!

Первого сентября 41-го года дивизия выдвинулась из района под Смоленском, чтобы сражаться на правом

фланге танковой группы в боях за переправу через Десну. Марш-бросок был сопряжен с небывалыми трудностями, как для людей, так и для техники, из-за плохих дорог и частых ливней. Дивизия растянулась на расстояние более шести дней пути. В тяжелых боях фронт противника был прорван, Десна и Сейм пересечены, и 13 сентября замкнуто кольцо вокруг сил противника путем соединения с одной из танковых групп, наступавших с юга.

Командующий 5-й русской армией попал в наши руки. Тем самым был полностью повержен весь южный фронт русских. В эти недели вы множество раз в полной мере исполняли свой долг, снося все трудности, несмотря на то что уже с 22 июня 1941 года не знали отдыха.

Страницей славы останутся в истории дивизии сражения за железнодорожный мост в Макошине.

Я благодарю вас за ваш боевой дух, который вы так часто проявляете. Я желаю дивизии, в данный момент уходящей из распоряжения нашей группы, всего наилучшего.

Да здравствует Германия и да здравствует наш фюрер!

Подпись: Гудериан

К юго-востоку от этого танковая группа Гудериана и с юга танковая группа Клейста группы армий «Юг» замкнули большое кольцо вокруг Киева. Восточнее вражеские атаки на внешнем фронте окружения привели к задействованию дивизии у Ромны до 22 сентября в целях обороны и ответного удара.

Операция «Киев» была завершена. За ней должна была, хотя и намного позже, последовать операция «Москва». 24 сентября дивизия двинулась через Чернигов и

Гомель на Рославль и вступила в распоряжение 4-й танковой группы Хепнера, XXXX танковый корпус Штумме.

Сначала требовалось уничтожить русские силы, расположенные у Вязьмы и западнее ее. В этих целях 2 октября дивизия двинулась из Рославля в северо-восточном направлении до Юхнова и далее на север, замкнула кольцо на Смоленско-Московском шоссе у Гжатска и далее развернулась обратно на восток.

СИЛА ДУХА ВСЕ ЕЩЕ ОСТАЕТСЯ НАШИМ БРОНЕБОЙНЫМ ОРУДИЕМ

15.10.41

Важнейшая ключевая позиция у Москвы прорвана. Сегодня беспрерывно идет снег. Невозможно вообразить себе, как воюет наша пехота при таком снеге и в таком холоде. Дальнобойные батареи покрывают наши ряды сильным огнем. Котел Брянска и Вязьмы уже почти уничтожен.

16.10.41

Атака продолжается. Наша дивизия тает на глазах. Но сила духа все еще остается нашим бронебойным орудием.

Из дневника одного рядового противотанковых войск

Восточнее, на уровне Бродино, позиции перед Москвой были особенно сильно укреплены. На этом участке 13 и 14 октября дивизия совместно с 10-й танковой дивизией атаковала противника, при этом командир дивизии был ранен и не смог продолжать командование. Затем наступление повернули на север, на Рузу. Начиная с 27 октября осенняя слякоть парализовала движение танковых и моторизованных частей. Они были прикованы к одному району севернее Рузы и до середины ноября вынуждены были защищаться таким образом. Потом наступила зима. Появилась возможность двигаться

дальше; 17 ноября наступление продолжилось. В начале декабря была взята Истра, маленькая старинная крепость северо-восточнее Москвы.

В эти дни передовая проходила через группу армии «Центр»: южнее низовий Оки, от Тулы до района восточнее Калуги — на участке танковой армии Гудериана, западнее Москвы, растянувшись через Дмитров до Калинина на Волге — на участке 4-й и 9-й армий.

6 декабря головные части дивизии смогли приблизиться к Москве до расстояния нескольких километров (Ленино — Рождествено). В это время в связи с поступлением свежих сил из Сибири враг начал наносить ответные удары. Русские смогли использовать время немецкого бездействия в ноябре для укрепления Москвы и подготовки контрударов. До Рождества продолжались арьергардные и оборонительные бои на атакованных позициях.

Потом последовало отступление из района Руссы на Гжатск, с Нового года до середины января. Затем начались тяжелейшие оборонительные и наступательные бои с переменным успехом в районе Ржева — север Волги — до примерно конца марта 1942 года. Здесь в январе, между Валдайскими высотами и Ржевом до участка Белый — Великие Луки — Холм, сильные вражеские войска прорвали фронт параллельно с наступлением из района Вязьма — Гжатск, с целью окружить 9-ю армию с двух сторон. Однако в конце января северная группа противника была атакована и уничтожена в тяжелых четырехнедельных боях в жестких условиях русской зимы. Особенно выделилась в этих боях дивизия «Рейх» из района южнее Ржева и боевая группа Цеендера из сформированной в генерал-губернаторстве кавалерийской бригады СС, переброшенной с запада. Этот успех стал переломным пунктом в зимнем сражении.

Командование дивизии «Рейх» с середины октября 1941 года принял на себя сперва Биттрих, потом временно — Кляйнхейстеркамп, в конце оставшейся боевой группой командовал Остендорфф. Войска вынуждены были выдерживать все трудности русской зимы при бедственном положении со снабжением. В тот год было значительнее холоднее, чем в пресловутом 1812 году с его отступлением от Москвы и переправой через Березину.

ИСТОРИЯ С КО...

Это было как раз то время, когда произошла история с Ко. На самом деле его звали Ковальски, и был он маленьким потешным чудаком. Вначале я вовсе и не обращал на него особого внимания, пока однажды из-за потерь личного состава ему не пришлось тоже взяться за пулемет.

«Ковальски, завтра вы сдадите свой мотоцикл и перейдете в качестве третьего стрелка к Крамеру...»

«Слушаюсь, оберюнкер!»

И все шло лучше, чем можно было себе представить, до той убийственно холодной ночи, после штурма Карабиновки...

В этом бою погибла вся рота, за исключением пятнадцати человек, и вот мы сидели там — с более чем тридцатью пленными, которых мы заперли в одном старом бункере.

О работе по сменам при том, что нас было всего пара человек на необозримом участке, не могло быть и речи. Тогда в Сычевке столбик термометра падал до минус 50.

Оба поста, охранявшие пленных, стояли, несколько защищенные от метели, у входа в разрушенный дом. Непосредственно рядом с ними узкий ход вел в подземный бункер.

Если и было место, где можно было хоть немного укрыться, так это здесь.

Я только что удостоверился, что с пленными все было в порядке, как вдруг увидел кого-то бежавшего по направлению ко мне. Это был плохой знак, потому что без приказа никто не мог покинуть свою позицию.

Когда этот кто-то подбежал поближе, я узнал его — это был Ковальски — маленький, неприметный Ко.

Он споткнулся, когда увидел меня, потом, однако, проплелся мимо и, задыхаясь, сказал: «Вы можете меня все... Восемь часов без смены — да вы тут свихнулись!»

Потом он пробрался в защищенное от ветра место под руинами дома, где горел костерок.

У меня кровь ударила в голову. Да он сошел с ума... Где это видано, чтобы солдат осмелился сбежать без приказа со своего поста, да еще в нашем положении, когда из каждой лощины, с любого направления могли напасть русские... и тогда с нами бы произошло то же самое, что произошло прошлой ночью с соседней ротой, которую истребили до единого человека за полчаса.

«Вперед — бегите вниз к мосту, где стоял этот парень! — крикнул я одному из часовых. — Да поторопитесь, дорога каждая минута!»

Н-да, еще и этому Ковальски нужно помочь прийти в себя, этого еще не хватало! Он же всю дисциплину сорвет... и почему именно Ковальски, который до сегодняшнего дня еще ни разу не выделился?

Другой часовой посмотрел на меня. Его лицо было полностью покрыто льдом, даже на бровях и ресницах висели маленькие сосульки. Хотя я не мог различить деталей его лица, но все же почувствовал, как впился в меня его взгляд. Я должен был поднять, согнать с места Ковальски, этого парня... и потом при первой же возможности написать о нем рапорт. Вот свинство, просто собачье! Это было неподчинение приказу, перед лицом врага! Если сегодня это сделал один, завтра все последуют его примеру...

Я взглянул на него, наблюдая, как этот слабенький подмастерье сидел на корточках под балками, как он ежился от холода и все ближе подставлял свои члены ог-

ню, хотя от этого он не мог согреться ни на градус, потому что вся его одежда насквозь обледенела и застыла...

И тут я вдруг спросил себя, что я все-таки знал об этом пареньке, который сегодня впервые выделился, которого я, по сути дела, сегодня впервые заметил, потому что он всегда тихо и незаметно оставался на втором плане, Ковальски, стрелок Гюнтер или Герхард Ковальски, может, восемнадцати лет от роду — при этом он выглядел на шестнадцать, а когда замерзал, как сейчас, то и на четырнадцать.

Я не знал о нем ничего — вот свои пулеметы и гранатометы, их я знал и хорошо умел с ними обращаться, и никогда бы мне не пришла в голову мысль давать им слишком большую нагрузку, например, стрелять двадцатью зарядами одновременно, потому что тогда бы они снесли нам головы. Но вот о человеке Ковальски я ничего не знал, хотя он уже десять недель воевал вместе с нами. Он выстоял самые опасные первые недели, и все шло хорошо до того момента, пока я не сказал ему: «Ковальски, вы направляетесь на позицию у моста...» И Ко пошел.

Я не спросил себя, достаточно ли силен Ковальски для этого задания, в состоянии ли он вообще еще держаться на ногах, или он вот уже на протяжении многих часов мучительно стискивает зубы, считая минуты, потому что от холода уже перестал чувствовать кровь в жилах, потому что каждое движение отзывается в нем болью и перед глазами у него стоит лишь ужас ближнего боя — первого ближнего боя за его трехмесячную солдатскую жизнь и за его восемнадцать лет: свист пуль совсем рядом, треск гранат, и нужно вбежать в черный дым, чтобы уничтожить врага до того, как он успеет снова подняться... Может, он похолодел до мозга костей, когда понял, что даже незначительное ранение означало смерть, потому что в открытые раны ударял мороз.

Я смотрел на этот маленький человеческий комочек, который ежился у огня, и сказал часовому: «Он истощен, Элерс. Смотрите, чтобы он совсем не околел. Я хочу посмотреть, можем ли мы еще на эту ночь оставить всех на своих местах, потому что смена постов может быть очень

опасна...» И когда я заметил непонятливое удивление на лице часового, я резко добавил: «В остальном я настрого приказываю вам молчать об этом происшествии. Мы оба знаем, как оценивать его, но один раз каждый может дать осечку... один раз — я полагаю, вы поняли меня!»

«Слушаюсь, оберюнкер!»

Ночь прошла, и никто из обоих часовых не заговорил о происшествии. Через три дня нас наконец-то сменило подкрепление из «Д» СС.

Мы шли обратно сквозь снег, колонной по одному. Как и положено при таких марш-бросках, я замыкал колонну. Теперь нас было примерно двенадцать, и каждый тащил пулемет.

«Ковальски, остановитесь-ка, я думаю, нам с вами нужно кое о чем договориться!»

Ковальски пропустил остальных: «Слушаюсь, оберюнкер!»

«Теперь я напишу о вас рапорт, Ковальски. Вы знаете, что это значит: военный трибунал!»

Ко молчал.

«Вы вообще отдаете себе отчет, что вы сделали?»

«Так точно!»

«Скажите, вам что, больше нечего сказать, кроме как «так точно»?»

«Так точно, оберюнкер». Теперь Ковальски неуверенно взглянул на меня. Я не мог сдержать улыбки и постарался не показать ему этого.

«У меня впечатление, что вы не очень верите в то, что я напишу о вас рапорт...»

«Так точно, оберюнкер».

«Как это понимать, вы не верите?..»

«Нет».

«Ничего себе — да вы совсем рехнулись. Это было бы нарушением всех правил — как вы это себе вообще представляете?»

«Нарушением правил было уже то, что вы позволили мне погреться у огня».

«Так, это до вас все-таки дошло. Но вот то, что нужно оставаться на посту до приказа, — очевидно, нет».

«В ту ночь нет, но... позднее».

«Позднее?»

«Да, на следующий вечер. Тогда я спросил Элерса о том, что вы сказали по поводу моего... моего поведения...»

«И что?..»

«Элерс рассказал мне, что вы настрого запретили разговаривать об этом».

«Да, и поэтому... Я не понимаю».

«Все понятно, оберюнкер, — и потом вы еще сказали Элерсу о том, что каждый может один раз дать осечку...»

«Это все?»

«Нет, оберюнкер... »

«Почему вы вдруг стали говорить так тихо?»

Тут маленькому Ковальски, который до этого так открыто отвечал, отказал голос. Он сглатывал и сглатывал, но потом все-таки смог продолжить: «Вы еще... сказали... один раз можно дать осечку... один раз...»

«Так-так».

Вот он какой, значит, Ковальски.

Я сжал губы. Элерс и Шиллинг, очевидно, сказали ему свое мнение, возможно, они обладали бóльшим чутьем, чем оберюнкер, который знал о солдате из своей роты только то, что его зовут Ковальски. Но при этом они были его товарищами.

«Почему же вы сами не подошли ко мне? Вы могли бы, по крайней мере, извиниться».

«Я намеренно не сделал этого, оберюнкер, это бы выглядело так, словно я хочу уйти от наказания...»

Я посмотрел на него долгим взглядом и потом ответил: «Ну, хорошо. Теперь мы разобрались. А в остальном — запомнить на будущее: каждый остается на своем посту, пока его не отзовут приказом, и после этого нужно сдать пост — понятно? Сдать пост!»

«Так точно, оберюнкер».

Примерно три недели спустя мы вновь пошли в наступление в одном лесу на Волге. Наш командир Тюксен был накануне ранен, и поэтому началась ужасная неразбериха.

В этот день мы должны были идти на некую особую операцию.

Сразу же после приведения в боевую готовность рота была атакована с фланга русскими. В последний момент из наших рядов затрещал пулемет, который длинными очередями приостановил атаку и, таким образом, спас нас на короткое время от смертельной опасности.

И только от стойкости этого одного орудия зависело, сумеем ли мы перебросить еще силы на атакуемый фланг.

Русские вскоре вычислили пулемет и направили на него яростный огонь. Но стрелок перед прицелом выдержал его и, несмотря на срочную необходимость смены позиции, отстреливал ленту за лентой.

Я заорал так громко, как смог: «Смена позиции», но тот, кто был за пулеметом, не послушался, ведь он знал, что если он прекратит огонь, то тут же последует новая атака. Вокруг него уже вздымался снег от пуль, но он не позволял себе отвлечься.

И тут вдруг разом огонь прекратился — заел патрон — холостой выстрел? Или...

Я посмотрел туда.

Стрелок лежал лицом вниз поперек гнезда своего пулемета.

Тут я оставил свой собственный пулемет и бросился к нему. Невдалеке от него мне пришлось упасть на землю, потому что на меня тут же обрушился яростный огонь.

Я осторожно поднял голову и крикнул второму стрелку, который обернулся ко мне: «Что случилось, Вандер?»

«Ранение в грудь, оберюнкер! Я сейчас заменю...» В этот момент раненый задвигался, медленно поднялся и посмотрел на меня огромными глазами: Ковальски!

Меня бросило в холод. Это был Ковальски? О боже! «Ковальски, оставайтесь лежать, сейчас санитар заберет вас...»

Но Ко продолжал пристально смотреть на меня. Потом он встал... с трудом, пошатываясь... но прямо, как свечка, — и только я хотел закричать на него, чтобы он ради бога лег, он сделал несколько шагов по направлению ко

мне... потом поднял руку для приветствия... и сказал на глазах у всех и под сильнейшим русским пулеметным огнем спокойным голосом:

«Пост сдал, оберюнкер...»

Непосредственно вслед за этим у него открылось кровотечение из горла, и он упал, будто подкошенный невидимым серпом.

1-й мотострелковый батальон «Рейх»

Наше оружие и моторы не были приспособлены для таких морозов. Для сохранения войск решающим были места проживания. Однако охрана постов и бои проходили на улице. Штурмовые орудия можно было использовать, предварительно расчистив территорию от снега. Возникали импровизированные части, приспособленные к зимним перевозкам, и лыжные части. Реки и болота везде были проходимыми. Зимней одежды не хватало. Возникло большое количество обморожений. Эти замечания верны для всего Восточного фронта. На постоянных позициях условия, естественно, были более сносными.

Во время зимних боев дивизия находилась в составе 9-й армии. Ее главнокомандующий, генерал Модель, особенно отметил заслуги дивизии. Его непосредственное участие в операциях — в большинстве случаев в «Шторхе» — имело большое значение для общего успеха. Упрямое требование Верховного командования держаться намеченных линий на всех завоеванных позициях и отвержение любых, даже тактически оправданных, отступлений только частично помогли преодолеть трудности этих зимних сражений; но эта тактика была неверна и привела к отстранению таких командиров, как Гудериан и Хепнер, не говоря уже о дальнейших последствиях подобного руководства!

После последнего боя под Ржевом и Оленино дивизия была довольно потрепана. В конце марта 1942 года ее отозвали для переформирования под командованием Кепплера сначала на полигон Фаллингсбостель, потом, до конца года, для переформирования в танковую дивизию в Южную Францию южнее Гаронны.

ПРИМЕР ДЛЯ МНОГИХ

Бои самостоятельного полка, 4-го полка СС «Тотенкопф»

Конец 1941-го — начало 1942 года

Этот моторизованный полк был после боев в составе 2-й бригады СС под Ленинградом в середине декабря 1944 года переброшен в Кракау, чтобы, после перераспределения, перейти в состав дивизии «Рейх». Но все сложилось иначе! Наступление танковой армии Гудериана на Москву восточнее Оки было разгромлено, а Гудериан снят с должности из-за того, что он намеревался отступить по тактическим соображениям. На юге русские прорвали фронт, на севере в районе 4-й армии фронт также был прорван. Нужно было выстраивать промежуточную линию фронта. Для этого с 18 по 30 декабря полк под командованием Шульдта (‡) был переброшен воздушным путем вперед. 120 «юсов» транспортировали по очереди около 300 солдат с легким оружием в тридцатиградусные морозы в Калугу, Малоярославец и Юхнов. Тяжелые орудия и машины были переправлены марш-броском.

На первых двух аэродромах уже находились русские. Некоторым частям батальонов удалось спастись. Из машин была предпринята атака. Оба батальона прикрывали высадку 4-й армии и в тяжелых боях с большими потерями смогли прорваться через Медынь обратно в Юхнов.

II батальон Харцера после высадки в Юхнове был введен в состав 16-й танковой дивизии (Н) и, после перевода его техники на полозья, был послан на юго-восток. Батальон взял Зубово — в расстоянии примерно двадцати

километров, организовал с помощью подручных обозов и др. сопротивление и держал эту далеко уходящую в глубь территории дугу до 20 января. На севере постепенно формировалась слабая линия фронта.

На юге, однако, еще не произошло замыкания линии фронта, потому что русские продвинулись здесь дальше, чем на севере. Позицию было невозможно удержать; согласно приказу ее оставили, и полк был собран под Юхновом.

Параллельно с атакой мощных сил противника из района Ржева враг попытался захватить нас в клещи в районе между шоссе Москва — Рославль и Москва — Вязьма. Здесь назревала действительная угроза! Полк был, с некоторым подкреплением, переброшен на север для наступления от Средней Угры, притока Оки, до железной дороги Калуга — Вязьма. 19 января он вышел из Федотовки без танковой и артиллерийской поддержки — нередкая судьба частей, предоставленных самим себе, не находящихся постоянно в подчинении одного и того же крупного соединения. Было захвачено несколько местечек, потом совместно с войсками парашютистов освобождена дорога на Юхнов, перекрытая русскими.

Начиная с 30 января развернулись сильные атаки противника. В бою появились первые «Т-34»; наши противотанковые пушки были бессильны против них, их просто давили. III батальон оставил местечко Колодези. Количество потерь резко увеличилось. Лишь некоторые легкие полевые гаубицы были в состоянии уничтожать русские танки. Гроза танков работала! Новые атаки и прорыв вражеских танков вынудили оставить Колодкино. Наконец к нам присоединили танковую роту. В ночном наступлении II батальон снова захватил это местечко. Это была ужасная картина. Все пленные и раненые были убиты русскими. Вечером 8 февраля полк был сменен войсками пехотной дивизии и переброшен дальше на север, чтобы прикрывать дорогу Юхнов — Вязьма. Тогда в полку было еще 700 человек. Главная линия обороны, намеченная командованием, была отвоевана и затем оборонялась. В марте последовал приказ об отсуплении. В полку оставалось

только 180 человек. Он был отозван и поступил для переформирования в распоряжение дивизии «Рейх».

Полк сражался великолепно. Благодаря целенаправленному и продуманному руководству его командиров он мог нивелировать недостатки отдельных операций, проводимых им в составе чужих подразделений или на тех участках фронта, где пытались удержаться уже остатки частей. В качестве признания он получил звание «Лангемарк». (В. Харцер.)

Данное описание боев полка — типичный пример того, как, говоря солдатским языком, загубливали самостоятельные части! Боевой состав сократился в течение четверти года с 3000 до 180. Действия командования армии были не их прихотью, а жесткой необходимостью. Такая же участь ожидает и в будущем все боевые группы, включенные в чужеродные им части армии. С другой стороны, это описание боев выводит на свет несерьезность послевоенных высказываний представителей армии о Ваффен СС.

* * *

Между тем кавалерийская бригада была в сентябре 1942 году преобразована в кавалерийскую дивизию под командованием Биттриха в районе Дебица и Кильце. В середине сентября ее перебросили под Смоленск, чтобы отсюда начать наступление в северном направлении на Велиж. После оборонительных боев до середины октября севернее дороги Велиж — Невель в особо тяжелых условиях лесной и болотистой местности дивизия временно стояла в качестве резерва 9-й армии у Бартурино. Затем она была задействована до конца года при обороне у Белого. Здесь тоже развернулись жестокие бои. Это было связано с русским наступлением между

группами армий «Центр» и «Север» через Торопец в тыл и во фланг 9-й армии.

Наступление группы армий «Север» было нацелено на район между верхним течением Волги, Валдайской областью и Ленинградом. Она должна была сбросить находящиеся там, предположительно слабые, силы противника в Балтийское море своим сильным правым флангом. В ее составе находились 3-я дивизия «Тотенкопф» и 4-я полицейская дивизия.

Дивизия «Тотенкопф» была сосредоточена в июне 1941 года под Мариенбургом и выступила в составе 4-й (?) танковой группы 21 июня из Инстербурга на Каунас, участвовала в боях между Неманом и Двиной, которые продолжились на востоке после переправы через реку. 6 июля дивизия прорвала Сталинскую линию на старой границе Российской империи, свернула в северном направлении на Опочку, не прекращая боев, и продвинулась юго-западнее озера Ильмень до района восточнее Порхова. Дивизия была далее задействована севернее реки Шелонь, которая впадает в озеро Ильмень, продвинулась через Сольцы в составе LVI танкового корпуса на север, потом была отозвана, поскольку русское наступление на Ловати привело к тяжелой ситуации. Она снова переправилась через Шелонь на юг, чтобы приготовиться к прорыву на участке Полисти. Это привело к сражению на Ловати и Поле и к наступлению через Демянск к северу до Лушно. Сильнейшие ответные удары противника с юго-востока и северо-востока привели к оборонительному сражению до 7 января 1942 года в Валдайских горах у Осташкова и севернее Старой Руссы и, как следствие, — к обороне кольца у Демянска до 30 июня 1942 года, в котором мужественно держались два корпуса. (Ср. бои за Ржев.)

Тогда — на озере Ильмень

Глотая пыль в жару и зной,
Зимой в снегу, в объятиях льда
Лежали мы в дали лесной
У Ильмень-озера тогда...

Как страшно с русскими сражались,
Не позабудешь никогда,
Нам нелегко победы дались
У Ильмень-озера тогда...

Не за огромный бились город,
Что мог бы грезиться всегда,
Все было просто и сурово
У Ильмень-озера тогда...

И было много в землю павших,
Бездушный снег занес кресты,
Но в памяти остался нашей
Тот бой у ильменской воды.

Гейнц Бете

Эти сражения стали особенной страницей славы в истории дивизии «Тотенкопф». Под личным руководством Эйке находились не только его солдаты (среди них — и слабый, но храбрый добровольческий корпус «Данмарк», командир фон Шальбург погиб), но и все подчиненные дивизии подразделения армии, включая и тыловые службы, которых великолепно, железно поддерживала артиллерия дивизии. Эти сражения крепко сплотили дивизию для будущих боев.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ КОРПУС «ДАНМАРК»

После того как мы несколько дней пролежали на своих позициях, которые постоянно подвергались жестоким атакам, наш командир попросил дивизию приказа пойти в ответное наступление, не дожидаясь, пока нас разнесут в клочья. Разрешение было дано, и началась атака с ограниченной целью, которая стала для молодого добро-

вольческого корпуса судьбоносной. Вместе со многими храбрыми датскими офицерами, унтер-офицерами и солдатами в этой операции пал и командир, оберштурмбаннфюрер фон Шальбург, как борец за великую европейскую идею. Но несмотря на эти тяжелые потери, добровольческий корпус не сдался и добился своей атакой того, что на некоторое время на линии фронта воцарилось спокойствие. Затем последовали новые задания, они исполнялись несмотря на то, что это стоило большой крови. В этих боях погиб, среди других, и наш следующий командир.

После этой операции численность корпуса сильно сократилась, но боевой дух был не сломлен. С гордостью все приняли суточный приказ командующего генерала:

Генеральное командование II армейского корпуса
ком. пункт корпуса, 1 авг. 1942 года

С 8 мая 1942 года легион «Данмарк» принял участие в боях в крепости Демянск. Оставаясь верны своей присяге и памяти вашего первого командира, героически погибшего штурмбаннфюрера СС фон Шальбурга, вы, офицеры, унтер-офицеры и солдаты легиона, постоянно показывали все новые примеры величайшей храбрости и бесстрашия, а также доказывали свою образцовую твердость и выносливость.

Товарищи из армии и из Ваффен СС гордятся тем, что могут сражаться с вами плечом к плечу, связанные крепкими узами товарищества по оружию. Я выражаю вам благодарностью за вашу верность и храбрость.

Командующий генерал
граф Брокдорфф, генерал пехоты

После разрыва кольца части дивизии остались здесь еще до осени 1942 года, в то время как в Зеннелагере в июле 1942 года началось переформирование дивизии в танковую. Затем части дивизии вновь соединили во

Франции под Ангулемом, где они ждали задействования их в 1943 году на Восточном фронте.

Полицейская дивизия, все еще снабженная гужевым траспортом, последовала за дивизией «Тотенкопф» в конце июля из Ейдкау по маршруту Каунас — Даугавпилс — Опочка — Псков до Луги (25 августа). Здесь находилась линия обороны Ленинграда, которая была укреплена всеми возможными способами. Атака с 10 по 24 августа привела к тяжелым боям. Позиция была взята лишь после окружения с двух сторон (погиб командир дивизии Мюльверштедт; его сменил Вальтер Крюгер).

Дальнейшей целью дивизии был район у Ленинграда, ее задействовали на Южном фронте: Слуцк — Пушкин. Наступление на Волхов в феврале—марте должно было закрыть брешь между 18-й и 16-й армиями, образовавшуюся после глубокого прорыва русских под командованием Власова. После уничтожения русских войск дивизия была задействована с июля по май 1943 года на линии фронта южнее Шлиссельбурга, после того как русские в январе 1942 года вновь захватили эту позицию. С осени до конца 1942 года на разных участках Ленинградского фронта и на Волхове была задействована также и 2-я бригада СС; уже здесь проявили себя в совместных боях голландцы, фламандцы, норвежцы и латвийцы.

ОТРЫВОК ИЗ РЕЧИ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА
В РЕЙХСТАГЕ 26.04.42

«Говоря о пехоте, я хочу в первый раз особенно отметить постоянно неизменное и образцовое мужество и стойкость моих храбрых дивизий СС и подразделений полиции. Я с самого начала считал их непоколебимыми войсками, послушными, преданными и храбрыми в бою, какими они показали себя и в мирное время».

Были сформированы следующие новые части:

7-я горная дивизия «Принц Евгений», командир Флепс, Коринтия, 1941;

8-я кавалерийская дивизия «Флориан Гейер», командир Биттрихх, Дебица, 1942;

Штаб танкового корпуса СС, ком. ген. Хауссер, Берген, 1942.

Уже упомянутые в начале подкрепленные полки «Тотенкопф» были рекрутированы в 1940 году из представителей старшего поколения, чтобы служить в качестве полицейских войск в случае, если рейхсфюреру потребуется поддерживать порядок на оккупированных территориях. Однако все сложилось иначе. Эту задачу приняли на себя генерал-губернаторы и рейхскомиссары. Таким образом, эти полки были свободны для выполнения других задач. Они частично участвовали в боях в составе дивизий, потом были разбиты на две бригады. Об их участии в боях практически нет точных сведений.

Полк 4: лето 1940 года — охрана побережья Голландии, впоследствии вошел в состав 2-й бригады. Участие в боях 1941—1942 годов в составе группы армий «Север» и «Центр» — воздушная транспортировка — позднее как полк «Лангемарк» в составе дивизии «Рейх».

Полк 5: формирование в Померании и Восточной Пруссии, в 1941 году расформирован; остатки присоединены ко 2-й бригаде.

Полки 6 и 7: основной состав горной дивизии «Норд» в Финляндии.

Полки 8 и 10: вначале — в генерал-губернаторстве, потом — в составе 1-й бригады.

Полк 9: задействован в охране побережья в Киркинесе, Норвегия, и фронта Полярного моря; с 1941 года в Финляндии. В 1942 году участие в боях на Волховском фронте при прорыве войск Власова в составе группы армий «Север» в 18-й и 16-й армиях, также в составе ди-

визии полиции. После переформирования в Зеннелагере в начале 1943 года как полк «Туле» вошел в состав дивизии «Тотенкопф».

Полк 11: летом 1940 года вошел в состав дивизии «Рейх». Полки 12—16 были вскоре расформированы.

1-я бригада: полки 8 и 10, командиры: Германн (‡), Хартенштейн (‡). Формирование в Дебице. Позднее вошел в состав 18-й дивизии СС «Хорст Вессель». Участие в боях в районе юга и центра: Никополь, Брянск, Орел.

2-я бригада: сначала полки 4 и 5, позднее легион «Фландрия», «Голландия», «Норвегия» и латвийские батальоны. Переформирование в 1943 году, частично присоединен к III танковому корпусу СС, частично — к 19-й латвийской дивизии. Командиры: фон Тройенфельд (‡), Клингеманн, Шульдт (‡). Участие в боях на севере у Вырицы, под Ленинградом, на Волхове и у Острова.

ВАФФЕН СС НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

В этом разделе речь пойдет о военных действиях в Финляндии.

В марте 1940 года в Померании была сформирована моторизованная бригада из 6-го и 7-го полков «Тотенкопф» с артиллерией и саперными подразделениями. Она была переброшена в Норвегию, приняла на себя охрану побережья в районе Ставангер — Осло до апреля 1941 года и позже перебралась с помощью железнодорожного и морского транспорта, что привело к потерям, в район Киркенеса на самом севере Норвегии. Здесь полк 9 «Тотенкопф» находился до лета 1940 года.

Бригада двинулась по северофинской полярной дороге на юг до Рованиеми и потом на восток. После переформирования в боевую группу «Север» она вошла в состав XXXVI корпуса. Обучение состава еще не было за-

вершено. Планировались операции по нападению на Мурманскую железную дорогу, Сталинский канал и порт Мурманск, которые должны были существенно сократить линию фронта.

В начале 1 июля должна была быть атакована Салла. Но атака не заладилась с самого начала. Она была спланирована как неожиданная, без предварительной разведки. Атака была разбита сильным оборонным огнем из мощных укреплений. Жаркая погода высушила лес, в котором начался пожар. Из-за дыма ничего не было видно. Частичный прорыв невозможно было использовать, при этом потери были существенными. Поэтому наступление было прервано и, после перегруппировки, повторено двумя флангами. Салла пала лишь 8 июля после тяжелых боев.

Противник оставил свою позицию, оборудованную не для военных целей, отошел на следующий участок реки (Кайрала). После короткого позиционного боя боевая группа в середине месяца была переброшена на юг, в район озер юго-западнее бухты Кандалакша на Белом море, и вошла в состав финской группы «J». Некоторые подразделения смогли лишь позже последовать за ними. Противник удерживал участок канала между Топозером и Пяозером. Густой лес препятствовал воздушной разведке. Непосредственно рядом с каналом лес был вырублен. Сам канал был глубоким и примерно семьдесят метров в ширину. Короткий день здесь,на Крайнем Севере, затруднял действия разведгрупп. Русские и здесь занимали позиции в невоенных бункерах.

1 августа началось наступление. Пересекли канал, вторглись во вражескую позицию и продолжили прорыв. Успех был полным. Через несколько дней снова начали наступление на Кестеньгу, конечную станцию ветки, отходящей в Лоухи от Мурманской железной дороги. И здесь боевая группа действовала успешно. Несмотря

на упорные лесные бои, длившиеся неделю, Лоухи взять не удалось.

В конце октября к группе присоединился полк 9 «Тотенкопф», вместе с которым было начато новое наступление. Прорывы привели к взятию в котел русских сил и успехам местного значения. Русские осознали угрозу для Мурманской железной дороги и подтянули новые специальные войска, так что продвижение здесь застопорилось в позиционных боях. При этом, однако, не существовало одной сплошной линии фронта, было три отдельные ее части: справа — у Лоухи, в центре — фронт Кандалакши и слева — фронт Полярного моря. Между ними зияли бреши, которые нужно было контролировать. С переходом к позиционным боям задача немецких войск изменилась. Теперь требовалось прикрывать левый фланг финской армии, выдерживать напор русских сил в сторону Ботнического залива, защищать северную Финляндию и препятствовать прорыву русских на север Норвегии к Атлантике. Это было связано и с защитой района добычи никеля, важного для немецкой военной промышленности, и железнодорожных путей сообщения.

Война на Севере имела ярко выраженный, особый характер, связанный в первую очередь с природными условиями. Территория здесь была в большинстве своем покрыта густым лесом, частично с болотами и маленькими озерами, пересеченная узкими полосками возвышенностей. Укрепление позиций было очень трудной задачей. Зимой, когда столбик термометра опускался до минус 50 градусов по Цельсию, военные действия парализовывались. Лыжные войска зарекомендовали себя как разведчики и штурмовики. Длинный период сумерек требовал от охранных постов особых усилий.

Военный опыт показал, что война на Крайнем Севере была войной особой, требующей особой подготовки руководства, особого снаряжения, одежды, обучения, акклиматизации, питания, размещения, связи, резервов.

Условия Полярного круга с полярной ночью, длящейся почти 20 часов зимой, и с почти 23-часовым полярным днем летом, особенности ландшафта и климата требовали особого подхода к командованию войсками. На Крайнем Севере арктическая зона, тундра, далее к югу — густые леса. Летом и зимой болота и озера играют тактически противоположные роли.

Магнитные и полярные воздействия климата могут существенно ухудшать работу аппаратов связи. Вследствие этого требуется специальное обучение связистов. Поскольку часто на компас надеяться нельзя, войска должны уметь ориентироваться по звездам, хотя, однако, в условиях леса, туманов, пурги и это тоже часто становится невозможным. Отсутствие на большинстве участков населенных пунктов и маленькое количество дорог увеличивают стратегическое значение немногих путей сообщения, таких, как железная дорога, канал или шоссе, особенно соединяющихся с незамерзающим портом.

Важной является мобильность войск, особенно зимняя мобильность, поскольку, как правило, в году здесь лишь четыре бесснежных месяца. Обязательными становятся использование соответствующих условиям средств передвижения, обучение езде на лыжах, лыжному бегу на длинные дистанции, использование беговых животных и добыча жизненно важного корма для этих животных, как можно более легкие каяки, смотря по обстоятельствам — собачьи упряжки, а южнее — лошадиные сани, а также тягловые животные. Для доставления снабжения часто требуется постройка бревенчатых

дорог; при этом следует использовать озера и каналы. Необходимо строить узкие полевые дороги.

Важнейшее значение имеет приспособление автомобильного транспорта к очень низким температурам: средства защиты от мороза, использование эффективных снегоочистителей для расчистки дорог; моторные сани, в том числе и для разведки.

Использование танков возможно только на соответствующем ландшафте и при широких гусеницах. Лесная зона ограничивает эту возможность, летом более, чем зимой.

Прежде всего, войска должны быть теоретически и практически подготовлены к таким боям. Особенно следует принять во внимание опасность обморожения! Хорошо зарекомендовали себя как средство маскировки и защиты от обморожения маски. Лучший вариант — это полное покрытие для головы из белого шерстяного материала, спереди сработанное в виде маски, сверху — шапка, потом капюшон маскировочного плаща.

В качестве одежды для подразделений, использующих транспорт, зарекомендовал себя меховой комбинезон и высокие валенки с кожаной подошвой и кожаной калошей, которая спасает от замерзания при неожиданной оттепели и последующем морозе. Для штурмовых отрядов зимние комбинезоны являются более практичными, нежели маскировочные плащи. Слишком толстая одежда затрудняет движение. Несколько тонких слоев одежды согревают больше и не препятствуют движениям.

Переформирование боевой группы в горную дивизию «Север» было подготовлено на родине с помощью организации новых соединений и завершено летом 1942 года. Войсковые части были поставлены на лыжи. Для моторизованных подразделений и подразделений снабжения была оборудована военная база в Оулу на

Ботническом заливе. Дивизия теперь находилась в составе XVIII горного корпуса. Попытки противника в марте 1942 года оттеснить левый фланг не увенчались успехом. Новое наступление на фланг в апреле привело к созданию линии фронта в тылу. Эти бои были началом большого вражеского наступления на линию фронта и фланги в начале мая. Отражение ударов было абсолютно успешным. Ответными ударами (горно-егерский полк 139) удалось уничтожить крупные вражеские силы. Потом снова наступил период спокойствия. Позиционная война была прервана вражеской атакой в апреле 1943 года. Но и она оказалось тщетной.

Между тем справа от дивизии теперь вместо финских соединений была задействована 7-я горная дивизия.

В начале 1944 года положение усложнилось. Дело дошло до ожесточенных ближних боев. Поступило подкрепление — состоящий их норвежских добровольцев батальон «Норге», однако при этом участок, за который отвечала дивизия, был увеличен на северо-западе за счет переброски в другой район 7-й горной дивизии. Многие знаки указывали на готовящееся новое наступление русских.

Политическая ситуация также изменилась; нужно было принимать во внимание возможное падение Финляндии. В таком случае немецкие войска должны были отойти из Лапландии в Норвегию.

В начале сентября главное командование Лапландской армии приказало отступить после капитуляции Финляндии. Дивизия должна была удерживать пролив севернее Топозера до тех пор, пока все немецкие войска не были переправлены по нему. За ними, после тяжелых боев, последовала воздушным транспортом и дивизия. Части дивизии должны были прикрывать военную базу в Оулу, другие были переброшены в Киркенес,

где высадились русские. Несколько раз немецкие части были атакованы финскими войсками. Несмотря на это, в начале ноября дивизия добралась до севера Норвегии и потом, к концу декабря, после 2000-километрового марш-броска в удовлетворительном состоянии достигла района у Осло. Отсюда она была переправлена в Аархус (Дания).

Следующие бои с ее участием с января 1945 года в составе 1-й армии на участке Бич будут описаны позже.

Командирами дивизии были: Демельхубер, Дебес, Кляйнхейстеркампф (‡), Бреннер.

1943 год

Этот год прошел в свете выдвинутого союзниками 23 января в Касабланке требования «безоговорочной капитуляции» и под знаком «Сталинград». В непосредственной связи с последним находилось участие в боях первого танкового корпуса СС, позже получившего нумерацию II (командующий генерал Хауссер, начальник Остендорфф), танковых дивизий «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Рейх» и «Тотенкопф» в районе Харькова.

В середине 1942 года в Бергене был создан штаб корпуса, позже находившийся во Франции, которому было поручено единообразное обучение воздушно-пехотных и танковых дивизий. Он считался верховным главнокомандующим западного резерва и был подчинен 7-й армии (генерал-полковник Дольманн).

Его генеральной репетицией было занятие французского военного порта Тулон с французским флотом, необходимое по политическим причинам. Оно было выполнено 7-й танковой дивизией, частями 10-й дивизии — обе армейские — и разведывательным подразде-

лением дивизии СС «Рейх». Все предприятие потребовало лишь пару выстрелов, стоило небольших потерь и при этом привело к потоплению французского флота. Лишь нескольким подводным, в том числе и торпедным, лодкам удалось уйти. Последующие действия были развернуты на Восточном фронте.

Здесь линия фронта в середине 1942 года проходила примерно следующим образом: Кавказ — Сталинград — Дон до Воронежа — Орел — Ржев — выступ внутрь до Холма — выгнутая дуга восточнее Демянска — озеро Ильмень — Волхов — Ленинград.

Командующий генерал и командир штаба полетели в середине января из Верховного командования армии в Восточной Пруссии сначала к группе армий «Юг», ком. Манштейн, затем к группе армий Вейкса в район Харькова. Дивизии были переправлены через некоторое время воздушным путем из Франции.

Полученные на пути к цели новости о положении в Сталинграде были удручающими. О них рассказывали в большинстве случаев пилоты снабжения. Положение было безнадежным не только для 6-й армии, но крайне опасным и для всей группы армий.

Последующие за этим участие в боях танкового корпуса СС, первого большого соединения Ваффен СС, и его успехи требуют подробного описания. Это описание основано не только на памяти, но и на официальных документах Генерального штаба.

В ноябре 1942 года в большой излучине Дона началось самое мощное со времен начала войны наступление русских. Характерным для этого наступления было задействование огромных ресурсов — человеческих, материальных, особенно что касается танков и артиллерии. Русские многому научились в плане ведения боя. Их оперативные цели могли быть решающими для исхода всей войны.

Отдельные составляющие их операции можно было четко выделить:

а) прорыв северо-западнее и южнее Сталинграда; разгром двух румынских армий; окружение 6-й армии в Сталинграде;

б) наступление в западном направлении на две группы армий, находившиеся юго-западнее и северо-западнее Сталинграда, а именно:

наступление группы армий Южного фронта с обеих сторон Дона на Ростов и южный район Донца, тем самым отсечение немецкой Кавказской армии;

наступление группы армий Юго-восточного фронта через Дон с целью — район севернее Донца. Таким образом, создавалась угроза с тыла и фланга находившимся здесь итальянской и венгерской армиям. Эти войска оказали лишь небольшое сопротивление;

в) после этого — наступление северной группы армий Воронежского фронта. Следствием этого было окружение двух немецких корпусов под Воронежом и захват этого фронта. Прорыв на Курск;

г) наступление группы армий Брянского фронта на Орел.

Оперативная цель и ритм русского зимнего наступления были очевидны. От Сталинграда до Орла эта операция продвигалась по плану. Ожидаемые успехи — по крайней мере, что касается 8-й итальянской и 2-й венгерской армий — последовали автоматически. Между Славянском — немного восточнее слияния Донца и Оскола — и в районе севернее Курска немецкий фронт был разорван на расстояние более пятисот километров. Через этот разрыв две русские армии двинулись на запад. Их следующей целью был Днепр под Днепропетровском.

Из-за потери пяти немецких и союзных армий Красная армия получила сильное численное преимущество.

Эти массы должны были победить! Однако русское командование не определило кульминацию своего наступления. Превосходство немецкого командования и войск снова привело, несмотря на численное превосходство противника, к повороту событий в нашу пользу.

В конце января 1943 года русские войска достигли следующей линии фронта: Донец у Ворошиловграда — Старобельск — Валуйки — Верхний Оскол — и двинулись на запад для дальнейшего наступления. Из наших подразделений под Сватовом, восточнее Оскола, находилась 320-я пехотная дивизия. В Купянске, на Осколе, собралась сильно разбитая 298-я пехотная дивизия. Западнее Валуйков находились в качестве прикрытия части дивизии «Гроссдойчланд». Севернее корпус Грамера собрал вместе остатки немецких и венгерских частей. На участке между ними зияли большие разрывы фронта. Командовал частями этот немецкий генерал при итальянском главном командовании армии 8, затем группа армий «В» (В е й к с).

СЛАВА ПОДВИГОВ МЕРТВЫХ ЖИВЕТ ВЕЧНО...

Сразу в начале Восточного похода он оказался со своей самоходкой один против команды из восемнадцати танков. После того как он уничтожил шесть из них, другие обратились в бегство...

Весной 1943 года он впервые стоял в башне «тигра». В первый день летнего сражения под Белгородом он уничтожил восемь вражеских танков и семь зениток, через пять дней в списке его заслуг были: тридцать «Т-34», двадцать восемь противотанковых орудий и две батареи советской артиллерии, из них только за один день на Киевском шоссе — тринадцать «Т-34» и семь тяжелых противотанковых орудий. 6 декабря под его огнем пал фронт тяжелых зенитных орудий. И при этом он снова смог уничтожить три советских танка. Три его «тигра», которых он

вел 9 января против вражеской танковой позиции, вдруг оказались напротив двадцати вражеских танков. Он взял шесть из машин противника на себя. Через два дня его список насчитывал уже 66 уничтоженных танков. Всего в России он составил 117...

Как странно: я отчетливо вижу его перед собой, Михеля Виттмана, помню часы, которые мы провели вместе, знаю, как все это происходило и каким он был.

Во время длинного железнодорожного переезда с Восточного фронта в Италию он однажды целый вечер рассказывал о своих необычайных приключениях во время сражения за Мариуполь. В памяти — лишь очертания полного событиями Мариуполя. Я помню только, что он вел самоходку, что там же был «Панцер-Мейер», что он попал в бой с намного превосходящими его силами врага и что это, должно быть, были ужасные часы, когда весь мир был перевернут с ног на голову.

Я ничего уже не помню из времени французского похода, хотя мы часто говорили об этом. Однажды в архиве я нашел его фотографию того времени: он, унтершарфюрер, стоит среди своих товарищей, большинство из которых погибли.

Может, это и к лучшему, что те события уже не так четко стоят у нас перед глазами. Тогда мы поневоле думаем о том, что особенного было в этом человеке, которого так сильно выделила из толпы война. Михель долгое время в качестве молодого унтерштурмфюрера руководил ротой «тигров». Он очень серьезно относился к этой своей задаче. Он целыми вечерами сидел над картами, прислушивался к каждому слову, совету своих опытных товарищей. Когда он потом забирался в свой «тигр» и вел его во главе роты на врага, он наполнялся уверенностью, которая так обманчива, потому что производит впечатление полной непринужденности. Когда я сидел в его танке, у меня было чувство, что он вообще не может ошибиться, что он не может попасть в ловушку. Но на самом деле это был результат огромного опыта и кропотливой работы, это был результат его жизни, которая вся была посвящена войне и в которой не было выходных. Часто он и по ночам маневри-

ровал на своем «тигре» между мастерскими, будто выходил на прогулку.

Во время войны много было написано во славу упорства. Мы все обладали им, особенно тогда, когда длинные годы войны научили нас перед тяжелыми боями полностью отключать чувствительность и беспокойство и приучили к состоянию ожидания, в котором можно находиться почти без нервного напряжения. С ним все было совсем наоборот. Его касалось все, и должно было все касаться. Он хотел до самого последнего момента все видеть, все слышать, обо всем знать. Это беспрестанное напряжение не тяготило его, как, возможно, других, а давало ему чувство ясности. Это постоянное продумывание свой задачи обостряло его чувства. Он верно ощущал все, что происходило вокруг него во время боя, его зрение и слух были безупречно острыми. Это может показаться простой и само собой разумеющейся мыслью, но мы все знаем, сколько сотен раз жизнь наша зависела от безошибочной реакции наших органов.

У него было, можно сказать, сердце воина, которое каждый раз глубоко и серьезно, словно в молитве, готовилось к бою. Он часто сталкивался со смертью, и каждый раз он смотрел на нее все с тем же тихим, улыбающимся спокойствием. Вспомним же об этом, хотя война уже давно закончена. Вспомним и о том, что было еще одной характерной чертой этого рыцарского воина: никогда я не слышал от него легкомысленных слов о женщинах.

Вот каким был один из его последних подвигов: где-то на севере Нормандии он стоял со своим «тигром» в хорошем прикрытии, в лесу, и должен был атаковать и уничтожить врага, если тот появится. Он находился вдалеке от других боевых машин своей роты, у дороги. Он не думал, что придется вступить в бой. Вдруг кто-то из его экипажа крикнул ему взволнованно: «Оберштурмфюрер, вражеские танки!»

Он взглянул на дорогу и увидел там примерно в 150-метровом отдалении идущие танки, один за другим, целый английский полк, сопровождаемый батальоном бронетранспортеров. На секунду, возможно, замерло у

него сердце: должен ли он был осмелиться и двинуться против более чем шестидесяти машин и батальона пехоты? Позднее он сказал, что это решение было для него самым тяжелым в его жизни. Он отбросил прочь все сомнения, выступил со своим «тигром» из укрытия и сразу открыл огонь по вражеской колонне, справа — два, слева — один. Достигнув улицы, он вступил во вражескую колонну. В ожесточенной решимости сражаться до последнего и уничтожить как можно больше противников — при этом практически уверенный в собственной гибели, прокладывал он себе путь в потоке английских танков.

Англичане были в полном замешательстве. Посреди них оказался вдруг один из наводивших ужас немецких «тигров», который зверскими ударами разрывал на клочки, сжигал, взрывал «шерманы» и «черчилли». Пехота разлетелась в стороны, ища укрытия, ее скашивало рядами, а чудовище все новым огнем и новыми взрывами прокладывало себе путь. Было взорвано пятнадцать английских танков, на шести других Михель сэкономил снаряды, поскольку их экипажи выскочили в панике и сами подожгли собственные танки.

Таким образом, атака целого английского полка была разбита меньше чем за тридцать минут, а сопровождающая артиллерия обращена в бегство. Когда он со своим «тигром» ворвался в населенный пункт, чтобы отправить в ад и остальные танки, в его танк попал снаряд и оторвал гусеницу. Вместе со своим экипажем он покинул машину, они взяли с собой столько оружия, сколько смогли унести, проложили себе путь огнем и бегом добрались до ближайшей позиции немцев.

Число уничтоженных им танков после этого увеличилось до 138...

ПК-СС

Были ли напрасными его подвиги, прожил ли Михель Виттман, ставший впоследствии гауптштурмфюрером и обладателем мечей к Рыцарскому кресту ордена Железного креста, свою жизнь, в конце концов, зря?

Мужество и героизм не бывают бессмысленными, а храбрость — это семя, которое взойдет тысячами ростков, когда наступит для этого время.

Принесение жизни и смерти в жертву обществу всегда имеет смысл само по себе — и только из храбрых противников могут получиться настоящие друзья.

СРАЖЕНИЕ ЗА ХАРЬКОВ

Танковый корпус СС со штабом корпуса, главные силы дивизии «Рейх» (Кепплер, позже — В а л ь) и сильные части лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» (Зепп Дитрих) прибыли в район под Харьковом. Последний был задействован с обеих сторон Чугуева для обороны Донца.

Выполнение намерения Верховного командования армии задействовать танковый корпус СС после прибытия для сплоченного ответного удара было ускорено из-за стремительного наступления русских. Нужно было предотвратить прорыв в наши ряды. Город Харьков, являвшийся важным с транспортной, политико-экономической и политической точки зрения, нельзя было терять. Части дивизии «Рейх» были посланы для прикрытия на Валуйки, поскольку находящиеся там войска «Гроссдойчланд» были нужны на северном фланге корпуса Крамера.

1 февраля генерал Ланц встал во главе только что созданной армейской группы. Одновременно русские, после введения 3-й танковой армии у Валуйков, продолжили свое наступление на широком участке фронта. При этом 320-й и 298-й пехотным дивизиям были отрезаны дороги к отступлению. Они были вынуждены пробивать себе путь по непроходимым тропам в кровопролитных боях и с большими потерями. Дивизия «Рейх» сначала удерживала район у Ольховатки (западнее Ва-

луйков). Она должна была задержать противника восточнее Донца, чтобы потом вместе с лейбштандартом СС «Адольф Гитлер» начать контрнаступление в юго-восточном направлении. Однако этого не произошло. Дивизия «Рейх» вынуждена была, окруженная с двух сторон, со сменяющими друг друга оборонительными боями и контратаками отступить на запад. 5 февраля 2-й танковый полк этой дивизии выступил для своей первой танковой атаки. Ему удалось в условиях сильно пересеченной местности и снега уничтожить врага, который прорвался между дивизией и частью разведки. Этот временный успех, однако, не мог надолго задержать вражеское наступление на запад.

К юго-востоку от этого, перед лейбштандартом СС «Адольф Гитлер», русские отбросили боевые форпосты с восточного берега Донца и уже оказались у переднего края обороны. Начались жестокие оборонительные бои, особенно тяжелые — за ключевую позицию у Печенегов. Несмотря на нехватку сил с нашей стороны — участок дивизии был длиной в 90 километров — русским удались лишь временные прорывы. Они потерпели тяжелые потери.

8 февраля на обоих флангах ситуация обострилась, потому что они были окружены большими силами противника. На юге враг достиг южного фланга у Змиева. Между ним и медленно отступавшей 320-й пехотной дивизией зияла брешь в 40 километров. Здесь создалась угроза прорыва глубоко в южный фланг корпуса на Мерефу. Туда была послана небольшая боевая группа прикрытия, чтобы загородить большое шоссе на Харьков.

При этом северный фланг тоже находился под угрозой. Там, северо-восточнее Белгорода, сражался слабый корпус Крамера, который уже был окружен. Начался оперативный охват Харькова. Можно ли было остановить его имеющимися силами? Очевидно, что неизбеж-

но пришлось бы рано или поздно оставить город или оказаться в окружении. Одновременно советское командование готовило удар на северном фланге Донецкого бассейна. Кроме наступления по линии Белгород — Харьков, противник, как можно было понять, готовился отрезать все еще удерживающие фронт немецкие войска в Донецком бассейне между Азовским морем и Славянском и уничтожить их. Этот смертельный удар должен был быть направлен на Днепропетровск и Запорожье. Пять танковых и три стрелковых корпуса были приведены в готовность севернее Славянска для этих операций. 1-я советская гвардейская армия хлынула на юго-запад, в район, свободный после сдачи Изюма, не встречая сопротивления. К ней севернее присоединилась 6-я гвардейская армия.

Если бы этот план удался, то группа армий «Юг» оказалась бы отрезанной от любых сообщений, Днепр лишился бы прикрытия, путь в Западную Украину освободился бы и тем самым Восточный поход был бы проигран. Положение было очень серьезным.

9 февраля условий для контрнаступления восточнее Донца уже не было. По срочному приказу дивизия «Рейх» за Донцом была отозвана. Дивизия отошла, при сильном снегопаде, по с трудом расчищаемой дороге и в постоянных боях с врагом, уже подошедшим с фланга и тыла. Донец приказано было удерживать. Однако и эта позиция с самого начала была под сильной угрозой с флангов. Нужно было предусмотреть дальнейший отход. Противник продвинулся вперед везде, находился на всей линии фронта на Донце и наступал прежде всего южнее лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» большими силами в образовавшуюся там брешь.

Было необходимо принять ключевое решение: либо немедленно начать атаку против сил, охватывающих город с юга, и при этом покинуть Харьков, либо подпустить все войска близко к городу, чтобы потом вести круговую оборону, что означало полное окружение.

Сначала, благодаря отходу обеих дивизий с Донца к линии Константиновка — Рогань — Русские Тишки, части обеих дивизий освободились для атаки на юго-восток и были собраны у Мерефы. Снова была предпринята попытка прорыва правым флангом и тем самым предотвращения окружения Харькова.

Глубокий снег задержал развертывание сил, неизбежное смешение подразделений дивизий усложнило приведение войск в боевую готовность. Но 11 февраля в 8.30 утра три ударные группы двинулись с плацдарма Мерефа в южном направлении. Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» командовал атакующим флангом, состоявшим из соединений обеих дивизий, в то время как находившиеся в обороне войска на восточном и северо-восточном фронтах от Харькова были подчинены дивизии «Рейх».

Атака началась неожиданно и успешно. Она достигла района Алексеевка — Берека (Майер). Советский VI гвардейский кавалерийский корпус был полностью рассеян. На внешнем южном фланге у Красноград обеспечивал прикрытие полк «Туле» дивизии СС «Тотенкопф», который был переброшен сюда как авангардная часть дивизии после высадки у Киева.

Восточнее Харькова остались только две усиленные полковые группы. 11 февраля начались массированные атаки русских большими танковыми силами. Некоторые населенные пункты и части территории были временно потеряны. Слабыми силами резерва вражеские прорывы были устранены и врагу нанесен тяжелый ущерб. Противник постоянно подводил все новые силы. Осо-

бенно отличились Тиксен (‡) и Кайзер. Последний резерв, танковое разведывательное подразделение 2, был задействован на левом соседнем участке при вражеском прорыве туда. Таким образом, слабый фронт восточнее города оказался лишенным какого-либо серьезного резерва. Но солдаты стояли насмерть. На севере армия врага прорвалась после захвата Белгорода глубоко в район северо-западнее Харькова. К городу подтягивались все новые части. Дивизию «Гроссдойчланд», уходившую с боями из района Белгорода, пришлось задействовать для обороны на северо-западе города. Это сорвало план армейской группы, намеревавшейся этой дивизией заменить дивизию «Рейх», которая нужна была для атаки на юг.

320-я пехотная дивизия с 1500 ранеными отошла с боями к Змиеву. Все санитарное подразделение корпуса, транспорт, а также питание для сильно изголодавшей дивизии были приведены в готовность. Благодаря прорыву бронетраспортерного батальона лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» 12 февраля удалось соединиться с дивизией и закрыть ее своим фронтом.

13 февраля генерал Л а н ц объявил о приказе фюрера во что бы то ни стало удержать город Харьков. Необходимо было еще сильнее сузить фронт, чтобы освободить резервы. Вечером со стороны корпуса было указано на то, что и новую линию возможно будет удержать лишь до 14 февраля, поскольку город уже был окружен. На позициях было получено задание провести разведку для дальнейшего отхода. Было приказано взорвать все склады, а также военные и экономически важные сооружения.

14 февраля противнику удалось прорвать в нескольких местах наш слабый, состоящий из опорных точек фронт. Нужно было опасаться прорыва к тракторному заводу. На северо-западе противник тоже обнаружил

бреши в линии фронта дивизии «Гросссдойчланд». Таким образом, сильные части корпуса Р а у с а — преемника К р а м е р а — уже были отрезаны от линий сообщения. Важная для снабжения дорога Харьков — Полтава была в руках противника.

Поскольку новое предложение танкового корпуса СС сдать Харьков было отклонено под предлогом приказа от 13 февраля, командующий генерал решил самовольно дать приказ об отводе войск, чтобы предотвратить блокаду и освободить войска для необходимого контрудара. Однако поступивший в 17.50 новый приказ фюрера удерживать Харьков принудил отложить это решение. Вечером вражеские части ворвались на юго-восток города. Задействованный для ответного удара бронетранспортерный батальон лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» в ночной битве сдержал врага, но при этом не смог очистить этот район города. В городе начались выступления вооруженного гражданского населения. В этом положении армейская группа приказала остановить наступление ударной группы, выделить резервы для обороны города и послать группу с танками в Валки — юго-западнее Харькова, чтобы освободить путь для снабжения. Этот приказ был невыполним. Вечером командующий генерал снова доложил обстановку, чтобы достичь решения о сдаче Харькова.

В ночь на 15 февраля противник с тыла еще сильнее прорвался в северо-западную и юго-восточную части города. Танковому подразделению дивизии «Рейх» удалось ответным ударом временно остановить врага на северо-западе. Вновь со стороны корпуса последовало предупреждение о серьезности положения. До полудня 15 февраля не было принято никакого решения.

В этот последний момент, в 12.50, командующий генерал отдал приказ дивизии «Рейх» оставить позицию и с боями продвигаться к участку Уды. При танковой под-

держке удалось в последнюю минуту провести войска по Харькову и вывести их из города.

В 13 часов об этом решении было объявлено армейской группе и сообщено корпусу Р а у с а. На это в 16.30 вышел новый приказ армейской группы во что бы то ни стало продолжать оборону города. Этот приказ пришел слишком поздно. Но при этом все еще возможным было выстроить укороченную линию обороны, для которой бы хватило имеющихся сил.

16 февраля арьергардные части дивизии «Рейх» нанесли удар по городу.

Ключевое значение этого решения было не только в предотвращении окружения корпуса, но и в освобождении его для продолжения наступления на юг и соединения с группой армий «Дон» (фельдмаршал фон Манштейн), которой была подчинена армейская группа Ланца после отвода группы армий «В». Поскольку здесь, на северном краю Донецкого бассейна, положение развивалось следующим образом: враг массивными танковыми силами генерала П о п о в а у Славянска обошел с фланга группу армий «Дон». Он стремительно продвигался через Павлоград на Днепр. Его разведка достигла уже Днепропетровска и Запорожья. Здесь почти не было наших боевых частей. Собранная из отпускников и остатков частей группа Штайнбауера смогла еще занять западный участок от Новомосковска до района севернее Днепропетровска. 15-я пехотная дивизия была высажена в Днепропетровске и обеспечивала прикрытие восточнее города.

Южный фланг 6-й советской армии, сильные войска которой стояли перед фронтом лейбштандарта СС «Адольф Гитлер», начал окружение танкового корпуса СС с юга и уже пересек головными колоннами нескольких дивизий шоссе Новомосковск — Красноград. Об-

становка требовала незамедлительных мер по спасению группы армий «Дон».

После оставления Харькова обе дивизии снова можно было привести в боевую готовность. Дивизия «Рейх» была сосредоточена у Красноград. 19 февраля она выступила для первого решающего удара в южном направлении, поддерживаемая локальными атаками южного фланга лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» из района северо-восточнее Красноград против напиравшего с востока противника. Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» после постепенного отвода своего левого фланга держался на достигнутой линии обороны рядом с корпусом Рауса.

Войска смогли облегченно вздохнуть. Наконец-то дни отступления были позади, и пришел час ответной атаки. Серьезность положения и решающее значение предстоящей битвы были ясны каждому солдату.

Атака началась с рассветом. Дивизия наступала тремя группами из своих исходных районов. Первой задачей был разгром сильных войск врага, которые готовились к наступлению на востоке Красноград. Это был жесткий бой. Сначала атака продвигалась с трудом. Следующее препятствие, приток Днепра Орель на юге, было преодолено ближе к вечеру. Атака была продолжена ночью под личным руководством Хармеля, и в тяжелом ночном сражении против полностью обескураженного врага был преодолен участок Орла. Радиограмма фюрера подчеркнула важность этого момента. Но натиск войск и без этого уже невозможно было остановить. Острие танкового клина двигалось в ночи на юг. Удар за ударом наносился против фланга вражеских колонн, переходящих дорогу на запад. Одна группа преследования сменялась другой, до тех пор пока 20 февраля в 14 часов передовые силы не достигли Новомосковска и не соединились с группой Штайнбауера.

Головные колонны были поддержаны бомбардировщиками люфтваффе.

Первая цель была достигнута. Следующие далее основные силы дивизии нанесли еще один удар по вражеским войскам и окончательно привели противника в смятение. Действовали без остановки, фактор неожиданности атаки должен был быть использован полностью.

Вражеские соединения, которые находились уже западнее линии нашего наступления, потекли обратно. Однако далее на юге большие силы находившихся перед Новомосковском головных подразделений последовали на запад. Следующей целью атаки был участок Павлоград и район восточнее от него, поскольку оттуда мощные советские силы наступали в южном направлении на излучину Днепра. Угроза еще не была устранена.

21 февраля после ночного сооружения плацдарма атака была продолжена на восточном направлении, и около полудня был достигнут Павлоград.

Полк «Дойчланд» был задействован юго-западнее города против сильного противника, которого он уничтожил в трехдневном сражении. Была установлена связь с 15-й пехотной дивизией.

21 февраля командование войсками южнее Самары было передано Главному штабу танковой армии 4 (генерал Гот). Он между тем уже подтянул новые силы с юго-востока. 22 февраля было установлено сообщение с XXXXVIII танковым корпусом (фон Кнобельсдорфф).

Хотя ударом дивизии «Рейх» из Красноград в южном направлении и удалось разбить острие наступающего на запад клина противника, но большие силы противника все еще находились восточнее линии недавней атаки. Для уничтожения этого врага и для установления сообщения лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» с армейской группой Кемпфа (до этого — Ланца) севе-

ро-восточнее Красноград срочно были необходимы дополнительные силы. Для этого танковому корпусу СС была подчинена долгожданная дивизия «Тотенкопф» (Эйке), которая была высажена у Полтавы и собрана в районе Перещепино.

22 февраля дивизия выступила для атаки в юго-восточном направлении между Самарой и Орлом и уничтожила упорно удерживающегося там врага. Дивизия «Рейх» была между тем повернута на север и, следуя из Павлограда, преодолела при хорошей поддержке бомбардировщиков переправу через Самару и взяла Вебки. Здесь 24 февраля соединились головные отряды обеих дивизий. Севернее от этого левая фланговая колонна дивизии СС «Тотенкопф» захватила Орельку и тем самым прикрыла открытый северный фланг. Это продвижение левого фланга особенно положительно повлияло на продолжение наступления.

Разгром головных частей нападающих сил противника не смог предотвратить продолжения его атак. Главные силы 1-й советской гвардейской армии только еще развертывались. Новые силы были подтянуты и против фронта лейбштандарта СС «Адольф Гитлер».

Части русской группы Попова были уже отгорожены соседней армией, однако пять вражеских танковых корпусов двигались навстречу армии Гота в юго-западном направлении.

С 20 февраля наступило потепление, отчего дороги освободились от снега и повысилась мобильность моторизованных подразделений. Первый день атаки всей армии в северном направлении привел к сильному прорыву вплоть до возвышенностей Лозовой.

Нападающие дивизии прорывались ударными клиньями с сильным боковым прикрытием по окольным дорогам. Движение вражеских сил все еще было направлено

на юго-запад; оно было прервано. После полудня ударная группировка дивизии «Рейх» прорвалась на южный участок Лозовой, правая колонна — в Вессели.

К западу от этого наступала дивизия СС «Тотенкопф», в составе которой находился подкрепленный танковый полк. Другие части двинулись из Орла в восточном и северо-восточном направлении. При этом левый фланг все еще был под сильной угрозой находящихся здесь вражеских частей. После радиоразведки они дали приказ к отступлению с сосредоточением войск под Орлом и Лозовой, куда они пробивались маленькими, подкрепленными танками группами. Другие вражеские части в течение следующих дней отступили из района южнее Павлограда на север. Одно из этих соединений атаковало 28 февраля штаб корпуса в Юрьевке, другое — штаб 15-й пехотной дивизии в Орельке. Общая сила удара была велика, и нужно было принимать ответные меры. Между передовыми отрядами дивизии СС «Тотенкопф» также еще находились большие силы противника. Особенно сильной оборонной позицией врага, стоявшего перед фронтом армии, был район у Лозовой.

Задачей танкового корпуса СС было, во-первых, разгромить этот опорный пункта врага и, во-вторых, устранить угрозу с тыла и фланга для дивизии СС «Тотенкопф». Первая задача была поставлена на 26 февраля перед дивизией «Рейх», вторая — перед дивизией СС «Тотенкопф» и 15-й пехотной дивизией. Последние вступили в бой уже 25 февраля. Соседние войска справа, XXXXVIII танковый корпус, должны были стремительным наступлением на север заградить важную для сообщения врага дорогу на Изюм, чтобы предотвратить подход новых войск врага. Однако силы противника у Лозовой были уже настолько велики, что потребовалось задействование всей дивизии «Рейх». Лишь 27 февраля

фронт был прорван, корпус достиг примерно района трассы Лозовая — Орелька. Преследование 28 февраля привело глубоко на север. Первая задача была выполнена, вражеская ударная группа Попова разбита.

В эти дни дивизию СС «Тотенкопф» постигла тяжелая утрата. Ее командир Эйке был сбит во время личной разведки в Физелер-Шторхе. Он был душой дивизии!

Между тем лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» выполнил свою задачу по ведению наступательного сражения. Ударные войска постоянными атаками на разных участках нанесли врагу тяжелые потери и таким образом остановили вражеское продвижение на Полтаву.

Начиная с 28 февраля перед правым флангом дивизии можно было различить перегруппировку сил врага. Противник отозвал из района юго-западнее Харькова два танковых корпуса и три стрелковые дивизии 3-й советской танковой армии, чтобы бросить их на борьбу с танковым корпусом СС.

Началась новая фаза нашего наступления. Направление удара было повернуто на северо-запад. Целью атаки были высоты у Береки и Ефремовки, район, хорошо знакомый по февральским боям.

Армия хотела достичь правым флангом Донца, в то время как корпус СС должен был восстановить сообщение с правым флангом армейской группы Кемпфа (лейбштандарт СС «Адольф Гитлер»). Наступление было продолжено 1 и 2 марта. В результате этих боев стало ясно, что только что подтянутые советские войска были введены прямо в брешь между наступающим танковым корпусом СС и линией обороны лейбштандарта СС «Адольф Гитлер». На них был направлен удар правого фланга дивизии СС «Тотенкопф». Противник попытался с помощью сильных ударов в юго-восточном и северо-восточном направлениях избежать окружения.

Тщетно! В трехдневных кровопролитных боях у Ефремовки эти войска были уничтожены дивизией СС «Тотенкопф» при поддержке частей «Рейха» и лейбштандарта СС «Адольф Гитлер». Успешно действовали поддерживающие атаку дивизий штурмовые эскадрильи. Некоторые части врага, сумевшие вырваться, снова в течение нескольких дней служили угрозой с тыла. Они были уничтожены. Командующий генерал XV русского гвардейского танкового корпуса был найден мертвым недалеко от командного пункта танкового корпуса СС. 4 марта было налажено сообщение между нашими частями. 5 марта дивизия СС «Тотенкопф» завершила уничтожение окруженных вражеских частей и закончила тем самым самую удачную свою операцию. Противник потерпел большие потери личного состава. Район в кольце окружения был полон неимоверным количеством оружия и техники.

ЛИНЕЙКА

Среди многих командиров в истории нашего разведывательного батальона был один, который считал себя величайшим тактиком. Что хорошо в аудитории, то подойдет и для боя, наверное, полагал он, — и строго по военному уставу задавал вопросы, которые отдавали честь его прилежному обучению в юнкерской школе: «Я хочу знать...» И тогда начиналось! Мой бог, чего он только не хотел знать — и при этом дыра, которую должен был разведать бедный роттенфюрер, была ровнейшим засыпанным снегом полем, на котором враг заметил бы любую мышь. Но, очевидно, в уставе ничего об этом сказано не было. Сколько человек — где тяжелые орудия — какие тяжелые орудия — где запасная позиция — когда смена караула, какая смена... и пес его знает что еще. И пока он, энергично выдвинув нижнюю челюсть, бросал отважные взгляды на местность, роттенфюрер, у которого за спи-

ной было уже больше дозоров, чем шефу доводилось видеть вооруженных иванов, упорно копался в своих карманах. «О гром небесный, что вы там ищете постоянно в своих карманах, когда я с вами разговариваю...» — заорал на него шеф. «Ах, штурмбаннфюрер, — отвечал невозмутимо роттенфюрер, — я ищу свою линейку, чтобы сразу уж и рост у них измерить...»

После этого сражения были поставлены новые задачи. Дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» снова была подчинена танковому корпусу и 5 марта стояла в боевой готовности рядом с дивизией «Рейх». В этот же день к корпусу смогла присоединиться и дивизия СС «Тотенкопф».

Состояние дорог снова ухудшилось. Снег был здесь еще глубокий, и это затрудняло передвижение. Куда должно было быть направлено следующее наступление? Повторение Харькова или уничтожение вражеских сил, находившихся перед армейской группой Кемпфа? Решение еще не было принято. Сначала нужно было достичь участка Мжи. 6 марта наступление было продолжено, справа — «Рейх», слева — лейбштандарт СС «Адольф Гитлер», дивизия СС «Тотенкопф» — за левым флангом. «Рейх» в тяжелых боях местного значения отбросил врага из населенных пунктов южнее этого участка, дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» прорвала вражескую линию обороны и соорудила первое предмостное укрепление у Бридока. В ночь на 7 марта этого участка достигла и дивизия «Рейх». Соседние справа войска продвигались с большим трудом по местности.

Потеплело. Из-за ночных морозов земля уже не промерзала. Дороги были то занесены снегом, то утопали в грязи. Люди и техника находились на пределе возможностей.

У русских появилось слабое место. Сражение между Донцом и Днепром стоило им больших потерь. Они бросили на подмогу новые войска, которых, однако, оказалось недостаточно. Решения о дальнейшем направлении атаки еще не было. Со взятием 7 марта Валков направление главного удара сместилось на западный фланг.

Большие силы врага несколько дней удерживали XXXXVIII танковый корпус у Тарановки. Взять Мерефу не удалось. 8 марта дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» продвинулась из Валков через железнодорожный узел севернее от него, ее головные отряды достигли западной окраины Харькова.

Разведывательные отряды эшелонированной слева дивизии СС «Тотенкопф» достигли Ольшан. Продвижение «Рейха» было задержано из-за условий местности и сильной угрозы флангам с востока. 9 марта был достигнут участок Уды и взяты Ольшаны. Соседние слева войска армейской группы Кемпфа тоже продвигались вперед. Следующей целью мог быть только Харьков. В танковом корпусе решили начать атаку 10 марта. Город должен был быть атакован одновременно с севера и северо-востока лейбштандартом СС «Адольф Гитлер», с запада — «Рейхом», каждая атака — по трем трассам. Дивизия СС «Тотенкопф» получила задание прикрывать армейскую группу К е м п ф а на северо-западном и северном направлениях от находившегося там врага, а также от только что подтянутых новых вражеских войск.

10 марта, продолжая наступление, лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» и дивизия СС «Тотенкопф» двинулись на севере вдоль Харькова и отрезали город.

Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» и «Рейх» создали себе хорошие позиции для прорыва в город, однако вследствие ужесточившегося сопротивления на окраи-

не города смогли выступить только после сосредоточения своих сил. Сама атака была отложена до 11 марта.

Вечером 10 марта танковый корпус был готов к вторжению: «Рейх» — на западной окраине города, группа прикрытия с фронтом, направленным на юго-восток, против врага, находившегося перед соседними войсками справа, лейбштандарт СС «Адольф Гитлер», разделенный на три ударные группы, — на северной окраине города.

«Тотенкопф» обеспечивала прикрытие на северо-западе от Дергачей до Ольшан. В третий раз за эту войну началось сражение за Харьков. Противнику удалось организовать оборону города подручными средствами. Баррикады блокировали входы в город и находились как линия обороны по всему городу. Участки реки оказались сильными оборонительными позициями.

11 марта лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» неожиданно вторгся в город. В жестоких уличных боях он прорвался до Красной площади и занял ее. Улицы, ведущие на северо-восток, находились в досягаемости наших тяжелых орудий.

В ночь на 12 марта «Рейх» преодолел противотанковое укрепление на западе и тем самым открыл дорогу в город. Дивизия достигла главного вокзала. Противник вел отвлекающие атаки с северо-востока против дивизии «Тотенкопф», фронт прикрытия которой растянулся до реки Харьков.

Между тем сильный противник упорно держался напротив танкового корпуса Кнобельсдорфа южнее и юго-восточнее Харькова, невзирая на угрозу окружения его танковым корпусом СС. Появилась возможность ударом через Рогань заключить его в кольцо и уничтожить. Но это было возможно лишь при открытии сквозной дороги через Харьков. Приказ армии немедленно вывести части «Рейха» из уличных боев и обвести на се-

вере вокруг Харькова означал сильную задержку. Поэтому части «Тотенкопфа» были задействованы в наступлении на Чугуев, чтобы здесь заградить главную дорогу на юго-восток, в то время как корпус настаивал на том, чтобы сначала взять сквозную дорогу через город. После того как вечером 12 марта было налажено сообщение между лейбштандартом СС «Адольф Гитлер» и «Рейхом», боевая группа Хармеля была послана марш-броском на Рогань, чтобы здесь заградить путь.

После отвода этих частей «Рейха» тяжесть боев в городе легла на лейбштандарт СС «Адольф Гитлер». Дивизия вырывала у врага улицу за улицей, до тех пор пока 14 марта в 18 часов не поступило сообщение, что и южные части города были захвачены. Территория фабрики, находившаяся к востоку от этого, тоже была очищена.

Между тем дороги, за исключением мощеных, были уже практически непроходимы. Части дивизии «Тотенкопф» и боевой группы Хармеля 14 марта стояли без горючего, потому что колонны снабжения застряли на пути. Они вынуждены были дожидаться снабжения по воздуху и с трудом смогли достичь своевременно своих целей.

Утром 15 марта боевая группа Хармеля пробилась до железной дороги южнее Рогани, дивизия «Тотенкопф» после успешных танковых боев достигла перехода у Чугуева и заградила его. В течение следующих дней заградительную линию пришлось защищать от мощных вражеских попыток прорыва и от атак с востока. Основные силы окруженного врага, прежде всего всю его технику, удалось уничтожить или захватить.

Таким образом, было завершено решающее контрнаступление, лучше сказать «наступление из отступления», против большого зимнего наступления русских, было налажено сообщение между частями группы армий «Юг», а также осуществлено соединение с северны-

ми войсками, уничтожена значительная часть русских сил, остальной причинены сильные потери. Это была последняя немецкая победа на Восточном фронте! В следующие дни во время преследования врага, отходившего на восток и на север, был взят берег Донца, а 18 марта после короткого боя как завершение успешной операции танкового корпуса СС был взят Белгород. Там было налажено сообщение с дивизией «Гроссдойчланд», наступавшей с запада, которая в последние дни в жестоком танковом сражении уничтожила многочисленные вражеские войска.

Общие потери корпуса: 365 офицеров, 11 154 унтер-офицера и солдата.

АТАКА БЕЗ ПРИКАЗА

Мы лежим, выполняя задачу прикрытия, на хорошо укрепленных позициях. Пока об атаке и не думаем. Последние недели были и так достаточно тяжелыми.

Враг стоит в каких-то 1200 метрах от нас в деревне, напротив которой выставлена группа с двумя пулеметами в качестве боевого форпоста.

Вдруг при свете дня там, в деревне, что-то начинает шевелиться: коричневые фигуры вылезают оттуда волна за волной... Целый батальон... нет — еще больше. Открываем огонь из тяжелых орудий, но противник, кажется, будто не замечает его. Его волны становятся все гуще, гуще и шире. Но тут за секунду картина меняется: неистовым стаккато открывают огонь оба пулемета боевого форпоста! Группенфюрер там, впереди, знает свое дело — подпустить врага и сначала заставить его полностью развернуться. Его окопы находятся на замечательной позиции, до последнего момента он оставался со своими солдатами в прикрытии — и теперь своими длинными очередями он уже почти захватывает фланг противника. Русские неистово набрасываются на маленькую группу.

Целый батальон лежит в окопах и наблюдает неравный бой. Сотни биноклей направлены на товарищей... Как долго сумеют они продержаться?

И тут падает первый стрелок... Затаив дыхание наблюдаем мы смену стрелков. Наконец в том окопе снова вступают в бой. Но вокруг воздух стал желтым и серым от огневых столбов. Все возможное оружие русские направили против маленькой группы. Все клокочет и ревет, гудит и грохочет. Сколько еще, спрашиваем мы себя. Напряжение становится невыносимым... У одного рука хватается за ложе винтовки, у другого нетерпеливо дергает пулеметную ленту.

Осталось еще только несколько минут, и с теми несколькими солдатами там будет покончено...

Оба пулемета все еще стучат, но и враг все сильнее надвигается на нас. Русские вот-вот доберутся до фланга группы... И мы должны смотреть на это? Даже если атака на нашем участке провалится, неужели можно просто так дать пристрелить наших товарищей, которые там так отважно сражаются за нас?

Сегодня никто не помнит, как это получилось. Приказа не было — одним махом весь батальон выпрыгнул из укрытия, примкнув штыки, и помчался через поле, наперегонки со смертью. Мы стреляли с бедра, бросали далеко вперед ручные гранаты и стреляли, стреляли... Во главе нашей 11-й роты, без шлема, — оберштурмфюрер Кумпф. Его светлые волосы светились на солнце, так что мы могли его различить издалека. У 10-й — штабсшарфюрер, и что за старшина! Он бежал с автоматом и, стреляя на бегу, был впереди всех.

Из тысячи глоток раздавалось над полем: «Ура! Ура!»

А враг? Враг не выдержал и минуты нашей атаки. Он бросил оружие и бежал, бежал — обратно в деревню, через деревню и дальше. В наши руки попала гора боеприпасов — пять грузовиков, заполненных гранатометами, пулеметами и винтовками...

Мы же сражались за большее: за наших товарищей...

ПК-СС

Фельдмаршал фон Манштейн в январе 1951 года опубликовал короткое описание зимнего похода 1942/43 года в «Европейских письмах» барона фон Штауффенберга. Они были написаны из высоких побуждений.

Описание хода боев 4-й танковой армии, в которую входил танковый корпус СС, начиная с боев у Павлограда, похоже на приведенное здесь. Заключая, он пишет: «Бои закончились 1 марта тем, что 6-я русская армия, группа Попова и 1-я гвардейская армия были полностью разгромлены.

Трофеи в этом сражении составили 615 танков, 400 орудий, 600 противотанковых орудий.

В последующей битве за Харьков 14 марта снова были разбиты несколько вражеских танковых корпусов, один кавалерийский корпус, большое количество стрелковых дивизий.

Попытка русских, начатая с прорывом по обе стороны Сталинграда 20 ноября 1942 года и продолженная подавлением сначала итальянской армии в декабре, а потом венгерской в январе, целью которой было окружение всего южного фланга немецкой армии на Азовском море, провалилась».

Высказывания К. фон Типпельскирха в его «Истории Второй мировой войны» в разделе VII, 2, а также другие публикации о сражении за Харьков 1943 года имеют следующие дополнения.

Фон Типпельскирх ограничивается только описанием действий армий; корпуса упоминаются лишь в виде исключения. Танковый корпус СС, сыгравший в битве решающую роль, стоил бы такого упоминания. Адольф Гитлер, который 17 февраля находился в штаб-квартире Манштейна, очевидно, представлял себе, что главные силы танкового корпуса СС и корпуса Рау (прежде — Крамера) должны были бы допустить свое окружение в

Харькове после того, как фронтальная оборона уже была невозможна. Таким образом, оказались бы связанными большие русские силы. Деблокирование Харькова тогда должно было бы повлиять на наступление с юга. Подобные стратегические мысли Гитлера почти никогда не приводили ни к чему хорошему, по крайней мере, в Сталинграде. Самовольное оставление Харькова, обусловленное чувством ответственности, вопреки повторяющимся приказам Адольфа Гитлера, нельзя называть «выбросом войск», хотя у Адольфа Гитлера и были все основания, чтобы не заострять внимания общественности на непослушании танкового корпуса СС.

Какими силами тогда Манштейн смог бы вести свое наступление между Доном и Днепром? 4-я танковая армия Гота тогда состояла бы в основном из XXXVIII танкового корпуса. У нее за плечами было тяжелое отступление после отвлекающего удара на Сталинград. Кроме нее в распоряжении находились — насколько я могу судить — свежая 15-я пехотная дивизия и, в лучшем случае, части 1-й танковой армии («Викинг»). Главные силы 1-й танковой армии были брошены на Миус, куда вскоре должен был быть отведен и «Викинг».

Таким образом, существенным было то, что вновь сформированный из испытанных дивизий танковый корпус СС оказался свободен для того, чтобы наступлением от Красноград на юг совместно с «Рейхом» и «Тотенкопфом» пробивать путь к танковой армии Гота, в то время как лейбштандарт «Адольф Гитлер» удерживал линию обороны на правом фланге армейской группы Кемпфа (прежде — Ланца). Эти бои были не из легких! Только после них Манштейн получил плацдарм для своего масштабного, здорового плана операции. Во время проведения этой операции корпус СС, и причем в одиночку, снова взял Харьков.

Поводом для данного дополнения послужило умалчивание, безусловно неумышленное, действий танкового корпуса СС в новых изданиях.

После завершения боев возник план наступления с юга, из района Белгорода и западнее его (группа армий «Юг»), и с севера, из района Орла (группа армий «Центр»), отрезать русские войска, находившиеся в сильно изогнутой на запад дуге, и уничтожить их. Название операции — «Цитадель». Исполнение этого плана было несколько раз отложено, чтобы обеспечить снабжение танковой дивизии новыми тяжелыми танками, «пантерами». Между тем русские укрепили две сильные позиции западнее Донца противотанковыми рвами, противотанковыми точками и установленными на позициях танками. В практических и теоретических учениях войска обучались бою против подобно укрепленного врага, а также совместному бою с люфтваффе.

Наступление началось 5 июля. В боевую готовность были приведены: справа — армейская группа К е м п ф а на Донце до Белгорода включительно. Наступление через Донец с основным ударом слева, севернее — 4-я танковая армия Гота, справа от которой находился танковый корпус СС, слева — XXXVIII танковый корпус фон Кнобельсдорффа и пехотная дивизия. Задача: прорыв через мощные вражеские позиции с обеих сторон реки Ворскла и захват возвышенности у Прохоровки на железной дороге, что позволило бы задействовать все танковые силы в районе между рек. Местность, по которой проходило наступление, была разделена на участки из-за множества непроходимых балок.

Корпус был подкреплен тяжелой артиллерией и минометной армейской бригадой. Для единообразной огневой подготовки и обеспечения осколочно-фугасными снарядами и дымовой завесой была сформирована ар-

тиллерия корпуса. Ею руководил замечательный штаб начальника артиллерии армии.

Проведение прорыва обеих позиций прошло точно по плану. Неожиданности начались лишь позже. Дивизии были брошены в бой в следующем порядке: «Тотенкопф», «Рейх», лейбштандарт СС «Адольф Гитлер». Основной удар сначала находился на внутренних флангах дивизий слева. После прорыва русские начали сильные контрудары против правого открытого фланга на железной дороге («Рейх»). Дивизия «Тотенкопф» после выполнения первой задачи была отведена и переброшена на левый фланг.

С самого начала было известно о присутствии сильного русского оперативного резерва в районе Воронежа. Часть этих войск была введена в бой. Корпус СС в ночь на 11 июля был приведен в боевую готовность для единого наступления на эти войска, в то время как дивизия «Тотенкопф» должна была захватить переход через Псел и обеспечивать там прикрытие. По этим исходным позициям 11 июля 3-я русская танковая армия нанесла контрудар. В этот и в последующий дни западнее Прохоровки развернулось танковое сражение огромного масштаба. Противник не смог осуществить прорыв, много танков было уничтожено. Однако положение было критическим, поскольку армейская группа К е м п ф а вынуждена была свои основные силы перебросить с левого на правый фланг, так что рядом с танковым корпусом СС образовалась большая брешь.

Успехи группы армий Моделя, наступавшего из Орла, были намного меньше; русское наступление на Орел поставило под большой вопрос задачу достижения Курска. Кроме того, казалось, обострилось положение на фронте Миуса. Поэтому Верховное командование приказало прекратить наступление и перебросить корпус СС на фронт Миуса. Таким образом, оперативная цель

не была достигнута, но, по крайней мере, были связаны оперативные резервы противника; были ли тем самым перечеркнуты его планы — спорный вопрос, так же как и то, стоило ли задействовать и истощать наши резервы для этого наступления.

Дивизии были отведены и одна за другой марш-броском посланы к армии Голлидта, лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» был при этом отозван и переправлен в Верхнюю Италию.

Штаб корпуса с дивизиями «Рейх», «Тотенкопф» и 3-й танковой дивизией армии устранили большой вражеский плацдарм на Миусе после тяжелейших боев в невыгодных ландшафтных условиях у Константина, продолжавшихся до 3 августа. Затем штаб корпуса последовал в Верхнюю Италию, в то время как обе дивизии в связи с развитием событий были задержаны на Восточном фронте.

Время единообразного руководства с помощью собственного штаба корпуса теперь снова прошло. Корпус, начиная войсками и заканчивая командованием, полностью оправдал возложенные на него надежды.

Тем временем в Италии Муссолини был вынужден сдаться. 3 сентября союзники высадились в Италии, чьи вооруженные силы капитулировали 8 сентября. Штаб II корпуса СС (в составе группы армий Роммеля) руководил разоружением итальянской армии в Верхней Италии и чисткой восточных районов частями лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» и армейскими дивизиями до конца 1943 года.

В районе Харькова линии фронта пришли в движение. Натиск русских войск, которые после Сталинграда были переброшены на этот фронт, нарастал, начавшись контрударом севернее Белгорода и превратившись в огромное наступление на участке группы армий «Юг».

Сильный удар привел к глубокому вторжению по направлению к Харькову и Полтаве. Прорыв удалось остановить. 20 августа в Харькове в четвертый раз поменялась власть. Новое наступление началось 24 августа из района Таганрог — Ворошиловград. Прорыв заставил 8 сентября отодвинуть немецкий фронт на линию Мариуполь — район западнее Сталино — район западнее Славянска и вслед за тем сдать фронт на Донце. В конце сентября русские стояли перед линией Мелитополь — Запорожье и на Днепре, вплоть до устья Припяти.

К концу ноября и этот фронт у реки был потерян. Осталось лишь по одному плацдарму у Херсона и Никополя. Между тем враг уже прорвался через Киев на Житомир.

Предпринятый в декабре под Бердичевом недостаточными силами немецкий контрудар застопорился. Не удалось захватить обратно Киев и линию реки. Новая атака русских отбросила наши войска до Винницы.

К сожалению, за этот период нет подробных данных о подразделении и вхождении отдельных частей СС в другие соединения. Поэтому нужно довольствоваться обзорным описанием. Это особенно печально потому, что именно отступательные бои и затяжное сопротивление ставят перед войсками особые задачи, и действия командования и заслуги войск при этом были бы достойны упоминания. Небольшое ознакомление с миром отступления дает Эрих К е р н в «Великом опьянении». Основная нагрузка этих боев пала на дивизии «Рейх», «Тотенкопф» и «Викинг». Участвовали в них также и кавалерийская дивизия СС и, с конца года, снова лейбштандарт СС «Адольф Гитлер».

«Викинг» до конца июля стоял на среднем Донце, держа оборону. «Тотенкопф» вскоре была отозвана с фронта на Миусе, «Рейх» последовал позже. Затем, до середины сентября, они сражались в районе западнее Харькова (Лебедин — Ахтырка — Валки) в составе 8-й

армии против основных сил противника, до тех пока они не вынуждены были отступить в южном направлении через Полтаву к Днепру у Кременчуга. Здесь тут же начались новые оборонительные бои. На участке «Тотенкопф» они продолжались до начала октября, в то время как «Рейх» был задействован против вражеского предмостного укрепления на западном берегу Днепра южнее Киева.

Дальнейшее развитие событий еще больше отдалило дивизии друг от друга: «Тотенкопф» была переброшена к югу от реки в район на Ингульце севернее Кривого Рога (в составе 1-й танковой армии), «Викинг» после боев восточнее Киева — на Днепр у Черкасс (8-я армия), «Рейх» — западнее Киева, в район Бердичев — Коростень, по обеим сторонам Житомира. Здесь угроза была особенно велика. Туда в конце года был переброшен и лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» из Италии. Эти войска принимали участие в контрнаступлении 4-й танковой армии от Бердичева, которое восстановило положение.

На центральном участке в июне был оставлена линия Вязьма — Ржев, и до конца года линия фронта была отброшена до района Бобруйск — Витебск. Из Ваффен СС здесь сражались 8-я кавалерийская дивизия и 1-я бригада СС. Из первой в начале января 1943 года была выделена боевая группа Цеендера и задействована в районе корпуса Леммельзена южнее Орла. Остальная часть дивизии стояла без боев в районе Карачева.

В апреле и мае дивизия была обновлена северо-западнее Бобруйска. До конца июля она участвовала в боях в районе Речица — Мозырь между Днепром и Припятью, где прорвались русские и, кроме того, неоднократно приходилось бороться с партизанами.

В августе дивизия была переброшена в распоряжение группы армий «Юг», где она участвовала в оборонительных и отступательных боях до Днепра и далее до Кировограда и в процессе масштабного отвода войск. По

завершении этих боев в декабре она была направлена для переформирования в Эссег, Хорватия.

На севере полицейская дивизия все еще участвовала в блокаде Ленинграда западнее Волхова, у Колпино, в конце — у Ораниенбаума.

В январе 18-я армия вынуждена была завершить на юго-восточном фронте блокаду Ленинграда, после того как потеряла Шлиссельбург. Не хватило сил, чтобы уничтожить русский плацдарм у Ораниенбаума. Между двумя участками вторжения на Волхове и восточнее Любани необходимо было удерживать опорные позиции, что стоило сил.

После событий на других фронтах группа армий была значительно ослаблена.

Для подкрепления были задействованы полицейские части под командованием генерала полиции Екельна. В декабре прибыл штаб III корпуса СС.

В 1943 году вновь были сформированы:

I танковый корпус СС, Зепп Дитрих, летом в Берлине и Брюсселе, позднее — Меран в Тироле;

штаб III Германского танкового корпуса, Штайнер, в северной Баварии. Бои конца 1943 года в Хорватии;

штаб IV горного корпуса, Флепс, Банат. Бои в Югославии;

штаб VI армейского корпуса, Пффефер-Вильденбрух. Бои на севере России;

бывший танковый корпус СС, Хауссер, получил номер II;

далее — 9-я танковая дивизия «Гогенштауфен», Биттрих, Франция;

10-я танковая дивизия «Фрундсберг», Дебес, позднее — фон Тройенфельд, Франция;

11-я танковая дивизия «Нордланд», фон Шольц, Графенвер, в составе — свободный корпус «Данмарк»;

12-я танковая дивизия «Гитлерюгенд», Витт, Бельгия;

16-я танково-гренадерская дивизия «Рейхсфюрер СС», Симон, Лайбах, позднее — Венгрия и Верхняя Италия;

танково-гренадерская бригада «Недерланд», Вагнер, Графенвер;

негерманские соединения: 13-я горная дивизия «Хандшар» (мусульмане), Заубершвейг, Франция, позднее — Балканы;

14-я гренадерская дивизия (Галиция), Фрейтаг, Дебица;

15-я ваффен-гренадерская дивизия СС (латвийская), Хайльманн, Латвия.

ВОЙНА НА БАЛКАНАХ С 1942-го ДО КОНЦА 1944 года

У Балкан — свое собственное лицо, и живут они по собственным законам. Смесь балканских народов из словенцев, хорватов, сербов, болгар и македонцев обнаруживает то европейские, то азиатские черты.

История, турецкое владычество и борьба с ним навсегда поселили ненависть между народами и закрепили противоречия в их вероисповеданиях. Югославии, созданной после Первой мировой войны, не удалось стереть противоречия между сербами и хорватами. Политическое развитие привело к государственному перевороту 1941 года, весеннему походу, к созданию самостоятельной Хорватии под руководством Анте Павеличи, разделению на немецкую и итальянскую зоны влияния.

Немецкое политическое влияние опиралось на плохие советы, итальянское руководствовалось «sacro egoismo». Последствиями этого, которые должны были

расхлебывать солдаты, стали разросшиеся партизанские отряды. Порой они враждовали между собой.

Отряды были следующими: усташи = националистические хорваты, четники = националистические сербы под руководством Михайловича, коммунистические сербы под руководством Броза Тито.

Они поддерживались союзниками и даже — тайно — итальянцами.

До 1942 года самым сильным было влияние четников. Лишь позже, благодаря помощи союзников, особенно после капитуляции Италии летом 1943 года, что принесло ему значительный прирост оружия и солдат, победил Тито. Его банды разрослись в регулярную сильную армию, основные силы которой находились в Западной Боснии. После краха Болгарии и Румынии Тито перебросил их в Сербию восточнее Дрины для взаимодействия с русскими, в то время как Михайлович остался в Боснии.

Сербы и хорваты — хорошие солдаты, последние показали себя во время Первой мировой войны в составе венгерской армии.

Непосредственно после похода против Югославии немецкие войска были брошены на Восточный фронт против России. Только слабые оккупационные части были оставлены. Нестабильное положение заставило подкрепить их. Но, несмотря на это, они оставались в меньшинстве. Помощь итальянцев была очень сомнительной.

7-я горная дивизия СС «Принц Евгений» была сформирована в 1942 году в сербском Банате. Формированием руководил Флепс, заслуженный офицер бывшей императорской и королевской армии[1], который после окончания Первой мировой войны перешел как уроженец Трансильвании в румынскую армию. В 1941 году он

[1] В Австро-Венгерской монархии: армия, относящаяся и к Австрии, и к Венгрии.

вступил в Ваффен СС. Погиб в 1944 году, будучи командующим генералом.

Для дивизии было рекрутировано примерно 1500 этнических немцев. Офицеры и унтер-офицеры были из бывшей императорской и королевской армии, а также из других дивизий Ваффен СС. Отсутствие единообразия в подготовке приводило к особенным трудностям при формировании дивизии. На вооружение было взято трофейное оружие разного происхождения. Командирами дивизии также были фон Оверкамп (‡), Кумм и Шмидхубер (‡).

Штаб V горного корпуса СС был сформирован вместе с войсками корпуса летом 1943 года в Берлине и Праге под командованием Флепса, начальник штаба корпуса — К у м м. Первое боевое задание — в октябре 1943 года у Мостара.

Одновременно была сформирована первая мусульманская дивизия. Ее солдаты носили феску и даже на службе соблюдали правила своей религии. Первое боевое задание — в январе 1944 года у Туцлара.

НАШИ МУХОС

13-я горная дивизия «Хандшар» была сформирована группенфюрером СС Зауберцвейгом в 1943 году на основе традиций боснийского полка императорской и королевской армии. В нее добровольно записалось около 20 000 мусульман из района Боснии и Герцеговины, а также несколько сотен албанцев, которые хотели бороться на своей родине с большевизмом. В каждом батальоне был свой имам, который опекал солдат в духе мусульманской религии. Здесь следует выразить благодарность нашим товарищам из Сербии и Хорватии, которые до самого горького конца боролись вместе с нами, хотя их родина уже давно была запружена партизанами.

В марте 1941 года дивизия в состоянии боевой готовности вошла в состав V горного корпуса СС в районе Винковиц. Приход хорошо вооруженных «мухос» (так мы называли наших солдат) на свою родину вызвал новую волну добровольцев, так что стало возможным формирование еще одной мусульманской дивизии, «Кама». Дальнейшие планы по формированию новых войск были разрушены крахом Румынии.

Наряду с тяжелым испытанием на Дунае севернее Эссега дивизии предстояли другие тяжелые бои, особенно в Венгрии.

В Надьятаде наши передовые части стояли в восьми-десяти метрах против вражеских болгар. Каждую ночь случались вылазки. В районе 1-й роты, в «рукопашной прихожей», каждую ночь завязывались бои за отдельные дома. Каждый хотел улучшить свои позиции, чтобы обезопаситься от неожиданных налетов. В одно воскресное утро в 8 часов наш участок внезапно покрылся облаком чада и пыли от сильного артиллерийского и гранатометного огня. Было ли это обычным утренним благословением? Постепенно артиллерийский огонь пробрался от окраины селения в сам городок. 17,2-сантиметровые гранаты врезались в дома. Все горело. Весь в поту и грязи, ворвался командир эшелона связи: «Иваны захватили рукопашную прихожую!» Выступив со своего плацдарма, болгары напали слева от улицы на 1-ю роту, в то время как атака справа от улицы захлебнулась недалеко от первых домов в нашем гранатометном и пулеметном огне. Они с трудом побирались дальше в город.

Мухос отчаянно оборонялись. Правая линия домов осталась в наших руках. Из всех подвальных щелей, окон, с крыш на проходивший совсем близко фланг нападающих обрушивался огонь. Тяжелые орудия создавали заградительный огонь, направленный на вражескую переправу через Ринью. Мощь неожиданной атаки разбилась из-за сильных потерь. Враг был остановлен в путанице домов, развалин и окопов, благодаря ответному удару командира 1-й роты с поспешно собранными пятнадцатью мухос. Теперь нельзя было терять ни минуты. Если бы противник

удержался здесь, то, получив подкрепление, он мог бы разнести всю нашу позицию. Но у нас на подходе был уже резервный эшелон венгерских членов «Стрелы и креста», которые вместе с нами хотели защищать свою родину. После быстрого приведения в боевую готовность венгры обрушились на врага с сокрушительными снарядами, фауст-патронами, ручными гранатами и оглушительным ревом. Враг оставил все свое вооружение и отступил на свои старые позиции.

Боснийцы, до этого задействованные лишь в партизанской борьбе, должны были привыкнуть к большим сражениям с использованием всех тяжелых орудий, танков и штурмовой авиации. Напряженное развитие событий способствовало этому. Вскоре дивизия вместе с 71-й пехотной дивизией, с «Хох унд Дойчмайстер» и венгерскими отрядами стояла на линии фронта южнее озера Балатон. На протяжении зимы 1944/45 года наши мухос мужественно удерживали свои позиции. Локальные вторжения устранялись ответными ударами. Усердная деятельность разведывательных и ударных групп принесла хорошие результаты. Отдельные отряды время от времени сражались в составе других соединений и в большинстве случаев заслуживали похвалу, отпускали их с неохотой. Когда весной 1945 года русским удался прорыв на Вену, дивизии медленно, в боях, отступили назад, на позиции обороны рейха. Таким образом, большая часть немецких войск, находившихся в районе от Балкан до Греции, смогла соединиться, и, тем самым, многим нашим товарищам удалось избежать русского плена. Достаточное основание, чтобы не забывать наших смелых мусульман! Наша дивизия понесла в этих боях тяжелые потери, поскольку каждую позицию нужно было держать до последнего. После капитуляции остатки войск попали в британский военный плен. В лагере мухос отделили от их немецких командиров, при этом многим расставаться было тяжело. Часть наших мухос была выдана Тито по его требованию, как и тридцать восемь немецких фюреров и унтер-офицеров, которые были доставлены в Белград уже в сентябре 1947 года.

Х.Ш., 13-я горная дивизия СС «Хандшар»

В январе 1944 года из албанских добровольцев была сформирована 21-я горная дивизия СС «Скандербег» под командованием Шмидхубера, однако впоследствии были задействованы лишь ее части.

УЧАСТИЕ В БОЯХ

Следует иметь в виду, что недостаток специальных карт не позволяет подробно описать бои.

Далее нужно сказать, что бои на Балканах имели свой особенный характер. То была беспощадная война! Это было следствием военных столкновений Средневековья, которые, как и в наши дни, непременно сопровождались резней, истреблением целых поселений, убийством женщин и детей, сжиганием дотла домов, военными хитростями, набегами и т. д. Немецкие войска также были обречены на эти методы. Кто попадал во вражеские руки, не имел шанса на спасение. Приходилось защищаться.

В октябре 1942 года «Принц Евгений» был переброшен на сербско-черногорскую границу. Небольшой бой с партизанами в горной местности восточнее реки Ибар — правого притока Моравы — не принес успеха. Затем дивизия была переброшена в район Аграм — Карловац.

Первая половина 1943 года была заполнена двумя большими операциями против сильных партизанских отрядов. Первая была проведена с января по середину марта концентрированно с юго-востока, от Мостара — 6-й итальянской армией (Роатта), с севера — двумя немецкими дивизиями и с северо-запада — «Принцем Евгением» в район восточнее Бихача, в тяжелых условиях, при сильных морозах. Успеха не последовало, поскольку Тито со своими силами смог отойти на юго-восток че-

рез Наренку. Вторая операция была проведена сразу вслед за первой до конца мая в западной Черногории. Были развернуты силы двух армейских дивизий у Фочи и Сараево, двух болгарских дивизий у Преполья, итальянцев у Цетине и дивизии «Принц Евгений» у Мостара. После того как последняя пробилась через итальянскую область, она продвинулась на восток до района у Никшича. Партизаны понесли сильные потери. Однако силами примерно в 3000 человек Тито удалось прорваться у Фочи. Вскоре он смог сформировать новые отряды севернее Сараево. Таким образом, и эта операция не увенчалась решающим успехом.

Политическая ситуация ухудшалась. Ежедневно нужно было рассчитывать на измену итальянцев, которые потом капитулировали в сентябре. Положение стало критическим, поскольку к партизанам перешли итальянские позиции и вооружение. Дивизия «Принц Евгений» получила приказ захватить район Сплит (Спалато) — Меткович — Дубровник (Рагуза) на далмацинском побережье и разоружить итальянцев.

В сентябре завязались тяжелые бои в преддверии Сплита за старую турецкую крепость Клис и за Меткович. Взятие Сплита стало возможным лишь после поступления подкрепления. Было захвачено 18 000 итальянцев и множество военной техники. Остальные войска были спасены под прикрытием английских военных судов по Адриатике. К ноябрю были захвачены острова Брач, Хвар и Корчула. Штаб V горного корпуса в октябре принял на себя командование дивизиями «Принц Евгений», «Хандшар» и тремя армейскими дивизиями.

Задействование корпуса в декабре против Тито в районе северо-восточнее Сараева с севера и юга не увенчалось никаким успехом. Тито прорвался на запад, преследование «Принцем Евгением» через Травник было за пределами сил дивизии.

До конца февраля 1944 года дивизия была подкреплена и подвергнута систематическому обучению новым командованием штаба. Она стояла в качестве резерва в районе Сплит — Рагуза. После переброски в центральную Боснию у Травника обучение было продолжено до конца апреля уже в реальных условиях боя. В начале мая была сделана попытка захватить главный штаб Тито в районе Дрвара. В то время как «Принц Евгений», подкрепленный небольшими армейскими частями, с востока прорывал горно-лесистый массив Увала, парашютисты 501-го батальона СС высадились в Дрваре. Тито в последний момент удалось бежать вместе с его 1-й и 6-й дивизиями, сначала на юг, потом на восток. Преследование «Принцем Евгением» закончилось в начале июня на Дрине у Фочи практически полным разгромом 1-й дивизии Тито. Этот успех показал, что боевая готовность «Принца Евгения» снова была на прежнем уровне.

ДА, ФРАНЦЕЛЬ

Высоко в горах Черногории разведывательные части горной дивизии СС «Принц Евгений» наткнулись на несколько полуразвалившихся хижин, перед которыми три-четыре тощие козы с трудом выискивали редкие стебельки. Кроме древней старушки, здесь не было ни души. Как только старая поняла, что ее козам ничто не угрожает, она разговорилась. «Гм, да, война идет, да, — простонала она. — А Франц Йозеф еще жив?» — «Франц Йозеф — какой еще Франц Йозеф... — Солдаты пожали плечами. — Она, что это, кайзера Франца Иосифа имеет в виду?» — «Да, его». — «Нет, он же уже давно помер...» — «Как помер? А война все идет. Сколько же она уже длится...» Она зажимает пальцы, начинает считать, на одной руке, на второй, но пальцев не хватает. «Принцы» озадаченно смотрят друг на друга. «О какой войне она вообще говорит?» — спрашивает наконец один из них. Тогда

женщина изумленно поднимает на них глаза: «Ну, та, которая началась, когда они убили эрцгерцога Франца Фердинанда...»

Развитие событий на Восточном фронте, разгром группы армий «Центр» после русского наступления летом повлияли начиная с осени и на развитие событий на Балканах, в Венгрии и Румынии. Тито перебросил свои основные силы в Сербию.

Три партизанских корпуса были собраны у Валево для удара по Белграду. Дивизия «Принц Евгений» в августе была переброшена для наступления в Чачак. Наступление, однако, было прервано, дивизия отозвана и переброшена в Лесковац, южнее Ниша, для смены 1-й горной дивизии. Здесь она должна была держать открытым путь Скопье — Ниш — Белград для войск группы армий Лера, отступавших сюда из Греции. Оборонительные бои с танковыми бригадами против нескольких болгарских и советских дивизий были полностью успешными. Однако севернее большие силы русских продвигались через Алексинац на Крушевац. Одна группа дивизии смогла отразить сильнейшую угрозу, хотя при этом она была практически уничтожена. Части дивизии у Ниша были отрезаны с севера, обойдены с юга, с тыла им угрожали партизаны, связь с XXXIV корпусом была утеряна. 10 октября дивизия выдвинулась на запад. С фланга ее атаковали болгары, что привело к большим потерям. Были потеряны практически весь штаб дивизии, артиллерия, почти все машины и более 1000 солдат. Остатки были собраны (около 4000 человек) и без боеприпасов и продовольствия отведены — при сопровождении русских на севере и болгар на юге — через Копавниковские горы до Ибара.

Здесь удалось воссоединиться с немецкими войсками. Остатки дивизии, хотя они и были полностью изме-

таны и почти без оружия, тут же были задействованы для удержания плацдарма у Ибара восточнее Кралево, до тех пор пока группа армий Лера не переправилась из долины Ибара на запад. Марш-бросок, рассчитанный на десять дней, затянулся на почти шесть недель, до конца ноября. Все это время нужно было держаться. Этот подвиг вошел в историю дивизии как особенная страница славы.

Далее дивизия в качестве арьергарда последовала до Чачака. В то время как части группы армий Лера отступали в сторону Сараево, «Принц Евгений» продвигался через Любию на Дрине к Брчко на Саве. Из-за наводнения был сломан мост через Дрину. Саперному батальону удалось за восемнадцать часов соорудить канатный мост длиной более чем в 150 метров. Контрударами удалось освободить окруженные армейские части. В состав войск вошли части дивизии «Скандербег».

Далее до конца года дивизия находилась в обороне.

1944 год

До данного момента силы обеих сторон на Восточном фронте были примерно равноценны. Оборонительные и затяжные бои сменялись наступательными операциями. В начале года линия фронта проходила примерно от Крыма — южнее Днепра через Припятские болота, через Оршу — Витебск — озеро Ильмень — Ленинград. Положение в тылу армии теперь находилось под угрозой из-за боев с партизанами. Но и общая ситуация для Германии ухудшилась: «ось» развалилась, восстание Румынии под угрозой. Сталин все настойчивее требовал открытия «второго фронта на Западе». Советские войска за годы войны улучшили свое владение артиллерией и танками, материальная поддержка союзников, несомненно, помогала русским.

Этот год показал, что требования рейхсфюрера сформировывать новые соединения Ваффен СС не могли уже быть выполнены успешно. Три с половиной дивизии, имевшиеся в распоряжении в 1940 году, уже, после всех потерь, не могли покрыть потребность в опытных фюрерах и унтер-фюрерах.

ОТ КРЫМА ДО ПРИПЯТИ

На этом участке весы склонялись не в нашу пользу! Тон задавал противник. Его сила была, казалось, безграничной. Хотя наши дивизии были измотаны, Верховное командование все еще придерживалось старой тактики держать даже неудобные для нас линии фронта и не сдавать выдающиеся из общей линии части фронта. Участок фронта с «балконом» у Никополя, потом примерно на том же уровне до Днепра должен был привлекать противника, здесь он мог ударить своим мощным северным флангом группы армий «А» и «Юг» в сторону Черного моря и Карпат. Так и произошло.

1 января 1944 года русские стояли у Житомира. Их дальнейшее наступление отбросило к концу января слабую линию фронта 4-й танковой армии до верхнего течения Буга у Винницы и до Случи. Контрудар принес временное облегчение. Передовые части северного фланга русских в начале февраля продвинулись до Луцка.

Затем последовали атаки центра против 8-й армии и 1-й танковой армии. Самыми горячими точками были Кривой Рог и Кировоград и район западнее Канева (Днепр). В январе части 8-й армии были взяты в котел у Корсуни (западнее Черкасс). Попытки вырваться оказались безуспешными. Лишь в ночь с 16 на 17 февраля удалось прорвать окружение.

Плацдарм Никополь был потерян. Прорыв противника у Кривого Рога ставил под угрозу 6-ю армию.

В начале марта, сразу вслед за этими вводными боями, начался решающий удар на севере из района Шепетовки в южном направлении, на верхнее течение Прута, который устранил речные заграждения на Буге и Днестре. Наступление достигло Проскурова (Буг) и Тернополя. Контрудар восточнее Проскурова остановил противника. Тут же последовало наступление из центра фронта на средний Буг. Контрудар от Гайсина на Умань отбросил войска противника назад. Несмотря на это, к середине марта русские достигли Буга и Днестра, на севере — линии Броды — Дубно — Ковель.

Сформированная новая боевая группа под командованием отозванного для этого штаба 1-й танковой армии должна была остановить противника. Она была, как и Тернополь, окружена противником, и тем самым русские достигли Карпат. В это время в районе восточного фланга 6-й армии завязались тяжелые бои между Ингульцом и Ингулом после прорыва у Кривого Рога. Лишь 20 марта здесь перешли Буг и далее, отклонившись до Балты, также Днестр и Прут. Главное командование армии приказало теперь удерживать низовье Днестра и линию Кишинев — Яссы — Карпаты — Тернополь — Броды — Ковель.

Фельдмаршал фон Манштейн в апреле был сменен на посту командующего группой армий на фельдмаршала Моделя.

В этих боях участвовали дивизии СС «Тотенкопф», «Викинг», лейбштандарт СС «Адольф Гитлер», «Рейх» и позднее — штаб II корпуса СС с дивизиями «Гогенштауфен» и «Фрундсберг». Некоторые детали их участия неизвестны.

Дивизия «Тотенкопф» сражалась на Ингульце севернее Кривого Рога, примерно на границе 6-й и 1-й танко-

вых армий, потом, до середины марта, западнее, между Ингульцом и параллельной ему рекой Ингул. Потом наступление противника через средний Буг заставило отступить на запад к 8-й армии и привело к оборонительным боям в районе Балты за этой рекой, к переправе в начале апреля через Днестр у Дубоссаров и, наконец, до конца июня, к формированию новой линии фронта у Кишинева.

После дальнейшего отступления за Прут последовали оборонительные бои на востоке Румынии за Яссы — Роман на краю Карпат. Отсюда до 13 июля войска были транспортированы по железной дороге на север в район Белостока — Гродно.

ЧЕРКАССЫ

Севернее дивизии «Тотенкопф» с ноября 1943 года, южнее Днепра, в районе Черкасс, в составе 8-й армии сражался «Викинг». Эта выступающая наружу часть фронта в конце января была атакована, отрезана вследствие прорыва на юге и западе и с 28 января окружена. В этом котле сражались части примерно восьми дивизий армии, «Викинг» и легион «Валлония» под командованием Дегрелля. Последний летом 1943 года был назначен из армии в Ваффен СС.

8 февраля был отклонен ультиматум сдаться. Русские двинулись для решающего удара из района Шполы на юге и из района Белой Церкви на западе.

16 февраля в 23 часа, однако, немецкие войска прорвались из района Корсунь-Шевченковского, дивизия «Викинг» — у Шендеровки, и установили связь с наступавшими снаружи силами армии и Ваффен СС. Плохая погода помогла прорыву, который был завершен 18 февраля. Войска понесли большие материальные потери.

МОСКОВСКАЯ РАДИОСТАНЦИЯ 20 ФЕВРАЛЯ 1944 ГОДА

Группа немецких солдат и офицеров дивизии СС «Викинг», которая была взята в плен в котле Корсунь, засвидетельствовала, что котел был действительно ликвидирован армией Конева. Согласно приказу Гитлера окруженным, к ним на помощь должны были спешить девять танковых дивизий.

В радиограмме командира одной из танковых армий, генерал-лейтенанта Губе, уверялось: «Я выбью вас».

Однако ничего такого не последовало. За две недели дивизия, состоящая из 7000 человек, потеряла 4000. В ночь на 17 февраля всем была выдана большая порция водки и было разрешено съесть весь запас продовольствия. Затем началась последняя отчаянная попытка прорыва, которая была предпринята дивизией СС «Викинг», моторизованной бригадой СС «Валлония» и остатками пехотных дивизий 72 и 112 под командованием дивизионного командира СС Гилле. Через 300 метров русские танки, а за ними — казаки ворвались в плотные ряды немцев, и началась битва, доселе еще нигде и никогда не виданная в этой войне. Таким образом, вся немецкая колонна была уничтожена...

20 ФЕВРАЛЯ 1944 ГОДА, СТОКГОЛЬМ

Стокгольмская пресса в своих пятничных и воскресных номерах на первых полосах подчеркивает, что она больше верит советскому описанию событий в так называемом котле Канева, нежели немецким сообщениям о прорыве котла.

«Свенска моргенблат» напечатала короткий комментарий, в котором полностью отражен советский взгляд. То же самое сделала и социал-демократическая газета «Моргонтидинген» в субботу под заголовком «Канев — второй Сталинград».

ВЫХОД ИЗ ЧЕРКАССКОГО КОТЛА

Теснясь на небольшом участке, мы ждем приказа к разрыву Черкасского котла.

16 февраля 1944 года. Везде вокруг лежит снег, как бесконечный грязный саван... Около полудня мы узнаем, что все начнется в 23 часа сегодня ночью.

Настроение у нас подавленное. Каждый занят собственными мыслями. В соседнем помещении граммофон бесконечно тянет какой-то унылый русский мотив — для некоторых он станет последней музыкой... Эта почти жалостливая мелодия может свести с ума. Наконец кто-то вскакивает и выключает эту волынку. Иголка, скрипя, соскальзывает с сыгранной пластинки.

Все разговоры крутятся вокруг прорыва. Сможем ли? Паули, наш остряк, выдает натянутую шутку: «Давайте напишем завещание...»

Вечером вдруг слышится шум самолетов — но они не похожи на обычные «кофемолки» или «швейные машинки». Тут кто-то огорашивает: «Это же немецкие самолеты! Они сбрасывают нам снабжение!» И мы сразу чувствуем себя не такими брошенными и теперь знаем, что нас еще не полностью списали. Снаружи шумят низко летящие над нами машины, отбрасывая в ночи призрачный свет на покрытое снегом местечко. Постепенно возвращается тишина, и потом раздается долгожданный приказ: «По машинам!»

Ненадолго еще останавливаемся у огневой позиции 7-й батареи. Ночь зверски холодная. Час от часу мороз все сильнее. Мои кожаные горные сапоги скрипят при каждом движении. Без обморожений точно не обойдется. Впереди на мосту прорвался танк, так что дорога оказалась загороженной. Марш-бросок приостанавливается. Мы забираемся в одну большую конюшню и забиваемся в угол, чтобы поспать. Но и здесь настолько холодно, что никто не может заснуть. Снаружи то и дело грохочут выстрелы иванов.

17 февраля 1944 года

Около 2 часов снова раздается приказ «По машинам!» Мы медленно тащимся в своих машинах по направлению к главной дороге. Здесь уже царит безумный хаос. Несмотря на категорический приказ брать только самую необходимую и вездеходную технику, здесь толпятся деревянные повозки, автобусы, легковые автомобили, тягачи. Мы вынуждены чуть ли не силой втискиваться в их ряды. Передвигаемся по метру с постоянными перерывами. Дорога запружена, так что пешком идти получается гораздо быстрее, чем ехать. Поэтому мы разведываем ситуацию впереди колонны. Положение безнадежное. Все орут друг на друга, но это, естественно, не помогает в продвижении. Я возвращаюсь к своей машине и с трудом забираюсь на сиденье, забаррикадированное коробками и ящиками. Усталый и изнеможденный, я проваливаюсь в полусон и начинаю клевать носом. Мне даже не мешает рокот «швейных машинок» над нами, до тех пор пока я вдруг не вскакиваю от двух ужасных взрывов. Грязь и камни градом осыпают кабину и врезаются в боковые дверцы. Почти сразу снова раздается взрыв. Я тут же пробуждаюсь и выскакиваю из машины. Нам безумно повезло: снаряды упали прямо перед нами и сзади нас, попав в деревянную повозку. Лошади, облитые кровью, катаются по земле. Еще попало в легковушку и тягач. Санитары уже перетаскивают раненых в дом, перевязывают их там и перекладывают потом на один грузовик, поскольку оставить их нельзя. Мороз час от часу становится все сильнее.

До рассвета мы едва преодолели один километр. С первыми лучами солнца снова появляются два русских разведчика. Мы группой из нескольких человек пешком пробираемся мимо машин, до тех пор пока нашему взгляду не открывается полностью низина, через которую идет наша дорога. Перед нами лежит по сути дела сломанный мост, по которому одна за другой тащатся машины и повозки. Но переход всех затянется на слишком долгое время. За мостом, на полого поднимающемся склоне, две бесконечные колонны, сопровождаемые нескончаемым

«Встали! Марш! Марш!», под сильным вражеским артиллерийским огнем пытаются взять эту высоту. Если бы только пройти ее!

Чтобы избежать огня на мосту, мы сворачиваем с дороги налево и с трудом идем по глубокому снегу поперек, через поля, в сторону ручья, который до сих пор находится вне линии огня. Не успели мы на 200 метров отойти от ручья, линия огня доходит и дотуда. Бежим в гору, еще два километра. Я не знаю, сколько раз вжимались мы в снег, когда снова начинались стрельба, — за нами по дороге вьется длинная колонна наших товарищей. Наконец мы взбираемся на высоту и вздыхаем с облегчением.

Перед нами открывается вид на населенный пункт; судя по карте, это должны быть Шилки. Русское кольцо — примерно шириной в четыре километра, то есть сразу за Шилками мы должны встретиться с первыми немецкими отрядами... Подумать только!

Узкая тропинка сворачивает вправо в низину, в которой мы замечаем прочную дорогу. Следы ног показывают, что перед нами уже кто-то прошел. Чтобы избежать возможных нападений со стороны русских на главной дороге, мы сворачиваем направо. Но, не пройдя и 100 метров, мы начинаем волноваться: уже слишком спокойным и мирным кажется нам все вокруг. Становится как-то не по себе, и после короткой перебранки — некоторые хотят идти дальше по тропинке — мы по двое возвращаемся обратно на широкую дорогу. Оставшиеся пропали без вести, до сих пор их судьба неизвестна...

Наконец мы достигаем Шилок. Воздух здесь чертовски пахнет железом, причем совершенно непонятно, отчего. Раздается грохот то тут, то там, но русских нигде не видно. Последние немецкие танки и машины, которые смогли прорваться досюда, стали уже металлоломом. Спереди, за небольшой высотой, движение снова останавливается. Мы немного собираемся с силами. Тут пулеметная очередь, попавшая в корпус одной из лошадей, бросает нас на землю. Мы ползем в жалком укрытии, за небольшой возвышенностью, как можно быстрее вперед. Впереди что-то не то — все больше и больше солдат напи-

рают сзади, но никто не осмеливается выползти за высоту. Всех наполняет ужасное бескокойство.

Мы осторожно подтягиваемся к вершине... а там! Два «Т-34» стоят на дороге, загораживая нам путь — наш путь к свободе! Мы смотрим друг на друга как громом пораженные.

Наконец раненый оберштурмфюрер из танкистов «Викинга», изрыгая проклятья, берет инициативу на себя. Все собираются вокруг на него, и потом под его командованием мы перепрыгиваем через откос и все как один бежим с криками «ура!» на штурм танков.

Отчаяние толкает нас вперед. Танковые пушки с неистовством обрушились на наши ряды. Но попасться в руки руссих было страшнее смерти...

Во время бега вперед и, время от времени, обратно назад я вижу одного из двух командиров танка, стоящего в танковой башне и отдающего приказы. Однако никто из нас не решается стрелять в него, чтобы не обращать на себя внимания. Возможно, никто не хочет терять на это время — ведь каждый стремится дальше вперед, на свободу.

Теперь мы приблизились к танку уже на расстояние 100 метров, и все еще русские выпускают снаряд за снарядом в наши штурмовые колонны. Но тут мы вдруг не верим собственным глазам. Вдруг русский командир танка исчезает в своей башне, моторы взревают и, гремя, начинают вращатся гусеницы.

Танки смываются!

Раздаются крики «Ура!» — теперь уже ликующие, а не ожесточенные, как прежде, наш путь свободен! Очевидно, русские все-таки испугались нашей отчаянной атаки, хотя у нас не было никакого оружия, кроме пистолетов и карабинов.

Однако наша свобода продолжается недолго, снова загромыхал танковый мотор — третий «Т-34», который до сих пор стоял справа, скрытый туманом, катит прямо на нас. Все спешат вперед, чтобы уйти с линии огня... В 200 метрах сзади меня снаряд попадает в колонну и сметает все, что оказывается на его пути.

Мы пробираемся по прямо-таки бездонным сугробам, несемся мимо брошенного русского самолета-разведчика, мимо старых позиций и бессчетного количества убитых русских. Наша колонна теперь простирается, насколько хватает взгляда, — тонкая чепочка темных фигур без конца и края, посреди глухой леденящей снежной пустыни.

Появляются новые русские танки, теперь их уже шесть! Мы разбегаемся друг от друга, чтобы не стать для них привлекательной мишенью. В такой момент больше всего на свете каждый хочет провалиться под землю. Длинными скачками мы пытаемся попасть под прикрытие холма, но прежде, чем это удается, нам еще много раз приходится кидаться в снег. Снаряд попадает в группу справа от нас. Мы еще замечаем, как солдаты бросились на землю, и вот снаряд уже там, прямо посреди них! Бедные парни... Но потом, к нашему удивлению, после того как дым рассеялся, они вскакивают и бегут дальше.

Мы продвигаемся вперед. Время от времени некоторые берут передышку и пытаются утолить жажду снегом. Следуя нашему главному правилу «подальше от основной толпы», мы снова устремляемся в сторону, в ущелье. Оно очень узкое, так что здесь мы практически можем избежать неожиданных ударов. Теперь изнеможение сказывается и на нас. У меня начинает сводить судрогой ноги, и это мешает идти. Один армейский ефрейтор встал рядом со мной, как будто так и надо. «Господин фельдфебель, может, дальше вместе пойдем?» Почему бы и нет. Мимо меня пробегают один за другим мои товарищи. «Эй, Ганс, не сиди!» — «Потом не догонишь!» — «Эй, это наш? Нужно его взять, а то он так здесь и останется!» — «Да нет, оставьте, — машу я всем, — мы сейчас пойдем, только немного передохнем».

И потом снова трогаюсь в путь. Небольшая передышка пошла нам на пользу. В ущелье колонна, обычно идущая широко, уплотняется. Странным образом в этом хаосе встречаешь знакомых из других воинских частей и земляков, которых до этого не видел годами. Короткие приветствия там и тут — и вот уже они снова теряются в этой тол-

чее. Все подчинено неистовой спешке вперед. При каждом обстреле из неизвестной русской позиции наши ряды взрываются бурным «Ура!», тем самым мы словно хотим подбодрить себя. Но как раз это является в корне неверным, ведь таким образом мы точно показываем русским, где идем. Но как теперь отучить эту толпу кричать? Последствия не заставляют себя долго ждать. В просеке русские покрывают нас пулеметными и зенитным огнем так, что мы по нос оказываемся в снегу. И снова этот уже почти сумасшедший рев «Ура!».

С большим трудом удается мне вырваться из этого адского котла. Дальше — на гору, с горы, через поле, только на запад. Постепенно становится спокойнее, лишь время от времени трещат нам вслед пулеметные очереди. Вдруг далеко на горизонте появляются две темные фигуры... неужели это действительно немецкий форпост? Мы даже не смеем надеяться на это.

Мы неожиданно оказываемся перед ручьем шести-восьми метров в ширину. В пределах видимости — никакого моста. Множество воронок от гранат по обе стороны ручья, мертвые и раненые лошади, которых несет вода, обстрелянные повозки говорят о том, что каждую секунду воздух здесь снова может накалиться. Прыгнуть в воду и переплыть ручей? Но как мы потом высушим одежду, она же примерзнет к телу. Кто-то, не думая, прыгает в ручей. Но мы бежим вдоль берега, ожидая все-таки найти переправу. И когда мы уже теряем надежду и хотим прыгнуть в воду, мы наконец натыкаемся на мостик! И здесь тоже воронки, раненые лошади, обстрелянные повозки. Один за другим, балансируя, мы осторожно перебираемся на другой берег. Непосредственно у переправы одиноко стоит ковшик, приглашая выпить. Каждый бросается к нему, набирает воду из ручья, утоляет жажду и аккуратно ставит его на место для других товарищей. Я тоже пью из него; небольшая примесь крови в воде в этот момент меня не смущает. Только теперь не сникнуть! Ведь самое страшное у нас уже, очевидно, позади.

Обе темные фигурки на горизонте движутся взад-вперед. Это, должно быть, наши, потому что если бы это были русские, то их были бы сотни...

По дороге мой взгляд вдруг падает на раненого солдата, лежащего на обочине. «Давай, тебе нельзя здесь оставаться, ты должен идти с нами!» — говорю я. Его лицо залито кровью. Это роттенфюрер из танков «Викинга». «Я просто хочу немного передышать», — стонет он. Я, не раненный, уже так вымотан и изможден, а он и подавно. «Передышка» для него может окончиться вечным покоем, его нужно взять с собой, иначе он пропадет. Я окликаю следующего за мной: «Давай хватай, его нужно взять с собой!» Безмолвно он берет раненого с другой стороны. Мы передвигаемся, конечно, чрезвычайно медленно, но нашего раненого товарища нельзя бросить, чего бы нам это ни стоило. Время от времени он стонет: «Оставьте же меня, я больше не могу». Он не хочет, чтобы мы из-за него попали в беду. Но после долгих уговоров он вновь берет себя в руки. «Если бы у меня была лошадь!» — стонет он. И, как по велению неба, перед нами вдруг оказывается кавалерист. Я кричу ему: «Эй, ты ранен?» Никакого ответа, парень вообще не реагирует на мой вопрос. Я снова яростно кричу ему: «Эй, подойди, ты ранен?» Теперь наездник пришпорил лошадь и подъехал к нам. Когда я спрашиваю его в третий раз, он смотрит на меня большими глазами: «Никс понимаю!» Ага, русский, пособник, который теперь тоже пытается спастись. Я даю ему понять, что он должен слезть с клячи, чтобы на нее смог сесть наш раненый товарищ. Дружелюбный Иван с готовностью слезает с лошади и дальше идет пешком. Мы усаживаем нашего роттенфюрера на лошадь и берем ее за уздечку. Счастливый и благодарный роттерфюрер крепко держится за гриву. Все вместе мы приближаемся к двум фигуркам на высоте.

После нескольких километров мы натыкаемся на группу солдат, которые стоят вокруг тяжело раненного в бедро фельдфебеля и не знают, каким образом везти его. Тут наш раненый, который сам еле держится в седле, говорит: «Пустите, я слезу, тогда мы сможем положить его на

лошадь» — и уже с трудом соскальзывает из седла. Недалеко от высоты несколько солдат окликают нас: «Эй, Фриц, что это с тобой?» Это товарищи по роте нашего раненого. Один из них непонятно откуда достает полфляжки шнапса и — о чудо! — для каждого еще по маленькому кусочку шоколада! Это небольшое подкрепление пошло на пользу. Все вместе мы пробираемся дальше.

И вот мы и в самом деле достигаем нашего фронта!

Наше предположение было верным, обе «фигурки на горизонте» оказались форпостом лейбштандарта, который шел нам на помощь, но застрял из-за слякоти и мороза. Правда, из четырех километров, которые нам якобы нужно было преодолеть, вышло все двадцать пять — тридцать, о, какая теперь разница. Мы вздыхаем с облегчением. Даже если это и не конец тягостям, мы ушли от русских.

Перед нами в снегу и солнце лежит Лысянка. Беспрерывно приземляются здесь санитарные самолеты и увозят раненых. Все кажется таким хорошо знакомым...

Мы идем вдоль берега реки к населенному пункту. Мы останавливаемся у источника недалеко от деревни на небольшой привал. Как вкусна эта чистая вода! Теперь ротенфюрер уговаривает нас, что он сможет пройти этот последний участок сам, мы должны спокойно идти вперед, о нем, как о раненном, обязательно позаботятся.

Тогда мы направляемся через поле, а он подходит к одному из передовых перевязочных пунктов.

В Лысянке мы позволяем себе небольшой отдых. Когда мы входим в одну из убогих глиняных хижин, из нее как раз выходит группа людей. На столе валяется раскрошенный хлеб, на полу лужи воды. Чертовски холодно. Но какая, в конце концов, разница. Мы выискиваем крошки побольше, а я достаю из своей котомки банку рыбных консервов, которую мне прислала мать на Рождество и которую я вообще-то хотел отослать ей обратно, потому что она наверняка сэкономила ее на своем желудке. Но сейчас все-таки пришло время ее открыть. Рыба хотя и заморожена, но кажется нам такой вкусной, как никогда до этого.

Мы находимся в пути уже восемь часов. Но все еще не достигли цели. Из котла вышло 70 000 человек, как им разместиться в этом маленьком местечке? Здесь есть место лишь для раненых. Так что мы снова встаем и идем к следующей деревне: семь километров! Уже почти темно, когда мы наконец добираемся до нее. Все возможные места ночевки уже полностью забиты так, что и яблоку негде упасть. Что теперь? Идти дальше? Наконец на самой окраине деревни мы находим дырявый дощатый сарай; он тоже уже заполнен под завязку, внутри гуляет ветер, но все лучше, чем стоять на улице в снегу. Так что заходим!

Только сейчас мы замечаем, как мы измождены. Ноги отказываются ходить. Мы просто падаем на месте и, несмотря на сопротивление других, все глубже втискиваемся в толпу.

Расслабившись, мои ноги начинают болеть, пока от бессилия я не проваливаюсь в полусон, из которого меня то и дело пробуждает боль...

Х. Д.

КОВЕЛЬ

В середине февраля широкий клин русского наступления оттеснил немецкий фронт 4-й танковой армии южнее Припятских болот почти до Буга (приток Вислы), в то время как правый фланг группы армий «Юг» все еще удерживался намного восточнее в низовьях Днепра. Группа армий «Центр» тоже находилась примерно на уровне восточного края болотистого района.

Нужно было предотвратить дальнейший прорыв в сторону Люблина. Остатки «Викинга» после их прорыва из Черкасс должны были быть переформированы в районе восточнее Люблина — Красныстава — Хелма; солдат, особенно европейских добровольцев, нужно было отправить в отпуск. Для снабжения тяжелыми орудиями, техникой и резервом требовалось время. В рейхе

готовилось два подразделения для этого переформирования. Из оружия в общей сложности в распоряжении находилось только четыреста винтовок и автоматов.

12 марта же последовал приказ Верховного командования вермахта немедленно укрепить боевой группой примерно в 4000 человек войска в опорной точке Ковель. На этих позициях тогда находилось около 4000 человек (кавалерийский полк СС, ополченцы, части полиции с небольшой артиллерией и легкими зенитками). Командиром был генерал полиции фон дем Бах-Зелевски, командир отрядов по борьбе с бандами. Однако он не соответствовал поставленной перед ним задаче и при этом объявил, что заболел.

Этот приказ в свете состояния дивизии на тот момент времени был невыполним. Однако все возражения остались без внимания.

16 марта Гилле вылетел в котел и принял командование на себя. Боевая группа Рихтера (командир артиллерийского полка 5), составленная из всех родов войск дивизии, должна была последовать за ним из Хелма по железной дороге. Однако прорваться ей не удалось.

Положение в полностью окруженном городе оказалось критическим. Русские атаковали каждый день. Наша оборона была слабой, войска неопытными, без боеприпасов и противотанковых орудий. При этом особенно не хватало санитарных принадлежностей. Снабжение по воздуху стоило больших потерь. Поскольку Ковель находится на болотистой местности, не хватало спасительных подвальных помещений.

Подкрепления не было. Час от часу положение все ухудшалось. Лишь 30 марта группе из семи танков дивизии СС с 50 солдатами 131-й пехотной дивизии удалось прорваться с запада. Их радостно приветствовали, это было значительное подкрепление.

Между тем за пределами котла Рихтер, после первой неуданой попытки, собрал остатки дивизии в Хелме. Они были вооружены кое-как, особенно не хватало тяжелых орудий, аппаратов связи, машин и полевых кухонь. Оставалось только переправить их по железной дороге. Несколько частей обеспечивали прикрытие железнодорожного моста через Буг восточнее Хелма.

После того как прибыла 131-я пехотная дивизия, боевая группа Рихтера вошла в ее состав. Железная дорога, разрушенная во многих местах партизанами, была восстановлена.

Исходным пунктом будущих атак был вокзал Масеева. Шоссе было все в слякоти и заминировано, непригодно для автомобилей; застревали даже тягачи. Противник продвинулся дальше на запад, так что мы могли удерживать лишь проход от Буга на восток. Несмотря на свои постоянные атаки, противник день ото дня становился все сильнее. Прорыв все еще представлялся невозможным.

Наконец ударная группировка была подкреплена 5-й танковой дивизией (Н), а позже — и 4-й танковой дивизией (Н).

Совместными усилиями 131-й пехотной дивизии, 4-й и 5-й танковых дивизий и группы Рихтера в конце концов удалось освободить дорогу на Ковель и на железнодорожном узле западнее Ковеля протянуть руку помощи отважным защитникам.

Сначала были вывезены все раненые — почти 2000 человек. Генерал Хоссбах принял на себя командование. До конца месяца продолжались еще бои, имевшие целью увеличить узкий подход к Ковелю и осуществлять обеспечение в достаточном объеме.

Гилле за свое мужество и успешную оборону Ковеля получил бриллианты к Рыцарскому кресту. В Ваффен СС этой высокой награды были удостоены только Гилле и

Зепп Дитрих. Для «Викинга» Черкассы и Ковель стали особыми страницами славы. Теперь дивизия была отозвана в Люблин и позднее направлена на учебный плацдарм Гейделагер.

* * *

На северном фланге дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и «Рейх» были сначала задействованы в составе 4-й танковой армии в районе Житомира. Их поле боя до конца февраля находилось в районе русского прорыва по обеим сторонам Житомира, на левом фланге, между городом и Шепетовкой, потом при дальнейшем наступлении в марте — у Проскурова и Винницы в верховьях Буга.

Обе дивизии вошли в состав вновь сформированной 1-й танковой армии, которая позднее была окружена у Каменец-Подольского.

К сожалению, детальная информация об этих боях отсутствует. Части «Рейха», судя по всему, были еще раньше отозваны из района Шепетовка для переформирования перед вторжением.

Однако основной состав этой дивизии и лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» смог последовать через Бучач во Францию лишь после разрыва котла.

В конце 1943 года штаб II танкового корпуса СС был переброшен из Верхней Италии в Северную Францию (Алансон). Ему были подчинены, хотя и не на постоянной основе, сформированные в январе 1943 года дивизии «Гогенштауфен» (Биттрих) и «Фрундсберг» (Дебес, фон Тройенфельд (‡), позднее — Хармель). У всех была возможность ознакомиться с Атлантическим валом и подготовиться к сражению при высадке врага. Детали этой операции ниже.

В марте 1944 года этот корпус был на время отправлен в генерал-губернаторство, в Лемберг (Львов). Здесь

обострилось положение группы армий Моделя. Русские достигли юго-востока генерал-губернаторства. Южнее, в Румынии, ситуация тоже была критической. Танковый корпус СС получил задание освободить танковую армию Губе, окруженную в районе Каменец-Подольского, и заново организовать оборону с помощью подчиненных ему частей армии. Погода была неблагоприятной: слякотный период ранней весны в непроходимой местности и с вскоре полностью разъезженными дорогами, так что первое продвижение через Галич на Днестре не было осуществлено из-за сломанных мостов. Поэтому было приказано продвинуться дальше на север, а именно: 100-я егерская дивизия — через Подгайцы на Бучач, в то время как «Гогенштауфен» под командованием танкового корпуса Балка должна была деблокировать Тернополь. Последнее, к сожалению, не удалось, в то время как у Бучача, несмотря на все трудности ландшафта, удалось пробиться к танковой армии Губе, так что Модель, Губе и Хауссер в Бучаче смогли пожать друг другу руки. Видеть остатки армии, выходящие из окружения после боев во время русской зимы, — неприглядная картина для солдата. Чтобы обеспечить уход за ранеными и больными всех войск, от главного врача корпуса и интенданта потребовалась большая подготовительная работа.

В результате нескольких боев, в которых участвовали и остатки 16-й и 19-й армейских дивизий, вызволенные из окружения, было остановлено дальнейшее продвижение русских, уничтожены их части западнее Стрыпы и на этой реке выстроена новая линия обороны. После выполнения этого задания корпус вместе со своими обеми танковыми дивизиями и 8-й армейской дивизией стал в составе танковой армии Рауса (позднее — Харпе) резервом группы армий у Золочева, восточнее Лемберга. Была проведена подготовка к контрударам и атакам.

События на западе помешали их осуществлению: 6 июня здесь состоялось вторжение. Корпус со своими двумя дивизиями СС был послан туда лишь с 12 июня. Бои на Восточном фронте стали боевым крещением для этих двух дивизий, хорошей подготовкой для дальнейших операций.

С апреля по сентябрь 1944 года за южным фронтом, в Венгрии, в качестве оккупационных войск находилась кавалерийская дивизия, а также — временно — и 16-я дивизия СС «Рейхсфюрер СС». Из венгерских немцев была сформирована 22-я кавалерийская дивизия. Средний участок Восточного фронта, казалось, не находился в районе главного удара русских. Хотя здесь и создавалось достаточное количество опасных ситуаций, особенно на уязвимых флангах у Ковеля и Невеля, но они были преодолены. Бои за Ковель вела 2-я армия. Судя по всему, в этой группе армий больше не были задействованы части Ваффен СС. 1-я бригада была отведена для формирования 18-й дивизии СС.

Основные силы Ваффен СС были сосредоточены на севере: штаб III танкового корпуса СС под командованием Штайнера, VI корпус СС (Пфеффер-Вильденбрух) и 4-я дивизия полиции СС, «Нордланд», «Недерланд», две латвийские и эстонская дивизии.

В январе русские нанесли удар против фронта окружения Ленинграда из выступающего вперед участка фронта у Любани и с плацдарма Ораниенбаум. Через пять дней кольцо блокады было разорвано. Линия фронта была отнесена назад. Второй удар был нанесен во фланг 18-й армии из русского плацдарма на Волхове, севернее Новгорода. Весь фронт пришел в движение. Модель был поставлен на место фон К ю х л е р а.

За Лугой сделали передышку. Следующий удар из Ораниенбаума достиг Ямбурга в низовьях Луги.

В середине февраля армия находилась под угрозой окружения с двух сторон между озером Ильмень и Чуд-

ским озером. Необходимо было отступить дальше. В марте, после отражения удара восточнее Чудского озера, удалось сформировать новую линию фронта с севера на юг: Невель — Опочка — Великая — Чудское озеро — Нарва.

Группа армий смогла избежать опасности окружения. Ленинград был освобожден после двухлетней блокады. Это должно было сказаться на отношениях с Финляндией.

4-я дивизия полиции СС с конца года была задействована под Ленинградом у Ораниенбаума. В январе вместе с III танковым корпусом СС дивизия была отведена на Лугу, далее отозвана в середине февраля в Плескау[1] и с марта переброшена в Грецию.

III танковый корпус СС был задействован на Ораниенбаумском фронте в декабре 1943 года.

Численность корпуса была около 25 000 человек, из них 10 000 этнических немцев и добровольцев из стран Европы. К нему были прикомандированы 12 000 служащих люфтваффе и — позднее — 5000 военно-морских пехотинцев. Все эти силы нужно было сначала «спаять» друг с другом. Они полностью показали себя в опасных боях 1944—1945 годов.

Отступление и затяжной бой привели корпус в середине января через плацдарм на Луге к плацдарму на Нарве, против которого русские наносили все больше ударов, превратившиеся в крупную наступательную операцию.

15-я латвийская дивизия СС еще до конца года была задействована на Волховском фронте, позднее — на Луге и у Плескау. С мая по июль она сражалась южнее, в районе Невеля — Опочки.

19-я латвийская дивизия, сформированная на основе 2-й бригады СС, под командованием Шульдта со-

[1] Псков. — *Прим. ред.*

ставляла теперь вместе с 15-й дивизией СС VI корпус. Весной 1944 года 19-я дивизия достигла в эпицентре сражения на Великой у Острова решающего успеха в обороне. Командир дивизии Шульдт и первый латвийский кавалер Рыцарского креста, Вольдемар Вайсс, погибли на передовой. После этого командование дивизией взял на себя Штрейкенбах. После окончания боев корпус был задействован южнее, на более спокойном участке фронта у Опочки, для передышки.

ТРИ ДНЯ ИЗ ЖИЗНИ БАТАЛЬОНА «НАРВА»

Время пришло. Под покровом ночи наши эстонцы заняли свои позиции, последовали за другими частями дивизии, за теми, кто уже находятся в бою. Теперь и они стали частью той живой цепи из человеческих тел, которую вот уже несколько дней атакуют советские войска. Это было то сражение, которого с волнением ждали молодые эстонские добровольцы и в котором батальон «Нарва» получил свое боевое крещение. Вокруг него горела битва, словно кипящее море.

Наступает ночь. Утром батальон танково-гренадерской дивизии СС «Викинг» выступил для атаки и ударил по врагу. В огне странного фейрверка битва продолжается до глубокой темноты.

Иван кружит, как огромная летучая мышь, над позициями, вывешивает свои светящиеся бомбы с парашютами, словно огромные звезды в ночи, и сбрасывает свой бомбовый груз. Кажется, будто он лопатой скидывает их за борт — время от времени артиллерия заходится беспокоящим огнем, трещит пулемет. Эта ночь дышит напряженным ожиданием. На горизонте низко повисла желтая луна. Собирается гроза.

Постовой у командного пункта напевает маленькую эстонскую народную песню «Куи тоаксид са, куис мулле олед армес...» — «Знаешь ли ты, как сильно я тебя люблю?»

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

С первым робким проблеском света на востоке начинается дуэль батарей, клокочут гранатометы. Когда солнце встает в стороне Донца, на соседнем участке уже творится сущий ад.

Эстонцы ждут.

Около одиннадцати внезапно занимается артиллерийский огонь и в течение нескольких минут стучит по позициям батальона. Сквозь чад взрывов солдаты у противотанковой пушки и в пулеметных гнездах видят подкрадывающиеся танки — шесть, девять, десять...

Теперь главное — выдержать нервное напряжение и вспомнить все, чему учился.

Вот они подошли ближе. Тут и там один из танков останавливается и открывает огонь — и через несколько секунд он превращается в пылающую, разнесенную противотанковой пушкой развалину, раскаленный гроб своего экипажа. Вот уже четыре великана лежат перед проволочными заграждениями. Но шесть других прокатились по окопам гренадеров. Теперь должно стать ясным, что за дух живет в солдатах батальона, многие из которых сегодня впервые оказались под огнем. Устоит ли «Нарва»?

В окопах уже сидят наготове истребители танков. Словно охотники, подпускают они к себе хищника, впечатывают свои магнитные мины в уязвимые места. Острые огни пламени взмываются к небу.

Один из танков прорвался дальше всех и уже грохочет мимо командного пункта батальона. Командир сам подносит магнитный подрывной заряд, противотанковая пушка разделывается с чудовищем. Между тем советские батальоны несут большие потери у засеки от пулеметных залпов.

«Нарва» стоит!

Бой прекращается на какой-то час — небольшой срок, чтобы спасти раненых и пополнить боеприпасы.

В 13.15 накатывает новая волна, с ней — снова восемь или десять «Т-34». Два из них сразу сбивает противотанковая пушка, шесть прорываются. Снова начинается охо-

та на каждого, бой человека и танка. Молодые эстонцы больше не боятся этих гремящих стальных колоссов, прыгают под них, словно одержимые боем. Где еще один? Где что-то еще движется? Сюда подрывные заряды! За-ря-ды!

«Танковая атака продолжается, ситуация полностью под нашим контролем. Срочно нужны подрывные заряды», — сообщает «Нарва» в 14 часов в дивизию. Однако свежий советский ударный полк развернулся перед нашими позициями и прервал атаку.

«Нарва» стоит!

Уже тридцать минут спустя противник начинает снова наступать. Он снова бросает вперед двадцать танков и полк пехоты, превращает огонь своих многоствольных орудий в целую бурю. В этот раз эстонцы должны быть раздавлены, опрокинуты, смяты. Вот уже несколько тяжелых противотанковых пушек вышли из строя, боеприпасы кончаются. Солдаты потеряли счет времени и живут лишь этой изнуряющей смертельной битвой, которая требует от них полной отдачи. Люди сражаются с машинами, фронт сотрясается. «Сильная танковая атака продолжается. Вышло из строя еще одно противотанковое орудие. Нехватка боеприпасов в 5 и 7,5 см, подвоз через X невозможен из-за танкового обстрела. Уничтожено от десяти до четырнадцати танков», — сообщает «Нарва». Четырнадцать танков! Знаете ли вы, что это такое! Какое мужество, какая простая, чистая отвага скрывается за этими словами?

«Т-34» снова прорываются до командного пункта батальона. Все приготовились к отражению атаки — командир, адъютант, врач. И вот уже на балках горят остатки новых танков.

«Нарва» стоит!

Когда же кончится этот день?

Потом приходит ночь. Она приносит долгожданную прохладу, но не покой и не сон. Разведгруппы прощупывают врага, предотвращая внезапные удары. Теперь уже кажется, что молодой батальон всегда был частью дивизии.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Гневные радиограммы подгоняют советские атакующие части, требуют успехов. «Мы хотим отрубить когти немецкой бестии, настал решающий час! Раздавите их гусеницами своих танков, впечатайте в землю, уничтожьте их!»

С этим наступлением на Южном фронте в Москве связывают большие надежды. В советском радиоэфире «Бетон» требует от «Чапки» методического артиллерийского огня по сосредоточению танковых и пехотных сил противника на другом берегу, ибо прорыв должен быть осуществлен любой ценой, так хочет великий Сталин.

От предмостного укрепления вырываются новые пехотные войска, подкрепленные танками, их разбивают. Основной удар атак сегодня приходится на левый фланг немецкой дуги. Батальон лишь время от времени подвергается артиллерийскому огню, пулеметные очереди заставляют солдат вжиматься в свои окопы.

Появляются разведывательные бронеавтомобили, прощупывают фронт и снова уползают, как только в них начинают лететь противотанковые гранаты. Целый день над фронтом гудят штурмовики. Когда они показываются, уже никто не обращает на них особого внимания. Лишь когда сверху начинает сыпаться фосфор или слишком сильно надрываются бортовые пушки, зажмуриваешь глаза и коротко смотришь наверх. Но чаще грохот битвы перекрывает шум самолетных моторов.

С наступлением ночи шум танковых моторов становится громче, и солдаты снова хватаются за свои подрывные заряды. Но великаны разворачиваются. Целую ночь скользят светящиеся шары над берегами Донца у Изюма...

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Разведывательные группы зондируют нейтральную территорию и нащупывают врага. «Нарва» готова: они будут наступать завтра!

И они наступают. Словно железный град, сыпется огонь реактивных установок на батальон днем третьего дня, усиленный огнем тяжелых батарей и ревом штурмовиков.

А вот и танки! Кто-то начинает их считать: три — шесть — десять — двенадцать, — им что, нет конца? Сколько еще появится? Господи, сколько можно?.. 15 — 17 — 20 — и все больше и больше... 25 — 30 — 35 — и все еще не видно конца — без конца... 36 — 37 — 40...

Это целое наводнение, шторм, который должнен раздавить, смести, разорвать фронт, чтобы проложить путь пяти батальонам, готовым к атаке...

Советская сторона бросила на эту точку все свои силы, и командир «Нарвы» знает, что катастрофу может предотвратить лишь одно: сильный дух его солдат.

Начинают говорить бронебойные орудия, выбирая своих жертв из накатывающейся массы. Танковое сражение бушует, словно природная стихия...

Когда солнце взошло в зенит, на высотах и балках лежат, догорая, двадцать «четверок» и десять «Т-34». Но правый фланг разорван...

Пехота совершила прорыв и угрожает сильно потрепанному батальону с фланга. Две роты предпринимают контрудар.

Они бросаются вперед, один за другим, — они уже не похожи на людей из плоти и крови, на людей, которые боятся смерти.

И контрудар удается — удается после боя с пистолетами и ручными гранатами, после рукопашной.

Вот уже катят новые танки, расстреливают в упор пулеметные гнезда, подминают под себя окопы. Снова нужно ликвидировать прорыв линии фронта. Командир сам ведет контрудар, идет в атаку впереди своих солдат, находит свою смерть в эту минуту исполнения высокого долга...

От окопа к окопу, от группы к группе передается это известие: командир погиб. Одни говорят это шепотом, другие хрипло выкрикивают это из пересохших глоток: «Командир погиб».

Чувство ли мести заставляет остатки рот подняться и пойти за адъютантом в решающую атаку? Не спрашивайте об этом! Солдаты посмотрели бы на вас непонимающе и ничего бы не ответили. Все, кажется, и так ясно.

Когда приходит ночь, прежняя позиция, несмотря на продолжающиеся сильные атаки, снова почти в их руках.

«Я могу лишь преклониться перед подвигами этих дней» — было написано в воззвании командира армии, в котором говорится о боях недавно внедренных в армию частей — среди них и «Нарвы».

Сегодня кажется, что все это было бессмысленным — бессмысленным были и мужество, и презрение к смерти — и сама смерть, которая настигла многих на полях сражений. Но вера — это огонь, который не затушить никому, пока те, в ком он горит, сами не потеряют его, а свобода — это достояние, которое нужно защищать постоянно, как и тогда... Мы приветствуем вас, наши храбрые товарищи.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Следующие события заставляют нас бросить взгляд на Запад.

Здесь Атлантический вал должен был предотвратить вражескую высадку. Он состоял из нескольких хорошо укрепленных сооружений, батарей, из опорных позиций и огневых точек и был гораздо лучше укреплен на самой линии канала, нежели в районе западнее Орна. Здесь рассчитывали на естественные преграды крутого берега. Там не было ни одного низкого места, кроме как у крепости Шербур. Если бы с помощью флота и авиации были взяты передовые огневые точки, то захватчиков уже ничто не могло бы остановить.

Части СС не входили в гарнизон Атлантического вала. Сначала в распоряжении находились в качестве резерва лишь штаб I танкового корпуса СС с дивизиями

«Лейбштандарт Адольф Гитлер» (Бельгия), командование резерва вермахта — в том числе «Гитлерюгенд» (у Лизьё), резерв группы армий «В». По поводу применения оперативных резервов высказывались противоречивые точки зрения: главнокомандующий Западным фронтом Гудериан и командир танковой группы «Запад» барон Гейр фон Швеппенбург хотели придержать ее, чтобы потом полностью задействовать ее там, где будет необходимо. Верховное командование и фельдмаршал Роммель считали, что переброска сил после вторжения при вражеском превосходстве в воздухе будет невозможна. Поэтому резервы должны были находиться близко к основным войскам, чтобы их можно было задействовать в любое время. Таким образом, они становились тактическими. Эта последняя точка зрения одержала верх.

Описание самого вторжения выходило бы за рамки данного труда.

Наряду со штабом I танкового корпуса во Франции находились: вновь сформированная, недостаточно оснащенная 17-я танковая дивизия СС «Гетц фон Берлихинген» — южнее Луары и обновленная 2-я танковая дивизия СС «Рейх» в южной Франции.

Около 20 июня с Восточного фронта прибыл еще и II танковый корпус СС с танковыми дивизями «Гогеншталфен» и «Фрундсберг».

В этих боях решающую роль сыграли все эти дивизии: 1, 2, 9, 10, 12 и 17-я под командованием штабов I и II корпусов. По количеству они превосходили танковые дивизии армии.

На берегу канала справа находилась 15-я армия (фон З а л ь м у т), развернутая глубокими шеренгами, с сильным резервом, слева, на берегу Кальвадос, на полуострове Котантен и в Бретани — слабая 7-я армия (Долльман); за ними — танковая группа «Запад» с пятью

танковыми дивизиями; при этом на участке вторжения находилась лишь 21-я танковая дивизия армии и 12-я танковая дивизия «Гитлерюгенд».

Вторжение состоялось 6 июня в районе между Орном и полуостровом Котантен, а именно: на востоке вторглась 21-я британская группа армий Монтгомери (1-я канадская и 2-я британская армии), на западе — 12-я американская группа армий Брэдли (1-я и, позже, 3-я армия США). Десантно-высадочные средства могли обеспечить высадку около двадцати дивизий, при этом имелось 17 000 самолетов.

Сражения проходили под знаком неимоверного материального превосходства противника. Враг боролся с помощью дальнобойной морской артиллерии (больше всего — в районе Кана), военно-воздушных сил и с армией, превосходящей немецкую танками и артиллерией, против немецких защитников, у которых не было военно-воздушной поддержки (в начале вторжения — 90 истребителей, 70 бомбардировщиков) и флота.

Вражеское превосходство в воздухе заставило проводить все передвижения, особенно марш-броски моторизованных и танковых частей, в короткие ночные часы. Днем истребители-бомбардировщики преследовали даже отдельные автомобили. Разведчики беспрепятственно зависали в воздухе над артиллерией. Все это привело к значительным потерям и многочасовым задержкам. Транспорт снабжения застревал в дороге. Поезда могли следовать лишь ночью. Днем их нужно было разбирать по составам и прятать. Постоянно взрывались мосты. Между Парижем и Гавром больше не было возможностей перехода Сены. Последствием впервые применненных многочасовых «ковровых бомбардировок» было вторжение у Кана и прорыв западнее Сен-Ло. При таких бомбардировках прекращались практически все военные действия. Взрывались танки и орудия. Все

сообщения были нарушены. И все же, несмотря на это, воины в одиночку продолжались сражаться и удерживать врага. И он тоже почувствовал обоюдоострое лезвие «коврового броска», которое ударило и по вражеским рядам. Защитники, уступающие в численности, могли лишь более-менее прикрыть фронт и отвести сильные тактические резервы.

Слабость фронта и недостаток оперативных резервов заставили послать на линию фронта и танковые дивизии. Постоянно предпринимались попытки отвести их и привести в боевую готовность. Это означало бы отступление от врага и сужение линии фронта. Но как раз это было неприемлемо для Верховного командования: «Никакой подвижной обороны!» Девиз «Удерживать позиции!» был истиной в последней инстанции. Задача, трудно выполнимая для хотя и сильной, но ограниченной в боеприпасах и оснащенной трофейными орудиями артиллерии.

Рассчитывали на подкрепление с родины. Однако этому воспрепятствовало большое наступление 20 июня и крах на центральном участке Восточного фронта.

В начале апреля из Бельгии в район Дрё — Эврё от I танкового корпуса СС была переброшена 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд». Не будем описывать здесь подготовку дивизии к боевым действиям.

Войска вторжения 6 июня захватили плацдарм шириной примерно в 25 километров и длиной до 10 километров. Первый контрудар 21-й танковой дивизии почти достиг побережья, однако был приостановлен из-за атак вражеских парашютно-десантных войск.

12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» под командованием Витта, которую Лиддделль Харт назвал «ведущим элементом», 6 июня в 4.30 утра была готова к марш-броску. Согласно первому приказу группы армий, она вошла в состав LXXXI корпуса в Руане и была

послана в Лизьё. Некоторые части уже достигли этого района, когда дивизия была передана в распоряжение LXXXIV корпуса (Маркс) в Сен-Ло; участие в боевых действиях западнее Кана. Этот район был достигнут лишь 7 июня.

Штаб I танкового корпуса СС был освобожден для начала операции лишь 6 июня в 15 часов. 7 июня он принял на себя командование на участке Кана. Продвижение дивизии «Гитлерюгенд» осуществлялось отдельным образом; соседняя справа 21-я танковая дивизия осталась на своей прежней позиции. Вражеский удар по открытому правому флангу заставил прервать движение по направлению к побережью и отступить до района севернее Кана. Генерал Эйзенхауэр, несмотря на это, оценивает эти контрудары как успешные. «Они смогли прорваться почти до побережья, вбить клин между 3-й британской и 3-й канадской дивизиями и тем самым сначала предотвратить комбинированную атаку на Кан».

7 июня генерал фон Гейр принял на себя командование I танковым корпусом СС. 26 июня, перед продолжением наступления, вследствие воздушной атаки весь штаб вышел из строя.

На самом деле танковая руппа фон Гейра должна была вместе с I и II корпусами СС и XXXVII танковым корпусом глубоко ударить в тыл врага у Кана. Однако оказалось невозможным вывести предназначенные для этого части с линии фронта, поэтому в распоряжении для этой операции находился лишь II танковый корпус СС, который возглавлял Биттрих — после того как Хауссер вынужден был принять на себя командование 7-й армией вместо умершего генерала-полковника Дольманна.

Контрнаступление, спланированное штабом I танкового корпуса СС на 8 июня для трех дивизий, смогло быть начато лишь двумя дивизиями; сначала на левом

фланге 12-й дивизии были достигнуты успехи (Путо, Бреттвилль). В остальном удалось удержать собственные позиции под натиском врага.

Обе стороны готовились к продолжению наступления. Сначала преимущество было у британцев с канадцами; с 12 по 14 июня XXX британский корпус ударил западнее вызывавшего сильные столкновения Тилли в направлении Виллер-Бокажа; прорвавшаяся 7-я британская танковая дивизия была отброшена учебной танковой дивизией.

12 июня пал замечательный командир 12-й дивизии СС Витт; его преемником стал Курт Мейер (Панцер-Мейер). Оба внесли свой вклад в известность дивизии «Гитлерюгенд».

До 18 июня наша линия фронта проходила примерно по линии Орна севернее Кана, потом заворачивалась назад через дорогу Кан — Байё, южнее Тилли, на Комон.

Где-то 18 июня на Нормандский фронт прибыла дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» (ЛАГ).

Следующей фазой было наступление VIII британского корпуса начиная с 25 июня, которое было нацелено западнее Кана через Одонбах на Эврё. К 28 июня это привело к образованию клина с острием на высоте 112, южнее Одонбаха; здесь и на флангах он был оцеплен боевыми группами 21-й танковой дивизии, 12-й дивизии СС, учебной танковой дивизии и частями, забранными у 2-й дивизии СС (7-я армия). Положение было критическим. Это привело к ускоренному задействованию II танкового корпуса СС против западного фланга клина, 29 июня из Онай, по обе стороны большой дороги Виллер — Бокаж, справа — 10-я, слева — 9-я дивизии СС. Атака натыкалась на атаку; передовые части смогли продвинуться до района Барон на Одонбахе — Шё. Самой крайней была линия 112 — Гаврус — район восточ-

нее Отто. Атаки и контратаки продолжились до 1 июля, не приведя к какому-либо решающему результату.

29 июня после обсуждения в Оберзальцберге Рунштедт и Гейр лишились своих постов. Преемником первого стал фельдмаршал фон Клуге.

17 июля был сильно ранен Роммель. В связи с этим Клуге принял на себя командование и его группой армий.

Описанные выше вражеские атаки имели своей целью, по словам Эйзенхауэра и Монтгомери, «связывание» немецких танковых частей в районе у Кана, чтобы сделать возможным оперативный прорыв западнее этого района.

Битва на Одоне помешала спланированному нами наступлению; она связала наши танковые дивизии, но и британцы не смогли прорваться, линия фронта все еще проходила южнее Кана. Теперь ее нужно было атаковать фронтально. 4 июля, после перегруппировки, наступление продолжилось, с главными силами против аэродрома Карпике, на котором насмерть стояла 12-я дивизия СС. Поэтому вражеское командование решило захватить Кан с помощью «ковровых бомбардировок». Вечером 7-го числа на фронт было сброшено 2560 тонн бомб; на следующее утро началось наступление трех дивизий британского I корпуса. Вечером, после тяжелейших боев, они достигли северной окраины города, которая была абсолютно непроходима. Часть города по ту сторону Орна осталась в немецких руках. Прорыв потерпел неудачу.

Потребовались новые силы.

Наш фронт был подкреплен; танковые дивизии были сменены на вновь подошедшие пехотные и воздушно-пехотные дивизии, 12-я танковая дивизия СС и ЛАГ составили большой эшелон сзади; рядом слева, восточнее Орна, была задействована 9-я дивизия СС. Враже-

ский прорыв восточнее Орна мог сорвать с петель весь Нормандский фронт!

Попытка прорыва началась 18 июля, основной удар приходился точно на район восточнее Орна. Снова битве предшествовали «ковровые бомбардировки». Противник к 21 июля смог лишь создать плацдарм до линии Троарн — район западнее Вимона — южнее Буржебю — Мальто — Эврё, там он и остановился. Это сражение окончилось успехом немецкой обороны.

Параллельно с большим наступлением американцев западнее Сен-Ло II канадский корпус 26 июля попытался атаковать район восточнее Орна, чтобы отвлечь стоявшие сдесь танковые дивизии. Эти атаки были провалены, его попытки связать немецкие силы — лишь отчасти.

В связи с боями на этих фронтах английские источники (Вильмот, «Сражение за Европу») упоминают снова контратаки и жесткую оборону со стороны 12-й дивизии СС под командованием Мейера с 9 по 11 августа на дороге Кан — Фалез при попытке прорыва II канадского корпуса, а также 15 августа севернее Фалеза.

Эта неудача заставила врага перегруппироваться и перебросить основные силы на свой правый фланг у Комона.

Между тем с 25 по 27 июля американцам удалось решающее продвижение западнее Сен-Ло, что привело к прорыву Авранша.

С 30 июля по 4 августа англичане атаковали левый фланг 5-й танковой армии восточнее Вира, то есть стык 5-й и 7-й армий. В начале августа это наступление было задержано 21-й танковой дивизией, а также II корпусом СС с 9-й и 10-й дивизиями, которые были подведены из участка восточнее Орна. Между Пенконом и Виром развернулись тяжелые танковые бои. Контрудар из Мортена на Авранш будет описан в разделе о боях 7-й армии.

Генерал-полковник войск СС Пауль Хауссер

Юнкерская школа СС в г. Бад Тёльц

Курсанты школы СС на занятиях

Офицер СС инструктирует группу юнкеров

Первоначально на вооружении войск СС состояло устаревшее оружие, как, например, этот пулемет времен Первой мировой войны

Новобранцы, зачисленные в ряды Ваффен-СС уже в 1938 г., все еще носили стандартную форму вермахта. Единственное, что их отличало,— SS-руны на воротниках

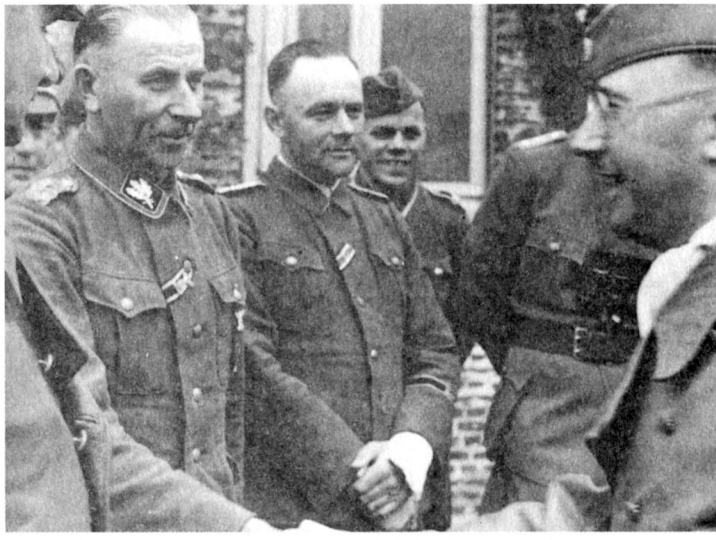
Радисты войск СС испытывают новое оборудование
незадолго до начала войны

Польша, 1939 г. В некоторых случаях «молниеносная война» (блицкриг) осуществлялась при помощи конной тяги

Пограничный пост на новой советско-германской границе (после оккупации Польши)

Офицеры войск СС обсуждают планы относительно западной кампании. Май 1940 г.

Сержанты-эсэсовцы отдыхают после боя под Дюнкерком. Солнце и бутылка вина – все, что им теперь нужно



Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер (*справа*) поздравляет П. Хауссера и В. Остендорфа с успешно проведенной военной кампанией во Франции

Слева направо: Г. Гиммлер, П. Хауссер и К. Вольф

Пауль Хауссер награждает бойца дивизии «Фюрер» Рыцарским Крестом Железного Креста за безупречную службу. Сентябрь 1940 г.

Наступление на Белград не стало легким путем к победе. Одной из причин были совершенно непроходимые дороги

14 октября 1941 г. Пауль Хауссер потерял в бою глаз. На правом глазу видна черная повязка

Завтрак Зеппа Дитриха

Группенфюрер СС Артур Флекс, командующий дивизией СС «Принц Евгений»

22 июня 1941 г.: немецкие солдаты пересекают границу и вступают на территорию СССР. Для советских пограничников их появление было настоящим «сюрпризом»

Солдаты СС продвигаются через горящую русскую деревню. Сталинская политика «выжженной земли» лишала их пищи и ночлега

«Холодно, однако»... Немецкие солдаты не были готовы
к внезапному понижению температуры
в конце осени 1941 г.

Первый снег...

Солдаты войск СС в предместье Москвы. От сильных морозов их немного спасает вырытый в земле бункер

Зимнее обмундирование солдат СС и вермахта при наступлении на Москву нередко состояло из того, что удавалось прихватить в русских избах

Батальон разведки пытается переправиться через реку

Ваффен-СС в горах Кавказа

Кавалерийские части войск СС

Редкий кадр. Обычно фюрер не питал симпатии к лошадям

Из 5-й танковой армии в нем принимали участие 1-я дивизия СС, позже — также и 10-я дивизия СС.

Таким образом, из 5-й танковой армии здесь не были задействованы лишь оба штаба корпуса, 9-я и 12-я дивизии, а также остатки 1-й дивизии СС. Они задерживали канадское наступление 7 августа на Фалез по оба берега Орна, основная часть 12-й дивизии — в районе Тюри — Аркура. О подробностях боев в районе Фалез — Аржантан, о формировании танковой группы Эбербаха и отводе II танкового корпуса см. описание боев 7-й армии.

После формирования танковой группы Эбербаха Зепп Дитрих принял на себя командование 5-й танковой армией; I корпус СС до осени находился под командованием Кепплера.

При прорыве окружения 20 августа были задействованы:

из 5-й танковой армии — 12-я дивизия;

из 7-й армии — 17-я дивизия;

из танковой группы Эбербаха — 1-я и 10-я дивизии;

снаружи для контрудара — штаб II корпуса со 2-й и 9-й дивизиями.

15 июля Роммель доложил, что потери немецких войск в Нормандии начиная с 6 июня составили 97 000 человек, из них 28 генералов и 354 командира, а также 225 танков.

Следует добавить, что Э й з е н х а у э р особенно отмечает боевую мораль войск СС; хотя это объяснялось и не, как он думает, «фанатизмом», а духом корпуса и их верностью долгу. У Монтгомери постоянно сквозит признание силы частей СС. Он упоминает их чаще, чем других. Из на сегодняшний момент опубликованных немецких изданий к ним присоединяется и доктор Шпейдель.

7-я армия состояла из западных частей, сперва без войск СС. Хотя сначала направление главного удара вторжения находилось восточнее, в районе Кана, постепенно оно передвинулось к участку 7-й армии, которая потом вынуждена была держать основной удар американского наступления 1-й и 3-й армиями.

Первым соединением СС, прибывшим сюда, была сформированная в начале года 17-я танково-гренадерская дивизия СС «Гетц фон Берлинхинген». Ее оснащение, особенно техникой, было еще недостаточным. Душой дивизии был ее командир Остендорфф. Его ранение, которое произошло очень скоро, сильно ударило по дивизии. Его преемником стал Баум. 6 июня последовал марш-бросок из района южнее Луара, первое приведение в боевую готовность — в районе Байё, для боевых действий против вражеского плацдарма глубиной около восьми километров. Однако обстановка на полуострове Котантен заставила днем перебросить дивизию в Сен-Ло, при этом она понесла сильные потери из-за вражеской военной авиации. Теперь, с 13 по 16 июня, дивизия была задействована для отвоевания Карантана в составе II парашютного корпуса. Эта слишком скорая атака, не поддержанная артиллерией, потерпела неудачу. Однако дивизии удалось удержать свои исходные позиции южнее Карантана.

2-я танковая дивизия СС «Рейх» под командованием Ламмердинга еще с Пасхи была сосредоточена у Бордо для обновления. В качестве подкрепления она получила в основном жителей Эльзаза, то есть граждан Франции, которые, однако, принадлежали к примерно двенадцати европейским национальностям. Прежде всего, не хватало техники.

Дивизия была переброшена в район Тулуза — Монтобан. После вторжения она продвинулась через Тюль — Лимож по территориям Франции.

Уже во время военной подготовки и обучения были случаи террористических актов и нападений на отдельных военнослужащих. Однако, благодаря мирному и корректному поведению населения, сохранялся порядок и спокойствие. И лишь во время марш-броска на север количество нападений увеличилось: обстрелы из засады, баррикады на улицах, блокирование продвижения поездов.

В остальном в Нормандии не было заметно деятельности маки и добровольческих французских сил. Нападения последовали лишь позже, в Бретани и при отступлении. Велся интенсивный шпионаж, наблюдение за штабами командования, следствием чего было предательство и вражеские бомбардировки. Необходимо было принимать особые меры, чтобы скрыть от населения местонахождение штабов.

Начиная с 12 июня в Нормандию (Вилльдье), к месту расположения армии, прибыли первые части дивизии. Остальные подтянулись значительно позже вследствие нехватки транспорта.

Критическая обстановка у Кана, на участке соседних частей справа, заставила группу армий задействовать части дивизии на дороге Виллер — Кан у Нойера в составе I танкового корпуса СС. Эти части смогли снова войти в состав дивизии лишь спустя некоторое время.

В момент вступления Хауссера на должность командующего 7-й армией, 29 июня, границы 7-й армии проходили напротив танковой группы «Запад» (позже — 5-й танковой армии), западнее Комона. Передний край обороны проходил севернее Сен-Ло, на канале Вир, южнее Карантана, далее на полуострове Котантен, сильно выдаваясь южнее Сен-Совёра до канала. Шербур пал, тем самым освободив вражеские войска из этого района.

В этом районе 17-я дивизия СС, подкрепленная отличным парашютным полком 6 и полковой боевой группой из Бретани, под командованием штаба LXXXIV корпуса фон Х о л т и ц а, закрывала участок фронта в 37 километрах западнее Вира на Вирском канале до района юго-западнее Карантана, где в руках американцев находился плацдарм.

Атаки, замысленные, по большому счету, как отвлекающие маневры, начались в начале июля на северо-западном фронте штаба корпуса. Вскоре, однако, они распространились и на участок фронта 17-й дивизии до Вира. 7, 9, 11 и 13 июля здесь прошли большие бои, основные действия которых развернулись западнее Вира, в центре и у Карантана. Невозможным оказалось избежать глубоких прорывов, несмотря на задействование учебной танковой дивизии на правом фланге; наша атака здесь напоролась на сильные позиции врага.

Штаб корпуса не мог задействовать 2-ю дивизию СС единообразно. Ее боевые группы сначала были использованы на северо-западном фронте (Мобек, лес Мон-Кастр), потом у учебной танковой дивизии, основной состав — на шоссе Перье — Карантан, на участке 17-й дивизии. Некоторые части дивизии все еще не прибыли с юга Франции.

В середине июля передний край обороны проходил в целом севернее дороги Сен-Ло — Перье — Лессе.

18 июля на правом фланге — на участке II парашютного корпуса — пал наконец Сен-Ло.

Последующие бои на армейском фронте, особенно на участке 2-й и 17-й дивизий, привели к осознанию непосредственной близости мощного наступления с прорывом на юг. Этот решающий прорыв состоялся во время сражения западнее Вира с 25 по 27 июля. Авранш сам по себе не был прорывом, этот успех был следствием боев с 25 по 27 июля. В этих боях были полностью за-

действованы 2-я и 17-я дивизии под командованием Баума. С помощью продвижения американцев к побережью после прорыва западнее Вира западная часть 7-й армии была окружена уже 28 июля. Выход из окружения состоялся 29-го за танковым клином 2-й и 17-й дивизий из района Кутанса по направлению к Перси, где было установлено сообщение с XXXVII танковым корпусом (барон фон Функ), подведенным сюда от 5-й армии, после чего удалось сначала удерживать этот участок. При выходе из окружения обе дивизии СС столкнулись с сильными войсками противника. Для заграждения территории до побережья — примерно 20 километров — было недостаточно оставшихся сил LXXXIV корпуса, поэтому 30 июля Авранш попал в руки американцев. Через эту брешь теперь 3-я армия США под командованием Паттона смогла продвинуться со своими танками в Бретань и ударить в тыл 7-й армии в направлении Ле-Мана.

7-я армия с восьмью западными дивизиями и четырьмя полноценными (танковыми, танково-гренадерскими и парашютными дивизиями), в том числе и со 2-й и 17-й дивизиями, сражалась 56 дней против всех американских сил, имевшихся при вторжении (18-я или 19-я дивизия, из них 4 танковые дивизии), без поддержки со стороны люфтваффе. Особые потери понесла при этом 17-я дивизия. Ее боеспособность была сильно снижена.

Здесь не место рассуждать о том, не требовала ли оперативная обстановка дальнейшего отвода войк за Сену. До настоящего времени в боевых действиях были задействованы лишь 7-я армия, 5-я танковая армия и внешний левый фланг 15-й армии. Основная часть последней, самой сильной армии до сих пор была не тронута. Лишь теперь ее части были переброшены к 7-й армии, марш-броском, после переправы через Сену.

Фланг 7-й армии находился под сильной угрозой. Попытаться прикрыть его можно было лишь с помощью мобильных частей. Для этого были выведены отдельно танковые дивизии и сосредоточены на левом фланге. На основе этого был разработан план наступления на Авранш, целью которого был удар в тыл 3-й армии США и перекрытие ее снабжения. Собственных сил для этого не хватало. Войска подкрепления, которые предназначались для этого командованием группой армий — 1-я, 9-я и 10-я танковые дивизии, — были завязаны в событиях на участке 5-й армии, так что к 7-й армии прибыли лишь значительные части 1-й дивизии СС.

Таким образом, в распоряжении находились лишь четыре танковые дивизии, две армейские (2-я и 116-я), 1-я и 2-я дивизии СС, располагающие в общей сложности 120 танками. Исходной точкой был район восточнее Мортена. Это обусловило удерживание как можно более западных позиций 7-й армией. Нельзя было терять время, поскольку с каждым часом опасность для собственного фланга и тыла все возрастала. Поэтому наступление началось в ночь на 7 августа. Отвод 1-й дивизии СС из боев на участке 5-й армии задерживался. Она прибыла с опозданием, так что в бой на Ювинь ее бросили лишь днем. Еще одна задержка была вызвана тем, что на передовые танки упал в ущелье вражеский самолет.

2-я дивизия СС должна была взять Мортен, и это ей удалось. Атака танковых дивизий в составе танкового корпуса фон Функа провалилась, несмотря на успехи местного значения, особенно на участке 2-й армейской танковой дивизии, из-за сильнейших вражеских бомбардировок отрядами истребителей-бомбардировщиков, использовавших в том числе и управляемые бомбы. Собственные истребители, на которые можно было рассчитывать, были уже захвачены противником над портами.

Группа армий приказала продолжить наступление лишь после прибытия дальнейшего подкрепления. Поэтому дивизии ушли в оборону. Начались сильные контратаки противника. Положение на южном фланге у 2-й дивизии СС было критическим.

В качестве первого пополнения 8 августа прибыла 10-я дивизия СС от 5-й танковой армии, которая приняла на себя оборону левого фланга восточнее участка 2-й дивизии СС — обе находились под командованием LVIII танкового корпуса Крюгера, где она тут же была введена в тяжелые бои.

Верховное командование приказало повторить атаку на Авранш после прибытия следующего подкрепления, сформировав группу под командованием генерала Эбербаха и невзирая на собственный фланг. В это время в районе Ле-Мана появились уже танки Паттона.

Становилось все яснее, что проведение второго наступления на Авранш было невозможно. Вместо этого нужно было как можно скорее формировать новую линию обороны под командованием Эбербаха с танковыми дивизиями в районе севернее Алансона, бывшей базы снабжения. Сначала в район Карруж — Рен были приведены две танковые дивизии.

Лишь в этот день верховное командование разрешило отменить наступление на Авранш, однако намеревалось позже снова прибегнуть к нему.

2-я дивизия СС вскоре присоединилась к танковой группе Эбербаха. Лишь 10-я дивизия СС продолжала дальше сражаться на левом фланге 7-й армии, которая, сдерживая противника, отступала на восток. Отвод войск большими марш-бросками был отклонен. Танковая группа Эбербаха также сражалась в южном направлении против превосходящего ее по численности врага. Снова потребовалось задействовать отведенную в сторону 10-ю дивизию СС, чтобы не потерять сообщения с

Эбербахом, до тех пор пока между войсками не образовалась брешь.

Натиск на линии фронта стал слабее, но на флангах положение с каждым днем становилось все критичнее. На участке 5-й танковой армии произошел глубокий прорыв у Конда. Несмотря на это, там была выведена из боя 9-я дивизия СС. На участке Эбербаха вражеский натиск был особенно сильным у Аржантана и западнее его. Ход событий, приведший к котлу Аржантан — Фалез, уже невозможно было изменить.

Армия отступила за Орн, 10-я дивизия СС перешла в состав группы Эбербаха.

В эти дни фельдмаршал фон Клуге был заменен Моделем.

Восточнее Орн заканчивалась заросшая местность. Ландшафт там был открытым. Ужасающе увеличились потери из-за вражеских бомбардировок.

Вражеские удары в тыл 7-й армии достигли на севере Трюна, на юге — Шамбуа. Вошедший в состав группы Эбербаха II танковый корпус СС со 2-й и 9-й дивизиями был командованием группы армий переброшен назад, в район Вимутье.

Котел замкнулся. Внутри него находились: части 5-й танковой армии, в их числе и 12-я дивизия СС, 7-я армия и танковая группа Эбербаха. Все эти части находились под командованием 7-й армии.

Вражеский артиллерийский натиск усиливался со всех сторон. Все передвижения были скованы; множество техники, особенно радиостанций, было выведено из строя, дороги заблокированы, автомобильный транспорт горел, боеприпасы взрывались. Приказы можно было передавать лишь устно. То, что штаб армии остался внутри котла, оправдало себя. Армия дала приказ начать в ночь на 20 августа выход из окружения, ко-

торое должно было быть облегчено снаружи ударом II корпуса СС. Детали этой операции были неизвестны.

Направление удара: танковая группа Эбербаха с частями 1, 10, 12-й дивизий СС через Шамбуа на Ле-Са.

Относительно большому числу людей удалось выйти из окружения. Войка понесли значительные материальные убытки. Командование 7-й армии не могло продолжать работу; командующий и значительная часть командного штаба были ранены. Сначала командование на себя взял генерал Эбербах.

Здесь нужно упомянуть, что 15 августа была совершена высадка в Южной Франции.

ОТСТУПЛЕНИЕ К ЗАПАДНОМУ ВАЛУ

Необходимое решение об отводе фронта на Сену так и не было принято. Теперь было уже слишком поздно. Чудом кажется то, что удалось преодолеть этот участок, совершенно лишенный мостов, под Руаном и у Эльбёфа при вражеском превосходстве в воздухе и в сложных ландшафтных условиях (чередование приливов и отливов).

Следующие дни отступления были полны драматических событий. То и дело завязывались бои с целью отражения танковых ударов с флангов, переходившие в оборону населения, которое тоже участвовало в боях. Вот пример: части штаба одной дивизии под командованием первого офицера штаба были оторваны от войск. Они шли три ночи, часто в составе вражеских групп, кое-как замаскированные, пока наконец не присоединились к своим.

В конце августа противник стоял на Сене. Последовало дальнейшее отступление до Соммы, 15-я армия

севернее Амьена, 7-я армия южнее, в то время как 5-я армия прикрывала отход.

В конце августа Верховное командование вермахта приказало отойти, пробившись к линии Шельда — Антверпен — Хасселт — Маастрихт — западные окраины Аргон. Два корпуса СС отошли за линию Сен-Кантен — Ла-Фер, Лаон, потом за Монс — Ирсон на Хасселт — Маастрихт.

25 августа был потерян Париж.

В начале сентября противник перешел Сомму у Амьена. В то время как 3-я армия США продвинулась в направлении на Мец, 1-я армия и англичане перешли линию Седан — Дюнкерк в северо-восточном направлении. 4 сентября неожиданно был взят Антверпен, 15-я армия была тем самым отколота от остальных. Она переправилась на остров Валхерен — Беверланд, на котором в 1940 году сражалась 2-я дивизия СС. Части 5-й танковой армии и 7-й армии 5 сентября достигли Мааса севернее Люттиха и, западнее, канала у Хасселта. Здесь снова началась оборонительные бои. В составе войск находилось еще около ста танков.

Снова нужно было удерживать Шельду и Западный вал.

Боеспособные части II танкового корпуса СС были сосредоточены в 10-й дивизии СС. Она заняла участок у Неймегена. 9-я дивизия СС была подведена сюда для обновления, некоторые части ее оставались задействованными в боях.

В этих арьергардных боях участвовали отдельные танковые и танково-гренадерские бригады СС (49-я, 51-я), сформированные из резервных соединений. Она сражались в составе 1-й армии, остальные вступили в дивизию «Гетц фон Берлихинген». По всей видимости, с конца 1944 года на Западном фронте был задействован и штаб XII корпуса СС (Кляйнхейстеркамп, временно —

генерал Блументритт). В крепости Голландия южнее Хертогенбоса успешно сражался полк «Ландштурм Холланд». Из него потом была сформирована 34-я дивизия.

На юге при отступлении 19-й армии из Южной Франции, у Бельфора, по всей видимости, была задействована сформированная из белорусов 30-я дивизия. Позднее она слилась с 1-й дивизией армии Власова.

Противник сделал мощную попытку преодолеть загородительные линии на Маасе и Рейне с помощью массированной воздушной операции (почти 35 000 человек с 500 орудиями) и тем самым развернуть наступление на Западный вал с севера. Поэтому 17 сентября их парашютисты и соединения воздушных пехотинцев высадились в районе Эйндховена — Неймегена и у Арнема.

Севернее этого района находился штаб II корпуса СС с остатками 9-й и 10-й дивизий. В жесточайших боях этим частям под командованием II танкового корпуса СС, при поддержке местных соединений, резервных групп армии и СС (Демельхубер) удалось, выступив из Арнема, вырвать северный берег Рейна из рук противника и удержать Неймеген. Это был последний большой успех 1944 года!

ПАРАШЮТЫ НАД АРНЕМОМ
(по материалам В. Харцера)

17 сентября 1944 года: солнечное воскресенье! Около 11.30 в районе Арнема началась высадка воздушного десанта. Около 12 часов по тревоге были подняты остатки дивизии «Гогенштауфен». Основной состав дивизии был уже переправлен в рейх. В Голландии оставалось лишь 3500 человек. После полудня ударяет зенитная артиллерия, минуя десантников, через мост Арнема до моста через Ваал у Неймегена, и тем самым предотвращает соединение 82-й дивизии США с 1-й британской воздушно-десантной дивизией. Гарнизонные войска Арнема —

примерно два пехотных батальона — продвигаются навстречу врагу, чтобы атаковать английские передовые части на северном въезде на мост и на западной окраине города.

В районе Остербеека до вечера высадилась примерно одна бригада. У арнемского моста силы противника составляют примерно один-два батальона, хотя и лучших элитных войск. Штаб 9-й дивизии СС назначен руководить обороной. Для атаки на Остербеек задействованы все находящиеся в распоряжении части. К вечеру, продвигаясь на запад, они достигают линии по обе стороны вокзала Арнема. Мы успели вовремя взорвать железнодорожный мост через Нижний Рейн — южнее Остербеека. Автодорожный мост — восточнее — сохранился, но уже не в наших руках. Лишь зенитная артиллерия смогла около пяти часов вечера прорвать британскую оборону с помощью около пятидесяти бронетранспортеров. Обороной западнее Остербеека руководит командующий войсками Голландии. Там находятся гарнизонные войска из района Эде под командованием генерала фон Теттау.

18 сентября: атакой с трех сторон продолжено стеснение врага у моста. Здесь враг очень хорошо укрылся в домах и ведет упорную оборону. Сюда подтягиваются части 10-й дивизии СС, в то время как основной ее состав сражается южнее Нижнего Рейна, в самом Неймегене и севернее его. Сообщение с этими частями и их снабжение осуществляются лишь с помощью парома юго-восточнее Арнема. Северо-западнее него, в районе Остербеек-Вольфхеецельна, с трех сторон концентрически атакуется основная масса высадившихся сил противника: с запада — группой фон Теттау, с севера и востока — частями 9-й дивизии СС со сводными частями других подразделений. Удается заградить дорогу между автодорожным мостом и районом высадки противника в Остербееке. Погода не располагает к высадке десанта. Несмотря на это, около 18.00 грузовые планеры высаживают еще примерно полк с тяжелыми орудиями. Хотя уже установленная в это время зенитка значительно мешает высадке, войска с вооружением все-таки достигают своей цели.

Прибывает первое подкрепление из рейха: пехотный батальон, минометное отделение СС и артиллерийский полк 171. Однако эти войска снаряжены лишь подсобными средствами, без тягловой силы, так что их приходится транспортировать на позиции по батареям с помощью колонн грузовиков. Перед мостом тяжелая танковая артиллерия подходит на ближайшее расстояние к позициям врага и в упор обстреливает дома, где находится противник. Уличные бои тяжелы и приводят к сильным потерям для обеих сторон. Сообщение с группой фон Теттау очень слабое.

19 сентября: из Рурского района прибывает зенитная бригада, пять зенитных отделений с орудиями всех калибров — от 2 см до 10,5 см, все моторизованы лишь подсобными средствами. Они занимают такие позиции, что могут при необходимости вступить и в наземный бой. Верховное командование вермахта освобождает для этого и 1-ю дивизию истребителей. Она располагает тремя эскадрами самых современных истребителей образца «Ме-109» и «FW-190», всего триста истребителей. Ее средства связи позволяют радиосоединение со всеми находящимися в воздухе машинами. Из арсеналов родины специальными самолетами были доставлены огнеметы для уличных боев.

В трофейных документах были найдены толкования британских воздушных знаков. Они были использованы, благодаря чему успешно было провезено различное снабжение. Была прервана поставка электричества и воды в городской район Остербеека.

Идет ожесточенная схватка за каждую пядь земли; но англичане упорно стоят на своих позициях, в которые уже вбито несколько наших передовых клиньев. Прежде чем смести врага с юга, нужно устранить предмостное укрепление. В сражении у моста обе стороны несут огромные потери. Приходится штурмовать или взрывать каждый отдельный дом. На верхних этажах домов встроены размонтированные противотанковые орудия. Их трудно различить.

20 сентября: из Германии прибывает тяжелое танковое отделение СС 503. Оно было только что обновлено и состоит из 45 «королевских тигров». В боях за дома их можно применять лишь частично, однако они значительно разгружают пехоту. На автодорожном мосту ударные части поджигают все еще удерживаемые противником дома; несмотря на это вражеское сопротивление продолжается, теперь уже в руинах. Подкрепление артиллерией или танками 10-й дивизии СС, сражающейся у Неймегена против 82-й дивизии США, все еще невозможно, поскольку недостаточно средств для переправы.

Подкрепления из Голландии, в большинстве своем воздушно-пехотные соединения с недостаточным вооружением, с пожилым основным составом, без достаточной пехотной подготовки, не подходят для этого сражения. Основная тяжесть этих боев ложится на плечи находящихся в меньшинстве танковых войск и пехоты.

Вражеские воздушные войска постоянно проводят атаки, потери есть и среди мирного населения. Поэтому по приказу голландских властей население эвакуируется из города в четыре этапа; остается лишь полиция, пожарные части, противовоздушная оборона и санитарный персонал.

21 сентября: бои, проходившие до этого, нужно оценивать как отдельные схватки боевых групп. Наконец, группа Теттау переходит под командование II танкового корпуса СС.

Монтгомери планировал, что его передовые танковые отряды наладят сообщение с 1-й британской воздушно-десантной дивизией в течение пяти дней.

Мы переходим к контрудару. Берем врага в клещи с трех сторон при сильном артиллерийском обстреле и танковой поддержке. На юге путь закрывает широкий Нижний Рейн. В кровопролитных лесных и уличных боях выбрасываем англичан с их позиций.

Около 16.30 вражеский воздушный флот снова поддержал упорную оборону противника. К тому же сильные вражеские соединения подлетают к Арнему под прикрытием истребителей. Но немецкая оборона готова к бою.

Она препятствует значительной поддержке врага. Огонь из двухсот немецких зенитных стволов и множества пехотных орудий еще в воздухе уничтожает высаживающиеся парашютные войска. Истребители и зенитки сбивают в районе Арнема 43 бомбардировщика. Практически все снабжение попадает в руки немцев. Без перерыва продолжаются атаки на вот уже пять дней сражающиеся парашютно-десантные войска. Каждый день к нам попадают их тяжелораненые. Наступает нехватка снабжения и боеприпасов. Ночью наша артиллерия беспрерывно покрывает огнем врага, согнанного в район размером примерно три на четыре километра. Сопротивление у моста слабеет.

22 сентября: части дивизии «Фрундсберг», сражавшиеся на автодорожном мосту, освобождены для задействования на участке фронта у Неймегена. В Остербееке тремя ударными клиньями выступает дивизия «Гогенштауфен». Самая главная цель атаки — район посадки грузовых планеров, сотни которых высадились у Волфхеецельна. Все сильнее берем в тиски британцев. В общей сложности 1200 английских раненых находятся под немецким надсмотром. Уже недолго осталось ждать момента, когда сопротивление наконец будет сломлено.

23 сентября: фельдмаршал Модель планирует похожую операцию против предмостного укрепления Неймегена. Для этого из района Аахена подводятся 9-я и 116-я танковые дивизии для подкрепления «Фрундсберга». Левый фланг 15-й армии из района Хертогенбос тоже должен принять участие в операции. Монтгомери снова приказал приступить к продолжению боев: между 12 и 18 часами западнее Арнема и — особенно — южнее Нижнего Рейна у Дриля высаживается подкрепление. Десантирующие у Остербеека войска противника несут неслыханные потери благодаря замечательно налаженной противовоздушной обороне. Однако основная часть высаживается в трех-четырех километрах юго-западнее Арнема. Эти части должны наладить сообщение между находящимися у Неймегена передовыми танковыми отрядами и 1-й британской воздушно-десантной дивизией (польская па-

рашютно-десантная бригада). Чтобы помешать этому, было продолжено наступление севернее Рейна с направлением главного удара вдоль северного берега реки.

24 сентября: Монтгомери все еще не сдает свою элитную дивизию. Она стиснута на очень маленьком участке. Ее снабжение прекращено. Наступает нехватка боеприпасов и воды.

У немцев произведена замена не очень боеспособных сводных подразделений на меньшие по численности части дивизии «Гогенштауфен».

25 сентября: линия фронта остается практически прежней. Немецкая артиллерия может обстреливать лишь одно главное направление, чтобы не ставить под угрозу собственные войска. Огонь вражеской обороны показывается лишь время от времени. Западный и восточный фронты немцев приблизились друг к другу на один километр.

26 сентября: в ночь с 25-го на 26-е поступает сообщение о шуме моторов на берегу Рейна. Причина его неясна: поступает ли к врагу подкрепление, снабжение, или он отходит? Поэтому всю ночь ведем беспокоящий огонь на места переправы. С рассветом на плоском берегу можно различить еще несколько сот англичан, которые не успели переправиться под покровом ночи. Отступление ночью прикрывалось несколькими контрударами противника, в большинстве своем польскими парашютистами. Когда около 8 часов немецкие войска переходят в наступление, сопротивление быстро ослабевает. Вскоре остатки вражеских войск у Остербеека сдаются. 4000 человек взято в плен, принято 2200 раненых. Что касается погибших, то противник называет цифру в 1800 человек. Все снаряжение и вооружение современной парашютно-десантной дивизии оказалось в руках немцев, в том числе более 1000 грузовых планеров и 150 джипов.

Остатки дивизии «Гогенштауфен» вскоре были направлены для обновления в рейх. С немецкой стороны потери составили 1800 человек, из них 600 убитых.

По собственному опыту нужно добавить следующее: высаженная у Арнема 1-я британская воздушно-десантная дивизия была элитным подразделением. Ее стой-

кость была выше всякой критики, а в конце, особенно на автодорожном мосту, просто героической. Тем выше была цена немецкого успеха. Боевая группа, образовавшаяся лишь во время сражения, располагала немногим более 5000 опытных солдат; остальные, примерно 8000 человек, входили в состав сводных частей из всех подразделений вермахта, с плохим вооружением, примитивной подготовкой, в основном пожилого возраста. Все выложились на сто процентов; решающую роль в сражении сыграли опытные воины дивизий «Гогенштауфен» и «Фрундсберг».

Сразу после битвы за Арнем и Неймеген и до ноября дивизия «Фрундсберг» удерживала позиции в составе парашютной армии Штудента; потом, до 5 декабря, она была задействована в районе севернее Ахена у Гейленкирхена и на Руре, где она участвовала в отражении американских атак из района Ахена начиная с 16 ноября. Затем она находилась в Эйскирхене в качестве резерва главнокомандующего Западным фронтом, при этом она была немного обновлена.

Южнее этого района до конца октября сражался I танковый корпус СС с лейбштандартом СС «Адольф Гитлер» на Западном валу в Шнее-Эйфеле, в то время как дивизия «Гитлерюгенд» была отведена для обновления.

Дивизия «Рейх» арьергардом перешла границу рейха у Сен-Вита, потом вошла в состав I танкового корпуса СС, где она сражалась южнее Шнее-Эйфеля на Западном валу с присущей ей стойкостью. Примером героизма была 10-я рота полка «Фюрер», которая сражалась за каждый бункер до последнего солдата. Она была отмечена похвалой в отчете вермахта.

Остатки дивизии «Гетц фон Берлихинген» были переброшены для переформирования в Мерциг у Меца, где они сражались в составе 1-й армии в Северных Вогезах.

Затем все танковые дивизии СС на западе — кроме дивизии «Гетц фон Берлинхинген» — были обновлены для следующих операций. Позже они составили 6-ю танковую армию СС под командованием Дитриха.

Однако обновление было проведено лишь кое-как, поскольку уже невозможно было восполнить утраты опытных фюреров, унтер-фюреров и солдат. Материальная база также была недостаточной.

АРДЕННСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

То, что армия Западного фронта смогла вновь собраться с силами после ударов в Нормандии и отступления на Западном валу, было почти чудом.

Обстановка, однако, продолжала обостряться: вражеское наступление у Ахена достигло Рура, следовало ожидать его продолжения — каждый день могли начаться атаки на участке Саара. Вместе с этим в декабре началось наступление с юга на Хагенау — Вайсенбург, после того как пали Мец и Страсбург.

Ориентация на оборону не могла решить исход схватки; лишь наступление могло повлиять на положительный поворот событий. Однако было еще не ясно, хватит ли на это материальных ресуров.

Удар, спланированный, продуманный и руководимый Верховным командованием вермахта, был направлен на слабый участок фронта, хотя и в неблагоприятных условиях местности.

Оперативной целью должен был быть Маас, Антверпен и тем самым прорыв с далеко идущими намерениями. Главнокомандующий Западным фронтом и группа армий Моделя предложили более ограниченную цель, однако их план был отклонен.

Главным условием была полная неожиданность, то есть сверхсекретность операции и никакой подготовки войск. Это условие удалось выполнить. Дальнейшие условия, такие как достаточное количество топлива и поддержка с воздуха, были обещаны, но обещания эти не выполнены. Погодные условия располагали к наступлению.

Под командованием группы армий «В» (Модель) находились: справа — 6-я танковая армия СС (Зепп Дитрих, начальник Крамер) со штабами I и II корпусов СС, 1, 12, 2, 9-й дивизиями СС, а также части 15-й армии, слева — 5-я танковая армия под командованием генерала фон Мантефеля и части 7-й армии.

Фланги этого наступления находились под угрозой, особенно на севере, где были обнаружены сильные резервы врага на полигоне Эльзенборн. Брешь для танкового удара должны были пробить пехотные дивизии после сильной артиллерийской подготовки. Это удалось сделать лишь частично.

Танковые дивизии были подведены лишь в ночь накануне. Из 6-й танковой армии СС в первую очередь был задействован I танковый корпус (теперь — П р и с) с 12-й и 1-й танковыми дивизиями. II танковый корпус СС должен был последовать за ними.

Наступление началось 16 сентября.

Правое крыло — 12-я танковая дивизия — с открытым правым флангом и при сильном артиллерийском огне противника очень медленно продвигалось вперед по лесной местности из района Эльзенборна в течение восьми дней из Систига через Крикельт до Бютгенбаха.

У соседних слева войск, 1-й танковой дивизии СС, дела обстояли лучше. Здесь танковая группа Пайпера взяла 17 декабря Бюллинген, 18-го — Ставло, который потом удерживала, отражая сильные контратаки противника.

Следующий удар был направлен на Ла-Глейц и Стумон. Неудобные горные дороги, проходившие часто поперек направлению движения, возможно, к тому же и недостаточная дисциплина марш-броска привели к запружению дорог, так что основная часть дивизий достигла Ставло лишь 19 декабря. Эта задержка позволила противнику принять контрмеры и провести сильные атаки с севера. Ставло был потерян, а Пайпер таким образом отрезан от остальных войск. Вражеские атаки растянулись дальше в западном и южном направлениях. Тщетно пытались части дивизии освободить Пайпера с юга. С каждым часом оборонительные бои окруженной группы ужесточались. Лишенный топлива и боеприпасов, Пайпер решил в ночь на 24 декабря взорвать свои танки и вырваться пешком. Это удалось сделать; он был встречен у Ванн.

Неудача на севере и сильное вражеское сопротивление заставили перенести направление основного удара на юг. Поэтому II танковый корпус СС был переброшен на более южный участок через район Сен-Вит — Бовинья. С боями — справа 9-я дивизия, слева 2-я дивизия — он достиг Грандменила, севернее Ла-Рош, то есть далеко на северо-западе от Бастони. Временно в состав корпуса входила 12-я дивизия СС.

Сосед с юга, 5-я танковая армия, тем временем в лучших дорожных условиях был переброшен дальше, окружил ожесточенно оборонявшуюся Бастонь, 19 декабря достиг района примерно Отонн — Ла-Рош. Передовые части приближались к Маасу.

Между тем контрмеры Эйзенхауэра с юга уже были ощутимы здесь. Сильнейшие войска освободили мужественно удерживаемую Бастонь. Следующие атаки были проведены с запада.

Направление основного удара было перенесено на 5-ю армию, весь I танковый корпус СС был выведен с се-

верного фронта и перешел под командование 5-й танковой армии. Это привело к тяжелым боям, особенно восточнее Бастони. 6-я танковая армия СС вынуждена была удерживать северный фронт до самого Урта народными гренадерскими дивизиями. Облегчение принесла 1 января первая и последняя поддержка люфтваффе. За несколько дней до этого погода резко переменилась, и вражеское превосходство в воздухе стало ощутимым.

Около Рождества стало ясно, что наступление провалилось. Оперативные операции союзников сдавливали фланги нападающих войск. 16 января их ударные клинья соединились у Уффализе. Войска вынуждены были отступить. После некоторого колебания они отошли в северо-восточном направлении. Удалось избежать окружения.

Из-за такого развития событий не была проведена запланированная операция части специального назначения Скорцезни. Его передовые отряды, находившиеся далеко за линией вражеского фронта, однако, доносили надежные сведения о передвижении врага и успешно провели обманные маневры. Некоторые мосты через Маас были временно заняты ими. С 21 декабря его боевая группа была задействована совместно с лейбштандартом СС «Адольф Гитлер» в северном районе у Мальмеди для атак и защиты северного фланга.

С оперативной точки зрения наступление не удалось. Однако оно привело к значительному замешательству противника: были проведены эвакуационные мероприятия и отданы приказы к обороне за Маасом. Планы вражеского наступления были перечеркнуты и передвинуты на недели вперед. Это ясно видно из отчетов Эйзенхауэра и Монтгомери. Последний оценил немецкую попытку как не безнадежную. Подход к Маасу был, по его словам, предотвращен в последний момент.

В заключение стоит, возможно, привести несколько замечаний по поводу критики 6-й танковой армии СС в новой литературе (С. Вестфаль).

Оперативные предпосылки нас здесь не очень интересуют. Зепп Дитрих также высказывал свои сильные сомнения по этому поводу.

То, что правый фланг армии продвигался вперед не так быстро, как планировалось, объяснялось, во-первых, неудачами передовых позиционных дивизий, которые атаковали первыми, сильными резервами противника на полигоне Эльзенборн и особенно неудобным ландшафтом. Поскольку сверхсекретность операции исключала любую подготовку войск, нельзя было избежать многочисленных трудностей и неожиданностей. Горные дороги, идущие в неудачных для марш-броска направлениях, затрудняли продвижение вперед. Возможно было одновременное движение одной колонны. Дело дошло до заторов. Были ли они следствием «снаряжения и численности дивизий СС, превышавших обычные дивизии в два раза»? Бюджет всех танковых дивизий был одинаков. Проведение обновления для усиления дивизий не было достигнуто. (Например, 12-я дивизия СС: 30 солдат на 2,5-тонном грузовике; лишь одно танковое отделение.) Крайнее ограчениение транспортных средств было обусловлено уже одной нехваткой топлива. Я не знаю, были ли эти ограничения осуществлены при подготовке с соответствующей строгостью — несмотря на часто встречающийся эгоизм воинских частей. На мастерстве командования я не хочу останавливаться. Войска выполняли свой долг, хотя уровень всех подразделений к концу 1944 года уже упал. Прискорбно, что данный критик, упоминая падение Мальмеди, не сумел сохранить необходимую объективность и сдержанность.

Лиделль Хард в своей книге «The other side oth the

Hill» («По ту сторону горы») говорит о тех огромных трудностях, которые должны были встать на пути у войск при отстутствии подготовки вследствие секретности операции.

Возможно, здесь уместно вспомнить ту тщательную подготовку перед тем, как танковые войска продвигались по той же самой труднопроходимой местности в 1940 году.

Развитие событий помешало запланированному участию одного из корпусов СС (XII?) под командованием генерала Блументритта в составе 15-й армии в продвижении на Маастрихт.

ИТАЛИЯ

Здесь нужно упомянуть об участии в боях 16-й танково-гренадерской дивизии «Рейхсфюрер СС». Ее части были использованы уже в 1943 году на Корсике. После формирования дивизии в районе Лайбаха Симоном в начале 1944 года ее подготовка была завершена в Венгрии у Дебрецена. В июле она была переброшена в центральную Италию, где она участвовала в обороне на Западном фронте у 14-й армии, южнее Арно. Отступление, обусловленное общей обстановкой, привело дивизию в район Пизы, а потом в центральный участок Апеннин.

В ноябре дивизия под командованием Б а у м а была задействована в горах южнее Болоньи в составе 1-го парашютного корпуса. Боевых действий против английских и индийских войск было немного. После атак союзников на Виа-Эмилия и успехов на этом участке дивизия была выведена из боев и стала резервом корпуса. В это время она еще раз сражалась на реке Сенио в обороне и при контратаках. В середине января 1945 года она была переброшена из Феррары в Венгрию.

Особенную главу истории дивизии составили осенью 1944 года схватки с партизанами, особенно в Апеннинских горах. Эта борьба частей дивизии против восставшего жесткого населения, в труднопроходимой местности, в легких для обороны уголках, поставила войска перед сложными задачами. Партизан было несколько тысяч, они были хорошо организованы и вооружены. У партизанских боев свое лицо, в них нет рыцарства. Месть и клевета привели после войны к судебным процессам.

В 1943 году в Верхней Италии был сформирован батальон из рейхснемцев и этнических немцев как основа будущей 24-й карствер-дивизии, приспособленной для боев в высокогорной местности. Он был задействован осенью 1943 года при чистке такой местности от партизан у Тарвиса, в верхней долине Изонцо и в восточной части Юлийских Альп. Эти бои тоже были жестокими и страшными.

В конце 1944 года должна была быть сформирована дивизия. Формирование не было закончено. Смесь из более-менее добровольных немцев, итальянцев, словен, хорватов, сербов, украинцев не составила боеспособную группу. Хотя в марте—апреле 1945 года в лесной местности Терновы им удалось оставновить партизан Тито.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1944 года НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Линия фронта в конце июня проходила от низовий Днестра, заворачивая назад через Прут — Черновцы — Луцк — по западной части Припятских болот — выдаваясь через Бобруйск — Оршу — Витебск — Холм к Чудскому озеру на Нарву. Ожидалось продолжение враже-

ского наступления. Его цель была неясна. Перед вторжением на Западном фронте на южном участке Моделя было много резервов. После транспортировки II танкового корпуса СС во Францию туда были переброшены резервы с центрального участка. Ожидалось, что именно сюда будет направлен основной удар врага. Однако вражеское наступление 22 июня началось на центральном участке, между Припятскими болотами и Двиной.

Группа армий, находившаяся там, была сломлена — это нужно назвать так — неожиданно быстро и полностью. Воля к сопротивлению была подточена, резервов не хватало. Отдельные причины можно здесь упустить. На этом участке не были задействованы большие части Ваффен СС. За семь недель, до 1 августа, линия фронта была отброшена назад с линии западнее Мозыря — Орша — Витебск до линии Житомир — район восточнее Варшавы — Мариямполе — район западнее Ковно.

В качестве контрмеры Модель был вынужден взять на себя командование группой армий «Центр». Напрашивалась мысль о том, чтобы отступить на севере и тем самым создать резерв для центра. Однако это не было осуществлено, а в центр были переброшены резервы с юга. Но вражеское наступление продолжилось именно на этом участке месяц спустя, в середине июля. Линия фронта была прорвана в трех местах. 21 июля был достигнут Лемберг, излучина Сана у Ярослава, Хелма и Люблина, а далее к северу — даже Висла и Брест-Литовск.

В Румынии немецкие позиции были прорваны в конце августа клещами между нижним Днестром и между Прутом и Сиретом. До конца октября русские продвинулись до венгерской границы восточнее Тисы. После государственного переворота 23 августа 1944 года, в результате которого был свергнут маршал Антонеску, Румыния перешла на сторону врага.

Затем последовал прорыв в Венгрию с направлением основного удара между Тисой и Гроссвардейном, который отодвинул фронт на линию Мохач — Дунай к верховьям Тисы, а к концу ноября на линию Будапешт — Кашау. Даже переход командования к С ц а л а с и не мог изменить судьбы.

В центре, на Сане и Висле и на границе Восточной Пруссии в тяжелых условиях выстраивалась новая линия обороны.

Но в то же время все еще удерживалась линия фронта от Либау через Ригу до Чудского озера. Лишь в сентябре части с боями отошли из Эстонии в Курляндию. В октябре они были там изолированы. Также в октябре было проведено отступление с Балкан и из северной Финляндии.

На это же время пришлось покушение на Гитлера 20 июля.

На следующий день Гудериан, бывший до этого генеральным инспектором танковых войск, принял на себя обязанности начальника Генерального штаба.

В Венгрии, в Трансильвании, в сентябре—октябре сражалась 8-я кавалерийская дивизия СС под командованием V горного корпуса СС, Флепс (группа армий «Юг», до этого — Южная Украина, Фриснер; 8-я армия).

Оборона, контратаки и отступление сменяли друг друга (Нивегикау и Дебрецен). Позже Флепс погиб во время разведки.

В ноябре дивизия была отведена назад в Будапешт. Вместе с 22-й венгерской кавалерийской дивизией СС и еще другими соединениями Ваффен СС под командованием IX горного корпуса СС (Пффефер — Вильденбрух) совместно с 13-й танковой дивизией армии и дивизией «Фельдгеррегалле» (армия) она защищала столицу Венгрии. Кольцо обороны было замкнуто 24 декабря, в середине января оно было стиснуто на маленьком участке фронта. 20 января Венгрия капитулировала. 12 февраля пала и крепость на западе Дуная.

Об этих боях мало известно, поскольку обе эти дивизии были полностью уничтожены во время контрударов и попытки выхода из окружения в феврале 1945 года. Оба командира дивизий, Румор и Цеендер, погибли во время выхода из окружения. Лишь немногим солдатам удалось достигнуть нашего фронта. Остальные попали в русский плен.

В этой практически безнадежной, небывало изматывающей 52-дневной битве в окружении войска сражались мужественно, можно сказать, героически. Это касается и задействованной там команды Рентгена.

День ото дня защитников сдавливали на небольшом участке фронта; сражались в руинах, на улицах, в домах, особенно тяжело было в разветвленных подземных канализациях.

Вооружение и снаряжение кавалерийских частей, естественно, не подходили для таких боев; продовольствия, а в конце и воды не хватало. Снабжение по воздуху было недостаточным.

Духовное напряжение каждого в отдельности невозможно себе представить; как и в Сталинграде, потом — в Берлине, каждый чувствовал свое бессилие, особенно когда проваливались попытки вырваться из окружения.

Между тем в Венгрию были переброшены дополнительные части, а именно: 4-я полицейская дивизия СС, командир с начала декабря — Харцер. Летом 1944 года она была переброшена в Грецию, на переобучение в качестве танково-гренадерской дивизии, потом временно задействована у Скопье (южнее Белграда) и в Банате, затем подтянута для обороны Венгрии.

Незадолго до этого, в Бачке, из 1-й бригады была сформирована 18-я танково-гренадерская дивизия «Хорст Вессель», командир Трабандт, соединение, по своему вооружению и подготовке еще недостаточно готовое к боевым действиям.

Ее первый бой состоялся в июле 1944 года на Стрыпе у Бучаево; он привел к отступлению за Карпаты к Мункачево. Потом ее формирование было закончено у Гроссвардейна. В сентябре в нашем тылу вспыхнуло восстание в Словакии. Дивизия была переброшена туда, боролась с повстанцами из Лоссонга, взяла Нову-Соль и Стару-Соль. В начале ноября русское наступление началось на Тисе у Сольнока (6-я армия).

Направление главного удара русского наступления лежало между Тисой и Гроссвардейном. Кроме того, в конце ноября русские пересекли Дунай севернее устья Дравы и продвинулись уже к озеру Балатон. При этом, по некоторым данным, была уничтожена венгерская дивизия СС, 31-я дивизия.

Таким образом, линия обороны Дуная была прорвана на юге. На Рождество линия врага проходила от озера Балатон через Штульвайсенбург до района западнее Комарно.

Далее эти дивизии участвовали в боях на полпути от Тисы до Дуная, примерно восточнее Будапешта. Вскоре линия фронта была отодвинута на Дунай и горы Матра — восточнее излучины Дуная. Это привело к окружению Будапешта с юга и востока.

Основной удар при этом пришелся на 18-ю дивизию СС. Она была спешно задействована, еще не находясь в боевой готовности, когда был прорван южный фронт, понесла сильные потери в арьергардных боях при отступлении через Гатван — Сцечены, так что ее пришлось вывести из боевых действий.

В начале декабря линия фронта проходила от колена Дуная дугой до границы тогдашней Словакии, потом вдаваясь в восточную часть гор Матра: 18-я дивизия — справа, 4-я полицейская дивизия — слева в выдающемся из общей линии участке в горах под командованием IV танкового армейского корпуса. Местность была во

всех отношениях неудобна для танково-пехотных войск. У полицейской дивизии тоже были ограниченные боевые возможности. Но все это удалось компенсировать, несмотря на дальнейшие атаки русских.

Отступление было продолжено в сторону словацкой границы, на Лоссонг. При этом был уничтожено большое кавалерийское соединение русских, которое совершило прорыв войск слева.

Бои с Рождества до середины января приводили к критическим ситуациям и задействованию частей СС на соседних участках, особенно на левом армейском фланге.

Полицейская дивизия находилась снова в боевой готовности, несмотря на все тяжелые бои, которые были у нее за спиной. В конце января она была переброшена на решающий театр военных действий в Померанию, в то время как 18-я дивизия СС отступила в северо-западном направлении, на Моравска-Остраву.

14-Я ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ВАФФЕН-ГРЕНАДЕРСКАЯ ДИВИЗИЯ СС (ГАЛИЦИЯ) В РАЙОНЕ ВОСТОЧНЕЕ ЛЕМБЕРГА

(по сведениям д-ра Штефана Горака)

Нехватка места не позволяет нам подробнее остановиться на исторической подоплеке освободительного движения на Украине или на политике Адольфа Гитлера и его органов по отношению к этому народу. Некоторые сведения можно найти в главе «Европейское освободительное движение».

Украинские добровольцы не были сторонниками Гитлера, они хотели бороться с большевизмом за свою свободу.

Лишь поздним летом 1943 года дело дошло до формирования дивизии в рамках Ваффен СС; из большого количества желающих было выбрано лишь 18 000 солдат. Командиры были частично немцы, частично украинцы; единообразная подготовка их, естественно, представляла собой трудную задачу, так как до этого они обучались в немецких, австро-венгерских и польских военных школах.

Первый бой состоялся в июле 1944 года в составе группы армий «Северная Украина». После начавшегося 13 июля русского наступления на наши оборонительные позиции примерно по линии Бучач — Тернополь дивизия была ускоренно приведена в место боевых действий, подчинена штабу XIII корпуса 4-й танковой армии и задействована западнее Брода. Уже вырисовывавшийся рок событий невозможно было остановить. Врагу удалось прорваться с юга и севера корпуса; его окружили и замкнули в котел, поскольку верховное командование запретило отступление. Дивизия была по частям отведена с линии фронта и брошена против прорвавшихся с юга сил противника. В районе севернее Золочева ей удалось выстроить новую линию фронта и удерживать правый фланг котла. Русские противники изо всех сил пытались уничтожить украинцев. Десять дней они в тяжелых условиях удерживали свои линии. Перед попыткой выхода из окружения по уже данному приказу положение приближалось к катастрофе. Кажется, что осечки командования при этом сыграли не последнюю роль. Отдельным группам удалось вырваться, хотя и при очень больших потерях. Прорвавшиеся остатки войск сосредоточились в украинских Карпатах.

Солдаты дивизии сражались великолепно. Они знали, что их ждет у противника. Потери дивизии были необычайно тяжелыми.

Осенью 1944 года остатки были пополнены на полигоне Нойхаммер; в октябре дивизия была задействована для борьбы с партизанами в Словакии.

Далее последовали бои в Югославии против войск Тито в начале 1945 года. В апреле все украинские части были собраны в 1-ю украинскую дивизию под командованием генерала Шандрука и задействованы у Фельдбаха. Бои закончились после капитуляции.

Основной состав удалось отдать в руки англичан в Верхней Италии, части — американцем у Радштадта.

Переброска дивизий «Викинг» и «Тотенкопф» в середине июля на участок фронта севернее Припятских болот привела к перемене линии фронта.

Противник в непрерывном наступлении достиг района Брест-Литовска и Гродно. Туда ему навстречу были брошены обе дивизии.

«Викинг» закончил свое переформирование в районе Сокаля — Хелма. Севернее Брест-Литовска дивизия попыталась остановить противника (Высокое-Литовское). Потом она с тяжелыми арьергардными боями вынуждена была отступить до Венгро, на полпути к Варшаве.

Дивизия «Тотенкопф» была направлена в район Гродно — Белостока, чтобы отвлечь на себя противника. После удара на север в конце июля она была переброшена в южном направлении на Седльце.

Здесь противник угрожал прорвать выдающийся на восток участок немецкого фронта.

Дивизиям «Викинг» и «Тотенкопф», совместно с прибывшими из Варшавы силами, концентрическими атаками удалось уничтожить северный фланг врага между Станиславом, Окуневом и Радзымином.

10 августа обе дивизии, теперь под командованием Мюленкампа и Бекера, были подчинены вновь сформированному штабу IV танкового корпуса СС, Гилле. Кор-

пус был задействован в обороне севернее нашего плацдарма на востоке Варшавы.

Уже 18 августа на участке соседних слева войск был совершен прорыв, вследствие чего был окружен «Викинг», так что левый фланг у Буга вынужден был отступить.

В оборонительных боях за Варшаву корпус до конца октября удерживал свои позиции между Вислой севернее Варшавы до Буга у Сероцка.

Сразу вслед за этим и до Рождества продолжались оборонительные бои восточнее Модлина. Поскольку «Тотенкопф» уже с начала года участвовала в боях, то с конца ноября она была отведена в прифронтовой район для короткого обновления и в конце года вместе со штабом корпуса и дивизией «Викинг» переброшена в Венгрию.

Группа армий «Центр» тем самым была сильно ослаблена перед большим русским наступлением января 1945 года, а корпус при этом переброшен уже в практически потерянный район военных действий.

Здесь можно опустить польское восстание в Варшаве, совсем рядом за линией фронта 9-й армии, с 1 августа по 2 октября 1944 года. Под командованием генерала полиции фон дем Бах-Зелевски в этих боях участвовали части специального назначения, а также русские добровольческие части Каминского, немецкие части под командованием Дирлевангера и полицеские войска под командованием генерала полиции Рейнфарта.

СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ

Здесь на уже очевидно потерянных позициях сражался III танковый корпус СС под командованием Штайнера с дивизиями «Нордланд» и «Недерланд» и VI корпус СС с обеими латвийскими дивизиями. Вследствие

большого русского июльского наступления против «Центра» правый фланг «Севера» вынужден был также отступить вдоль Двины до Митау — Дунабурга. Оттуда линия фронта проходила через Опочку — Плескау (Псков) до Нарвы.

10 июля сильные танковые войска русских атаковали VI корпус СС. 15-я латвийская дивизия СС была практически полностью разбита; 19-я латвийская дивизия держалась, была частично окружена, однако сумела пробиться на промежуточную позицию у Опочки.

Остатки обеих дивизий были выведены из боя, 15-я переброшена на полигон Кониц, из 19-й была создана боевая группа. Командование корпусом принял на себя Вальтер Крюгер.

Еще севернее III танковый корпус СС — в его составе находились, в том числе, 20-я эстонская дивизия СС и легион «Валлония» — до конца июля упорно удерживал плацдарм Нарва, отражая все атаки противника. 31 июля плацдарм был оставлен, и линия обороны левого фланга была отодвинута на перешеек между Нарвой и Йыхви. Здесь тоже пришлось удерживать позиции до середины августа.

К этому времени два ударных клина русских вдавили линию фронта южнее Плескау. Против них была поставлена боевая группа 19-й дивизии СС; она успешно удерживалась в районе озера Лубанас.

ТАК СРАЖАЛАСЬ ПРОТИВОТАНКОВАЯ АРТИЛЛЕРИЯ ЛЕГИОНОВ[1]

О своей 14-й противотанковой роте голландцы и норвежцы знают пока только, что цель ее марш-броска — местечко Мга, что она была выделена из своего соедине-

[1] Это противотанковое подразделение было выделено из 2-й бригады СС (Клингеманна) зимой 1942/43 года под Ленинградом.

ния, что она теперь подчинена армейскому подразделению и что южнее Девы бушует тяжелое оборонительное сражение.

Мга уже переполнена соединениями, прибывшими для подкрепления, и вскоре уже везде разносится слух, что прибыли солдаты СС — «иностранцы». К части постоянно подходят армейцы, чтобы «принюхаться» к новым товарищам. Они не скупятся на хорошие советы и на имеющийся в достаточном количестве шнапс. Это в других местах международное общение может не ладиться, у солдат оно получается легко.

Немногим позже уже раздается приказ к бою. Инструкторы вывозят орудия из деревни, вдоль дороги на Бирму (ее так назвали, потому что она ведет к русскому вокзалу Рангун) и за железнодорожной насыпью в песчаную яму. В бледном свете полной луны они проходят артиллерийские позиции, по которым прокатился огневой шквал русских батарей. Местность усеяна телами бравых артиллеристов, которые все еще лежат у своих орудий.

С рассветом начинается сильнейший артиллерийский и гранатометный огонь, прерываемый адскими ударами сталинских орга́нов[1]. Четыре раза по двадцать четыре часа солдаты стоят в обороне у своих орудий, и если они остались невредимыми после ужаснейшей канонады, то это благодаря штольням в песчаной яме, которые ведут глубоко под землю.

Норвежцы должны стрелять первыми. Когда враг начинает укреплять свой клин, вбитый им в немецкий фронт, показывается первый вражеский танк. За секунду длинные молчаливые норвежцы пробуждаются — три выстрела... и вот танк уже стоит объятый пламенем. На орудие обрушиваются удары русской артиллерии.

Тут русские ставят на позицию «трещотку», 7,62, чтобы прикрыть огнем гусеничный тягач, который хочет пересечь железнодорожную насыпь. Оба норвежца погибают. И когда уже к вечеру на просеке появляется второй танк, его подбивает другое орудие той же норвежской части.

---

[1] Сталинский орга́н — зенитные установки, «катюши».

Норвежцы торжествуют, но они делают это на свой манер, который иным может показаться твердолобым, — они продолжают стрелять. Как только противник пытается сменить расположение стрелковых групп, их гранаты тут же устремляются туда. Вечером командир гренадерского батальона высказывает им благодарность. Норвежцы ничего не отвечают, удовлетворенно пьют свой шнапс, курят трубки и возвращаются к своим орудиям.

Лишь голландский связной Герардес Муйман недоволен. Его точит мысль о том, что он лишь связной и не может стрелять сам. Поэтому он решает еще раз «начать наступление» на своего начальника.

«Вы начинаете действовать мне на нервы», — сказал ему старшина совсем недавно, но это не тронуло потомка гезов Муймана.

Его желание будет исполнено раньше, чем он об этом догадывается. Через несколько дней потери на позициях оказались настолько велики, что приходится совершить переформирование, и Герардес становится даже командиром орудия.

В ночь на 30 января орудия Нергера и Муймана занимают свои позиции. Они стоят на расстоянии не меньше восьмисот метров друг от друга, между ними находится главный медицинский пункт соединения и комнадный пункт полка.

Лишь утром удается разглядеть местность. Орудия находятся на северном фланге уже упомянутого клина, который частично простирается сквозь густой лес, что облегчает советским войскам подвод подкрепления.

Сильный огонь без перерыва градом сыпется на немецкие позиции. Утром Муйман замечает движение противника в сторону леса. Он подносит к глазам бинокль, тщательно наблюдает и различает теперь десять танков, за которыми следует пехота. Очевидно, эта группа тоже хочет пробраться в брешь, но прежде, чем сделать это, ей придется пройти мимо противотанковой пушки Муймана!

Танки, наконец-то танки в прицеле, а не бесконечные прыжки пехотинцев в снегу. Орудие Муймана готово к

бою. Он сам прислонил глаз к прицелу, его руки хватаются за штурвал наведения... он крутит его... следит за движением танков, берет первый на мушку. Еще ближе... еще ближе. Вокруг него взрываются снаряды артиллерии. Так... Теперь в борт — гремит первый выстрел, потом из ствола вылетают одна за другой гранаты. Первый танк уже горит, другой сворачивает. Солдаты у орудия почти не замечают пулеметных залпов, гудящих вокруг, и того, что враг сосредотачивает огонь на их позиции. Еще один танк подожжен!

Но тут — задержка при заряжении! Снаряд застрял в стволе. Штурмманн СС Руйтер придумал кое-что, кажущееся безумным: он отпрыгивает в сторону, отрубает березовый ствол и, несмотря на опасность, что удар по взрывателю может вызвать взрыв орудия, выбивает стволом по дулу неудачный снаряд обратно в снег.

Теперь они могут продолжить огонь, и они не прекращают его, пока не останавливается, весь в огне, четвертый танк, четыре других не разворачиваются назад, а пехота не разбегается в разные стороны. Лишь двум танкам удалось прорваться в брешь.

Уже полчаса спустя один из них пытается пересечь просеку. У Нергера на посту стоят Штефельманнс и Кортенбах. Штефельманнс, заряжающий, и Кортенбах, который вообще-то назначен на непосредственное пулеметное охранение. Оба в одиночку расправляются с танком, не вызывая других членов расчета из штольни. Другим и так часто удается пострелять. И этот танк сгорает.

Большевики теперь меняют свою тактику. Последний оставшийся танк должен, по крайней мере, уничтожить проклятое противотанковое орудие. Услышав грохот своего орудия, орудийный расчет выскочил из штольни, но Штефельманнс и Кортенбах лишь издевательски усмехнулись: «И без вас справляемся...»

Ширина просеки — всего лишь тридцать метров, и на этих тридцати метрах нельзя промахнуться. Кроме того, теперь это 52-тонная махина, то есть чертовски тяжелая вещь. Напряженное ожидание, нагрянет ли снова этот танк и откуда, накаляет атмосферу. Было уже 12 часов, ко-

гда нос 52-тонника вдруг показался на просеке... За время, пока колосс прокатывает тридцать метров, Нергер успевает выстрелить три раза. Первый снаряд попадает в башню... второй мимо — черт побери, — но третий попадает в корпус! 52-тонник «сделан».

На сегодня врагу хватило, но уже на следующий день большевики провели новые силы к клину и теперь пытаются, после сильной артиллерийской подготовки, боковой частью клина прорваться к дороге на Бирму.

Около шести командиру орудия Нергеру поступает тревога от постового. Русские волнами валят сквозь просеку... Нергер открывает огонь фугасными гранатами. Два часа огневого боя пехоты, и вот уже наша пехота теснится к дороге. Теперь Нергер остался один, в тридцати метрах от передовой! Его орудие становится центром сопротивления. Русские пытаются отклониться от его огня и проходят по обе стороны просеки под прикрытием леса. Два легких противотанковых орудия из противотанкового подразделения, которые находились справа и слева от Нергера, уничтожены прямым попаданием. Но пока еще продолжают стрелять пять гранатометов слева от него. Когда у них кончаются боеприпасы, отважные пехотинцы подползают к противотанковому орудию и продолжают стрелять отсюда из своих карабинов.

Между тем ранен Кортенбах. Нергер назначает одного из пехотинцев ему на замену. Но и того ранит, и следующего тоже. Теперь пулемет стоит осиротело, поскольку все остальные солдаты срочно необходимы у орудия. Примерно в 9—10 утра и у Нергера заканчиваются боеприпасы. Две последние гранаты он оставляет для подрыва орудия — одну в начале, другую в конце ствола.

Теперь истребители танков лежат рядом с пехотинцами, сжав в руках карабины. Тут появляется самоходка, несколько раз стреляет, но один снаряд рвется в стволе, и расчет замечает это лишь после того, как им на это указывает Нергер. Таким образом, эта долгожданная поддержка укатывает назад.

Кортенбаха, который со своим ранением в руку еще в состоянии ходить, посылают к своим за боеприпасами.

Вместе с ним идет штурмманн СС Шауфели. Под сильным огнем они три раза возвращаются к своему орудию и привозят каждый раз на санках новый снаряд. Уже на второй раз Шауфели получает ранение осколком в ногу.

К орудию Муймана боеприпасы подносит Эркеленц.

Теперь и Нергер может снова стрелять. Командир взвода фельдфебель Вайде из противотанкового подразделения армии, которое находится здесь неподалеку, хочет посмотреть на орудие, получает осколочное ранение в спину, его быстро перевязывают, и через полчаса он снова на своей позиции. Замечательные парни!

Потом они поочередно стреляют то снарядами, то из карабинов, если цель слишком мала для фугасной гранаты.

Штурмманн Бруинсвель сидит на пригорке, сигарета во рту, он положил карабин на щиток. Каждый раз, когда он его снимает, чтобы зарядить, он спокойно говорит: «Бац, еще один». В таком положении его застает санитар Купер, который как раз ползет вперед к своим товарищам. Тут прямо за ним разрывается граната, и, когда санитар снова поднимает голову, Бруинсвель, который слетел со своего пригорка, говорит: «Черт, я в заднице!» — «Нет, — ухмыляется Купер. — Но в заднице у тебя осколок!»

И в самом деле, Бруинсвеля ранило в заднюю часть. Санитар уносит его.

Между тем Нергер и Штефельманнс остались одни у орудия. Они снова расстреляли все снаряды. Осталось еще десять ручных гранат, это все. Большевики выходят из леса и приближаются до сорока метров.

«Последний из нас двоих взрывает орудие, понятно?» — говорит серьезно Нергер.

Тут ему кажется, что сквозь шум боя он вдруг слышит за собой рев мотоцикла. Он поднимает голову, украдкой глядит туда: о небеса, это же Бочи, Бочи — связной-мотоциклист. У него полная коляска боеприпасов, и он несется на безумной скорости сквозь огонь. Теперь они снова смогут держаться дальше.

Около обеда снова появляется мотоцикл. На этот раз это командир, который уже два раза пронесся от их ору-

дия до Муймана. Теперь он ползет по дороге, с карманами, полными шоколада для своих солдат. Потом он зондирует обстановку перед орудием. Из-за близкого взрыва Нергера на некоторое время контузило, и он не понимает ни слова из того, что ему говорит командир роты.

Позднее пехоту выводят из боя. Подтянутый лейтенант, который поступает в распоряжение Нергера, преследует противника в лесу с двумя небольшими группами солдат. Через полчаса солдаты выносят его мертвым. Эркеленц снова приносит боеприпасы.

Вечером пехота снова занимает свои позиции. Настроение на всей линии фронта великолепное. Все радуются победе, ведь вражеская атака захлебнулась именно из-за упорства этого орудия, как подверждают и офицеры соединений пехоты.

На несколько мгновений снова возвращается серьезное настроение, когда из главного медицинского пункта приходит известие, что главный врач штаба просит выразить им благодарность за то, что их сопротивление спасло его раненых от неминуемой гибели.

* * *

На какое-то время у большевиков отбито желание продолжать атаки, даже огонь тяжелых орудий заметно ослабевает.

Когда командиру приходится назначить нового командира взвода вместо раненого фельдфебеля Вайде, его выбор падает на штурмманна Фельдта, который до этого возглавлял роту. Фельдту девятнадцать лет, и он «весь в себе». О нем точно известно, что его ничто не может вывести из себя или разбудить ото сна, даже если его товарищи отстреляют у него над ухом целую обойму.

Некоторым образом голландцы и норвежцы начинают чувствовать, что в них признали хороших воинов. Когда солдаты из других подразделений проходят мимо их орудий, то они машут им в знак приветствия, а во время раздачи продовольствия или боеприпасов их узнают: «А это были вы... да, да» — и они получают то, что им нужно.

Штурмманн Нергер первым получает Железный крест 1-го класса, Железных крестов 2-го класса роздана целая дюжина: голландцам Муйману, Руитеру, Штевельманнсу, Фельдту, Шауфели, Бочи, Кортенбаху, Бруинсвелю и Эркеленцу, а также норвежцам Хаугу, Хахену, и Ульски. О том, что все так обернется, они не смели и мечтать в ту жуткую ночь, когда мы шли к Мге. Тайно, однако, они особенно гордятся тем, что сказал им один старый унтер-офицер из противотанковых войск, улыбаясь и покачивая головой: «Вы, пара солдат, приходите сюда и за три дня сбиваете больше танков, чем мы за весь поход, где это видано!»

Однажды днем без всякой подготовки большевики неожиданно начинают атаку. Муйманн открывает огонь, но отважные силезские пехотинцы, которых вот уже несколько недель невозможно изматывает эта зимняя битва, поддаются первому шоку от атаки и в смятении отступают.

Тут на них набрасываются солдаты противотанковой роты и покрывают их «по-великогермански». Голландские, норвежские и немецкие фразы бьют по головам простодушных силезцев, и, возможно, тот факт, что перед ними тут стоят не немцы, заставляет их вернуться на свои позиции.

Между тем Муйман уже проделал всю работу. Старшему рядовому пехоты Буттингеру удалось одному расстрелять вражескую «трещотку». Он подполз к врагу на расстояние до двадцати метров и остановил расчет орудия из своего автомата.

Оцените пользу ползанья, товарищи, которое некоторым спасло жизни в эту войну...

Таким образом, атака большевиков захлебнулась за сорок метров перед орудием. Вечером Муйман получил Железный крест 1-го класса, Буттингер, герой дня, и Купер, храбрый санитар, — Железные кресты 2-го класса.

Ночью хлопьями шел снег. Когда к орудию Муймана приходит на смену часовой, там уже никого нет. Испуганно бежит сменщик обратно в бункер и, задыхаясь, выдает: «Они схватили Эркенленца!»

Теперь весь расчет идет на поиски — и находит его... заснеженным по кончик носа. Через два часа со стороны врага слышится шум. Купер выстреливает сигнальную ракету, в свете которой можно различить, что русские на железнодорожной насыпи установили противотанковое орудие. Муйман тут же выстреливает в ту сторону. Ему удается лишь рассеять расчет, но само орудие так установлено, что прямым обстрелом его не возьмешь. Что теперь? Примерно в тридцати-сорока метрах перед орудием, в подстреленном танке, русские устроили наблюдательный пункт. Стоит ли сначала устранить его? Но это снова поднимет шум на всю передовую. Кто знает, что из этого получится. Сейчас все так благословенно спокойно. Слышно, как там громыхают и грохочут большевики. Это уже что, начало атаки? Они на мгновение смотрят друг на друга. Эркеленц пожимает плечами.

«Чепуха, — говорит Муйман. — Они просто напились, давай, идем!»

И теперь он показывает, что он — больше, чем уверенный стрелок, показывает, что он обладает тактическим чутьем и пониманием и умеет быстро принимать решения. Муйман даже не догадывался, что своим дерзким предприятием, которое сейчас намерен совершить, он создал предпосылку для того, чтобы следующий день стал днем великой славы.

С помощью вылазки он хочет избавиться от опасного орудия противника. Купер и Хиссинк, который только что вернулся из отпуска, идут вместе с ним. Втроем они с большой осторожностью подкрадываются к вражеской позиции, потом Муйман оставляет своих товарищей для прикрытия сзади. Он сам подползает по снегу совсем близко от часовых и подкладывает принесенный 3-килограммовый подрывной заряд под пушку.

Когда взрыв разрывает 7,62 на тысячи кусочков, он уже ползет обратно. Невредимыми все трое возвращаются на свои позиции.

В советском стане комиссар мог сколько угодно извергать проклятия по поводу уничтоженного орудия, но от приказа к наступлению он не откажется. Возможно, он

еще раз пересчитывает готовые к бою танки, он знает, что их экипажи хорошо снаряжены, хорошо накормлены и довольно неплохо подготовлены, что пехота состоит из разномастных соединений, что в ее рядах стоят пятнадцати- и шестнадцатилетние. То, что бедные парни измотаны и голодают, возможно, меньше заботит его, потому что они, очевидно, привыкли к этому. Часа огневой подготовки, наверное, думает он, в этот раз будет достаточно, потом танки, а вслед за ними пехота совершат прорыв, возьмут вокзал Рангун и продвинутся дальше по дороге снабжения немецких войск... Это третий вариант советской наступательной тактики: сначала острием клина, потом атаки с боковой части и теперь атаки вдоль боковой части...

Возможно, два часа спустя комиссар все еще сидит в своем бункере и ждет первых рапортов об успехах. Первая волна из шести танков уже ушла вперед. Но рапортов что-то не поступает. Наконец он снова слышит скрежет гусениц в советской зоне. Два из шести танков возвращаются обратно, и новости, которые они приносят, не соответствуют ожиданиям. Пехота хотя и прорвалась на той стороне железнодорожной насыпи, но проклятое противотанковое орудие все еще держится! Черт бы его побрал! Два танка повреждены, четыре других «капут»!

Если бы в советском стане знали, как обстоят дела у Муймана! Орудие расстреляло все боеприпасы, за исключением одного снаряда, потому что он же сражался не только с шестью танками.

Когда подкатывают следующие пять, как раз подходит командир. Он отдает приказ всадить последний бронебойный снаряд в первый танк, остальные же быстрой очередью покрыть фугасными гранатами. Муйман снова показывает мастерство: последний снаряд поджигает «Т-34». Фельдт, молодой командир взвода, тем временем добывает новые боеприпасы. У орудия Бутса, к северу от железной дороги, их еще достаточно, на том участке пока было спокойно.

Штурмманн Фектер, молодой доброволец из Бачки, который так хорошо играет на губной гармонике, неустан-

но таскает под сильным огнем одну за другой гранаты и каждый раз успевает как раз вовремя.

5-сантиметровое орудие противотанкового подразделения подбивает два легких танка, остальных и в самом деле удается удерживать фугасными гранатами до тех пор, пока не доставлены новые бронебойные снаряды. Теперь справились и с двумя последними.

Между тем силы, прорвавшие передний край обороны, отрезаны от своих. Без танковой поддержки советские войска не могут пройти дальше. Но красному комиссару нужно взять вокзал Рангун. Поэтому в 11 часов на расстоянии в полторы тысячи метров появляются сразу двадцать танков и едут прямо на орудие Бутса, именно на Бутса, который только что отдал часть своих боеприпасов! Но, в конце концов, на свете бывают чудеса: в восьмистах метрах от него великаны резко разворачиваются и атакуют старую позицию, атакуют орудие Муймана, которое они должны были раздавить и которое они теперь хотят взять с фланга. Но у Муймана теперь снова есть боеприпасы! Расчет разворачивает орудие: огонь! Шесть из двадцати танков один за другим охватываются пламенем, на другие уже нацеливаются прицелы. Остальные разворачиваются. Сами русские стреляли плохо — снова Муйман может записать на свой счет победу.

А потом наступает очередь Бутса, которому неустанный Фектер быстро подносит еще пару гранат, тоже только для одного выстрела. Бутс уничтожает два танка. Если было бы больше гранат, он бы справился и с другими! Бутс в неистовстве. В конце концов, Муйман и так уже за последние дни достаточно прогремел по округе — а теперь он спокойно должен смотреть, как тот берет на себя последние танки. И Нергеру в прицел уже не попало ни одного танка, потому что со всеми справился Муйман...

Несколько выстрелов орудия Бутса прогремели как раз в тот момент, когда началось немецкое контрнаступление. Подошли резервы, пехотинцы одной северонемецкой дивизии. В изумлении теперь смотрят голландцы, как этот великолепный батальон разворачивается и начинает продвижение вперед в классическом порядке, с май-

ором во главе. Как раз мимо их орудия проходит огромный ольденбуржец, с пулеметом, переброшенным через плечо, словно это лекая пушинка.

Вскоре врага снова выбросили с его позиций... Кроме взорванного 7,62-сантиметрового орудия в этот день было подстрелено 15 танков: два — Бутсом, тринадцать — Муйманом в одиночку, тринадцать за один день! Семь подбил, находясь у прицела, остальные — руководя огнем. Три подбил штурмманн Фельдт.

Этой ночью командир дивизии подписывает документ, который отправляется в штаб армии и в главный штаб фюрера: штурмманн Герардес Муйман из 14-й роты легиона СС «Недерланд» приставлен к Рыцарскому кресту ордена Железного креста — Муйман, который подстреливал русские танки, как хищник во время облавы, хотя они превосходили его по огневой силе в десять раз.

Упорство большевиков не знает границ. На следующий день жертвами орудия Муймана пали еще три танка.

У орудийного расчета в эти дни много дел: на ствол нужно наконец нанести кольца! Теперь их уже целых двадцать. Они уже бы давно могли сделать их, но после первого Муйман сказал, что пока не стоит, их обязательно будет больше. Поскольку под рукой нет краски, то они повязывают вокруг отважного ствола полоски старого маскировочного халата.

Меж тем слухи об их успехах обошли уже весь фронт до последних подразделений снабжения. Бригада принимает поздравления армии, а Верховное командование вермахта называет имя Муймана по радио. Насколько известными они стали благодаря своим боям, орудийный расчет еще пока не знает. Сам Муйман позже скажет: «Мы только подивились, когда целая орава офицеров пришла, чтобы осмотреть наше орудие и позицию...»

Судьба не поровну распределяет жребий. Орудию Косбау, который вот уже две недели удерживался под сильнейшим огнем противника в песчаной промоине, еще почти не удалось проявить себя в бою. 15 февраля, как раз в тот момент, когда он хочет вступить в бой, враг ударяет прямо по ним. Роттенфюрер Косбау получает ра-

нение, штурмманны Витушек, Динтер и де Вит убиты, само орудие повреждено. Но дух товарищества переживает смерть — и ночью Нергер получает от командира приказ похоронить тела павших товарищей.

Нергер направляется к месту их гибели. Это тяжелое задание. Некоторым лучше несколько раз оказаться в плену у смерти, чем притронуться к мертвым. Но и здесь побеждает неискоренимое чувство нашей внутренней связи, которая происходит из общей жертвенности.

С трудом пробирается Нергер вдоль старой передовой линии, постоянно встречая на пути возвращающиеся обратно группы пехоты, которые сегодня ночью предпринимают сужение линии фронта. Его окликают: мол, чего он еще там ищет, но он лишь отмахивается.

Наконец он достигает покинутой позиции в песчаной промоине, и теперь ему еще и повезло. К нему приближается какая-то машина, которая хочет забрать орудие. Теперь он может прицепить к ней свои сани. Он поднимает товарища — 17-летний де Вит такой легкий, что он без труда берет его на руки и кладет в сани; Динтер и Витушек уже тяжелее. Потом странный буксир громыхает обратно. Но продвижение дается медленно и с трудом. Орудие скользит туда-сюда, так что в конце концов сани переворачиваются. Нергер спрыгивает. У водителя, однако, уже нет времени, ему нужно спешить, если он хочет вовремя привезти свой автомобиль в укрытие.

Нергер отвязывает сани, снова кладет на них убитых и сам впрягается спереди. В предрассветных сумерках он приходит с Витушеком, Динтером и де Витом в командный пункт роты.

На новой передовой линии рота может установить лишь четыре орудия. На протяжении четырех дней враг разведгруппами зондирует новые позиции и прочесывает местность гранатами. Руитера и Буттингера тяжело ранило таким вот шальным осколком, и они позже погибают от ран в лазарете. Хорошо, что человек не знает своей судьбы, и это сейчас, прежде всего, касается Бутса.

А пока что Муйман и Бутс радуются небольшой передышке и добывают из подстреленных танков русские

спецпайки — ведь в то время как советские пехотинцы питались лишь пшеничной крупой да сырой рыбой, «спецы» — танковые экипажи — снабжались великолепно.

На той стороне снова что-то начинает шевелиться. Но перед бедой на истребителей танков снова сыпется дождь из наград: Железный крест 1-го класса для командира взвода Фельдта и неустанного санитара Купера, Железный крест 2-го класса для Бутса, Фектера, фон дер Вея, Бенцингера, Вольферена, Ваарденбурга и Хиссига. Теперь все солдаты из орудийных расчетов Бутса и Муймана имеют на груди черно-бело-красные ленточки. С Ваарденбургом из расчета Муймана прямо на глазах происходит удивительная перемена. Раньше его называли не иначе как просто «сапожник», потому что он чинил сапоги всей роте, теперь его зовут только «штурмманн Ваарденбург» — и он рьяно следит за тем, чтобы так оно и оставалось впредь.

Четыре дня потребовалось большевикам для того, чтобы снова начать атаку на этот тяжелый участок суши, переход к Шлиссельбургу. Чуть забрезжил рассвет 22 февраля, отдельные выстрелы прекратились, и на немецкие окопы обрушился самый настоящий, продолжительный ураганный огонь.

Расчеты Бутса и Муймана сидят в своих бункерах и слушают этот концерт. Кошмар, просто кошмар! Вдруг в бункер врывается часовой орудия: «Три танка сзади из леса!»

Теперь, кажется, пришел конец. Прямо рядом с ними, чуть ли не впритык, стоят три танка и обстреливают дорогу на Бирму. Как хорошо, что орудие установлено глубоко и замаскировано, — Муйман спешит со своими верными товарищами мимо танков к орудию — сто пятьдесят метров.

А там — снова сюрприз: с другой стороны наступают сразу пять танков!

Взгляд на Бутса: он меж тем со своими солдатами уже достиг орудия и направляется прямо. Значит, мы поворачиваем! Ствол с двадцатью кольцами из обрывков маскировочного халата описывает полукруг. Непросто крутить тяжелую пушку на пригорках, ведь ступицы колес со-

всем заледенели. Всей своей силой солдаты наваливаются на орудие. По их лицам, несмотря на мороз, градом льется пот.

Впоследствии они уже не могут вспомнить, сколько прошло времени до того момента, когда прозвучал первый выстрел. Они помнят только, что попали. Муйман снова подбил два танка, третий удрал. Бутсу на этот раз больше повезло, его жертвами стали три «Т-34».

Облегченно вздыхая, они оглядывают дымящиеся стальные руины — в этот раз было ужасно, по-настоящему ужасно. Сейчас они даже не могут радоваться своему успеху, потому что преодоленная опасность еще сдавливает горло.

Лишь теперь они осознают, что вражеская артиллерия все еще ударом за ударом покрывает их позиции. Они ползут в укрытие, прижимаясь к земле; у каждого орудия для наблюдения остается только по одному человеку.

И тут снаряд попадает прямо в орудие Бутса. Над ним поднялось похожее на пинию облако дыма от тяжелой гранаты. В снег вокруг шлепаются куски земли. Теперь там появляется чья-то фигура, покачиваясь, идет к орудию, склоняется над щитком...

Муйман бросается туда. Ему навстречу уже идет Бутс, повисает у него на плече. Сквозь его куртку сочится кровь.

«Все остальные — убиты, — простонал он, — все трое убиты, орудию крышка».

Молча они склоняются над товарищами — ах, ван дер Вей, только вчера ты был уверен, что это наш последний бой и нас сменят, как ты был прав, — а вот лежит Артс, милый паренек, и Фектер...

Муйман бросает взгляд на Бутса. «Мой осколок в руке не так страшен». Затем они обследуют орудие. Оптика разбита, одно колесо оторвано. Сейчас тут ничего не сделаешь.

«Давай», — говорит Муйман, и они идут ко второму орудию. Когда они подходят, товарищи сидят вокруг Хиссинга, у которого оголена рука. Ему только что наложили временную повязку, и она уже окрашивается в красный цвет. Потом Хиссинг отпрашивается у командира орудия

в медпункт. Теперь они перевязывают Бутса. Бутс не хочет в медпункт, он не хочет идти к ним, как единственный выживший из своего расчета. Поэтому он добровольно занимает место Хиссинга в расчете Муймана.

Это последняя битва на Неве. Через два дня рота получает приказ вывести из боя последние два орудия и отступить на Мгу. Командир, однако, еще успевает на позиции вручить Бутсу Железный крест 1-го класса.

Когда солдаты на вокзале во Мге уже ждали поезда, к ним вдруг с ревом подъехал мотоциклист. Они нас, что, снова забирают?

«Где Муйман?»

«Это я, оберштурмфюрер!»

«Завтра явитесь в командный пункт стрелковой дивизии, понятно?»

«Так точно, оберштурмфюрер». «Что им там от меня нужно, мне что, придется одному здесь остаться?» — думает он.

* * *

26 февраля 19-летний штурмманн Муйман, сирота из голландской столицы Гааги, ученик слесаря, доброволец легиона СС «Недерланд», стоит перед отделением, которое собралось, чтобы отдать ему честь. Командир дивизии подходит к нему и надевает ему на шею Рыцарский крест ордена Железного креста, которым его наградил фюрер.

«В моей дивизии все знают о вас, солдатах легионов, и каждый признает ваши заслуги». Эти слова относятся к Муйману, но также и ко всем остальным — Бутсу и Нергеру, Фельдту и Хаугу, и, прежде всего, они относятся к погибшим, которые лежат сейчас там, под Ленинградом.

Так сражалась противотанковая артиллерия легионов...

ПК-СС

Эти прорывы принудили к отступлению на линию Митау — Штокманнсхоф — Дорпан, при этом VI корпус с 19-й дивизией и двумя армейскими дивизиями находился посередине. III танковый корпус в середине сентября с боями отошел на линию Феллин — Пернау (между Чудским озером и Рижским заливом). Все еще сохранялась опасность окружения.

Контрудары группы армий «Центр» во второй половине сентября принесли некоторое облегчение. Войска продвинулись по обе стороны литовско-курляндской границы до Шауляя — Митау и заграждали узкий переход южнее Рижского залива. Но уже в октябре наступила перемена: атаки 1-го и 2-го Балтийского фронта русских разбили нашу оборону от Мемеля до района севернее Шауляя. Противник достиг Балтийского моря и таким образом, отрезал Восточную Пруссию от Курляндии.

Положение восточнее Рижского залива стало критическим. Могли ли мы прорваться в Курляндию или и тут наши дивизии были бы сброшены в море? Дивизия «Нордланд» III танкового корпуса двинулась в южном направлении на Ригу, а дивизия «Недерланд» этого же корпуса — в юго-восточном направлении на Вольмар, чтобы позволить левому флангу группы армий уйти в Курляндию. Потом корпус с несколькими армейскими дивизиями прикрывал отступление на Двине и завернул на Курляндский фронт.

Нужно было выстроить линию обороны Либау — Ауце — Туккумс. Этим маневрам помешали новые вражеские атаки 3-го Балтийского фронта с юга через Кеккау и восточнее его. Из арьергардных боев III корпус СС с «Нордланд» был выведен в район Балдон, где он вместе с армейскими дивизиями выступил заслоном от русских войск вдоль Двины. Потом он был задействован западнее, напротив Добеле.

Русские переместили направление основного удара на запад; в районе Либау в конце 1944 года против 18-й

армии развернулись оба первых Курляндских сражения. III танковый корпус СС был переправлен по морю в Померанию для последних боев, в то время как VI корпус с 19-й дивизией в составе соседних слева войск 16-й армии остался в обороне.

Основной состав 20-й эстонской дивизии был уничтожен в боях в Эстонии; часть солдат осталась дальше воевать на родине в качестве партизан. Из остатков в Германии была снова сформирована дивизия.

КОНЕЦ БОЕВ В КУРЛЯНДИИ

Здесь уже было невозможно выиграть сражение. Курляндские войска сдерживали превосходящие по силе войска противника, которые тем самым не могли быть задействованы в другом месте. Но это было все, чего можно было достичь. Без надежды на спасение курляндские части обреченно принимали на себя все атаки врага.

Первые попытки русских в 1-м и 2-м Курляндских сражениях сбросить в море правый фланг, 18-ю армию, потерпели неудачу. Около Рождества 1944 года началось 3-е сражение. Удар пришелся по левому флангу 16-й армии, в районе Туркума, особенно — по 19-й латвийской дивизии СС и ее левому соседу, воздушно-пехотной дивизии. Участок этой дивизии был прорван, по 19-й ударили с тыла; она была вынуждена из последних имевшихся сил защищать фланг. Дивизия держалась и закончила бои контрударом, совместно с дивизией люфтваффе и двумя армейскими танковыми дивизиями под командованием VI корпуса СС. Битва закончилась победой.

4-е Курляндское сражение тоже принесло успех латышской обороне.

Удар в 5-м сражении снова был направлен против западного соседа, 18-й армии. После неудачи, в марте 1945 года основной удар был направлен восточнее, в район Фрауенбурга. Глубокие вклинения справа, рядом с VI корпусом СС, угрожали превратиться в прорыв. Корпус бросил 19-ю дивизию СС на свой правый фланг для контрудара: она смогла спасти ситуацию. Угроза был устранена. Затем наступила некоторая передышка.

3 мая поступил приказ гросс-адмирала Деница отступать к портам Либау и Виндау. Но для этого было уже слишком поздно. 8 мая Курляндский фронт непобежденным попал в плен.

ТАК СРАЖАЛИСЬ НАШИ ЛАТЫШИ!

Командный пункт 19-й ваффен-гренадерской дивизии: полк СС 43 сообщает, что русские прорвали на окраине леса у Кипаса оборону мотопехотного батальона и в составе одного полка находятся в лесу. Обороняющая населенный пункт 1-я рота получила приказ занять исходную позицию. Дивизия тут же пошлет для подкрепления резервный батальон, чтобы еще до наступления ночи устранить этот опасный прорыв. Командир мотопехотного батальона штурмбаннфюрер Лауманис возражает по телефону: «Если мотопехотный батальон заварил эту кашу, то он ее сам и расхлебает». Офицер оперативного управления Генштаба не решается на такой эксперимент. После короткой артиллерийской и минометной подготовки в 19 часов должна начаться атака.

В 18.55 вокруг царит мертвая тишина, в 19 часов тоже. Мы звоним в артиллерийский полк: «Почему не стреляете?» Мы не верим своим ушам: «В Кипасе наши». Старшина возмущается: «Чепуха». Полк говорит: «Так точно, группенфюрер, это пехота сообщила!» Мы звоним в полк 43: «Так точно, нам звонили из Кипаса». Мы трем головы. Звонили?..

* * *

Вскоре все становится ясным. Отчаянность высшего разряда: на высоте ветряной мельницы, 1500 метров севернее Кипаса, на промежутке в линии фронта, недалеко от боевой группы Барта, сидел унтершарфюрер Рикштинс с десятью пехотинцами и одним связным, в качестве разведгруппы, с заданием вести наблюдение и при появлении врага отойти. Он видел бой своего батальона, теперь он наблюдает, как три танка, несколько противотанковых орудий и пулеметов устанавливаются в населенном пункте для обороны. У него впечатление, что русские, зная о находящихся перед ними в лесу собственных войсках, чувствуют себя очень уверенно. После этого он пробирается со своими солдатами вдоль окраины леса, они врываются, вооруженные автоматами и ручными гранатами, в деревню и выбивают из нее русских, он распределяет своих солдат по танкам и за тяжелыми орудиями и начинает огонь изо всех стволов по лесу. Охваченный дикой паникой, русский полк бежит из лесу, мимо деревни и прямо на огонь солдат Рикштинса. Остатки спасаются бегством. Это произошло в 18.35. В 18.55 снова уже наступила тишина. Самым хладнокровным же поступком был приказ связному: в то время как они пробирались по лесу, он должен был перенести линию связи с высоты в деревню.

* * *

Через некоторое время мы снова все вместе сидим в командном пункте дивизии, среди нас и Рикштинс с только что врученным ему Рыцарским крестом.

Кажущийся чуть ли не стеснительным, неприметный молодой школьный учитель, с рыжевато-светлыми волосами, щуплого телосложения. Но самогонку он пьет как воду, как и все наши латыши. Что он думал себе тогда, спрашиваем мы его. «В этой деревне находилась моя рота». Но почему он с такой уверенностью приказал переложить линию связи? Он удивленно смотрит на нас: «Вы что думаете, я должен был позволить собственной артилле-

рии стрелять мне в лоб? Кроме того, боеприпасов жалко...» Командир артиллерии, наш «мастер по экономии боеприпасов» Гравелис, пьет за его здоровье. И Рикштинс понимающе улыбается. Ибо в Курляндии не хватает боеприпасов — как и продовольствия, а также и людей. Ощущение конца. Но он думает так же, как и другие латыши, которые воюют вместе с нами: «Мы будем защищать Родину до последней капли крови».

Они действительно так сделали. Они были последними европейскими воинами Второй мировой войны, их боевая группа погибла в районе Талзена весной 1945 года. Мы гордимся вами, товарищи!

Формирования 1944 года

Штабы корпусов: IV танковый корпус СС, Гилле — IX корпус СС, фон Пфеффер — Вильденбрух. Штабы XI—XIV, XVIII корпусов СС, из резервных войск лишь в конце года.

Дивизии: 17-я танково-гренадерская дивизия СС «Гетц фон Берлихинген».

18-я танково-гренадерская дивизия СС «Хорст Вессель».

24-я горная дивизия.

19-я ваффен-гренадерская дивизия СС (латышская).

20-я пехотно-стрелковая дивизия СС (эстонская).

21-я пехотно-стрелковая дивизия СС (албанская).

22-я стрелково-кавалерийская дивизия СС (венгерская).

27-я пехотно-стрелковая дивизия СС «Лангемарк» (фламандская).

28-я пехотно-стрелковая дивизия СС (Валлония).

29-я пехотно-стрелковая дивизия СС (итальянская).

30-я пехотно-стрелковая дивизия СС (белорусская).

Итого 10 штабов корпусов с 19 дивизиями, из них 16 — с представителями негерманских европейских стран.

Тем самым численное соотношение германских и европейских соединений изменилось в пользу европейских частей СС.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ. 1945 год

После неудачи Арденнского наступления в начале 1945 года на Западном валу и в Саар-Пфальце в обороне находилось восемьдесят, хотя и сильно потрепанных, немецких дивизий. Лишь у Ахена на Западном валу зияла брешь. Однако оперативные резервы были уже довольно слабыми.

После американско-французского наступления в ноябре 1944 года через Заберн на Страсбург Рейнский фронт был довольно беззащитен для неожиданных атак. Поэтому задачей главнокомандующего резервной армией Г. Гиммлера было построение линии обороны. Для этого сначала в распоряжении находились лишь гарнизонные войска Западного вала, дивизия прикрытия и резервные войска. Из них и из пограничников, восточных батальонов, народного ополчения и зенитных подразделений под руководством вновь образованных штаба XIV корпуса СС (генерал полиции фон дем Бах-Зелевски) и штаба XVIII корпуса СС (генерал полиции Рейнефарт) была сформирована группа армий «Оберрейн» («Верхний Рейн») под командованием Г. Гиммлера. Начальником генерального штаба был Остендорфф. Войска СС сюда не входили.

В это же время из резервных войск были сформированы еще один или два штаба корпусов, которые были задействованы на Западном фронте. Командующим ге-

нералом XII корпуса СС временно был Кляйнхейстеркамп (в 1945 погиб на Восточном фронте) и генерал (армии) Блументритт (о XIII корпусе СС см. ниже).

Г. Гиммлеру показалось нецелесообразным то, что войсковые части на плацдарме Кольмар западнее и восточнее Рейна были подчинены разным группам армий, он запросил и получил — хотя и с задержкой — в начале декабря в свое подчинение 19-ю армию. Части из Радольфцелля (школа СС для унтер-фюреров и резервный батальон) были временно задействованы в боях на плацдарме Кольмар.

Части из соседней с севера группы армий «G.» в новогоднюю ночь 1945 года предприняли наступление из района Битша с ограниченной целью, чтобы вернуть северный Эльзас и остановить вражеские силы. В этих боях в Вогезене участвовала 6-я горная дивизия СС.

Гиммлер предложил продолжить это наступление дальше в южном направлении за Рейном. К сожалению, Верховное командование согласилось с этим предложением. Направление войск было изменено, была подведена дивизия СС «Фрундсберг». Удалось увеличить участок западнее Рейна, у Герресхайма. Французско-американское наступление на Кольмарский плацдарм началось 20 января и лишь 9 февраля достигло Рейна.

Примерно в то же время началось немецкое наступление с целью, ограниченной участком между Вогезами и Рейном, проводимое четырьмя ударными группами 1-й армии, среди которых был и «Фрундсберг», в результате чего была возвращена территория до Модера у Хагенау. Ожидание решающих атак на северные группы армий, к сожалению, не дало продолжить это многообещающее наступление.

23 января Г. Гиммлер передал командование группы армий «Верхний Рейн» восстановившемуся Хауссеру.

Гиммлер перенял на Восточном фронте командование группой армий «Висла» с Ламердингом в качестве начальника штаба. Жесткая критика деятельности Гиммлера в качестве главнокомандующего в книге Вестфаля «Армия в оковах» полностью оправданна. Опытный Остендорфф, однако, где возможно, компенсировал ошибки.

28 января участок «Верхнего Рейна» был совмещен с участком группы армий «G.» (до этого — генерал-полковник Бласковиц; теперь перешел в группу армий «Н.») под командованием Хауссера, начальник Генерального штаба — генерал-майор Штедтке. Штаб XIV корпуса СС и командующий генерал XVIII корпуса СС Рейнефарт последовали за Гиммлером на Восточный фронт. Сам штаб этого корпуса остался под командованием Кеплера на фронте Верхнего Рейна.

К этой группе армий принадлежали в Саар-Пфальце 1-я армия со штабом XIII копуса СС под командованием Симона, в том числе дивизия СС «Гетц фон Берлихинген» под командованием Клингенберга восточнее Сааргемюнда, между Западным валом и линией Мажино, и 6-я горная дивизия СС под командованием Бреннера в Вогезах южнее Битша (штаб XC корпуса, генерал воздушных войск Петерсен).

В конце января территория, захваченная во время Арденнского наступления, была снова потеряна, стала очевидной неудача наступления и сильный износ последних оперативных резервов. И все же немецкая западная армия все еще стояла везде на Западном валу или восточнее его, за исключением района у Ахена. 1-я армия удерживала Западный вал, начиная с района южнее Трира и вдоль Саара, далее, западнее вала, Вогезы до Хагенау и Модер до Рейна. 6-я горная дивизия СС прибыла в боеспособном состоянии из Финляндии, ди-

визия СС «Гетц фон Берлихинген» хотя и была измотана, но на нее можно было полностью рассчитывать.

Предстояло наступление на территорию рейха. Его точное время было еще неясным, основной удар, как можно было предположить, должен был быть направлен против внутреннего фланга группы армий «Н.» и «В.» (Б л а с к о в и ц, Модель) на район Рура.

Англо-американские удары начались один за другим: в начале февраля — южнее Ахена, 9 ферваля — из Неймегена против 7-й армии. Район Саар-Пфальца сначала не лежал на линии основного удара. Заблаговременно было принято решение вывести обе дивизии СС с линии фронта в качестве боевых резервов.

С горной дивизией это удалось сделать; с «Гетц фон Берлихингом» помешало развитие событий.

6 февраля позиции дивизии «Гетц фон Берлихингем» подвергались постоянным атакам. Они привели к контратакам, что, однако, не изменило значительно линию фронта.

Начиная с 20 февраля последовали клещеобразные атаки 3-й армии США на внутренний фланг групп армий «В.» и «G.», на слабую 7-ю армию и на участок фронта, выдающийся на запад за Саар, на северном фланге 1-й армии. Американцам удалось совершить прорыв между Мозелем и Сааром, пересечь Саар и, позднее, взять Трир с юга.

24 февраля началась крупная наступательная операция против группы армий «В.» Моделя. Ее исход тут же должен был отразиться на южной группе армий «G.». На участке 7-й армии, теперь подчиненной группе армий «G.», были совершены прорывы — 25 февраля у Прюма, 6 марта на Килле, при этом значительная часть армии уничтожена. 7-го ночью на участке группы армий Моделя во вражеские руки невредимым попал мост через Рейн в Ремагене.

Теперь нужно было защищать Мозель и удерживать позиции. Для этого в этот район наконец прибыла 6-я горная дивизия СС. Однако потом она была освобождена от этого задания, чтобы по приказу Верховного командования 7 марта провести наступление из Осбургского Хохвальда через Рувер в тыл американских войск, которые продвинулись за Трир. После начальных успехов это наступление потерпело неудачу, из-за чего дивизия оказалась на неудобных позициях. Лишь части ее смогли принять потом участие в боях за нижний Мозель 14 и 15 марта, где противнику удалось переправиться через реку.

От Неймегена до Кобленца враг стоял на Рейне, у Ремагена уже по ту сторону реки. Лишь группа армий «G.» сражалась дальше на западе, где фронт описывал выпуклую дугу, в Саар-Пфальце. Любые предложения об отступлении, чтобы потом с помощью боеспособных частей защищать Рейн, отклонялись.

Рок событий уже невозможно было остановить.

15 марта началось концентрическое наступление на эту группу армий 7-й армии США: через Мозель, на западе через Саар и на юге между Саарбрюккеном и на восточных окраинах Вогезов с целью прорыва на Кайзерслаутерн.

6-я горная дивизия СС удерживала плацдарм западнее Рейна у Боппарда, потом переправилась через реку и заградила переправу.

Дивизия СС «Гетц фон Берлихинген» еще 16 и 17 марта находилась южнее Западного вала, потом отступила между Гамбургом и Пирмазенсом, 21-го с боями пробилась сквозь Пфальцский лес, чтобы потом заградить выходы из этого горного лесного массива.

Эти бои были полны критическими ситуациями. Постоянно приходилось бороться с танковыми вторжениями и предотвращать окружение. Нельзя было избежать потерь техники. Несмотря на это, удалось не потерять

связь с другими войсками и предотвратить прорыв на Кайзерслаутерн. Южный фланг 1-й армии пострадал относительно мало.

Штаб XIII корпуса СС принял на себя задачу переправы через Рейн у Гермерсхайма — сложная задача, поскольку нужно было обеспечить уход тяжелого отделения «тигров», при этом вовремя взорвав мост.

23 марта враг в бою со слабейшими заградительными войсками обеспечил себе неожиданную переправу через Рейн у Оппенхайма. Таким образом, борьба западнее Рейна потеряла смысл. Несмотря на это, Верховное командование настояло на удерживании предмостного укрепления на западном берегу. Однако удерживать его уже было невозможно; последние части покинули его 24 марта. На следующий день стал возможным отвод «Гетца фон Берлихингена» для короткого пополнения восточнее Рейна, так что в конце месяца эта дивизия снова находилась в распоряжении 1-й армии на правом ее фланге в составе XIII армейского корпуса. Ее командир К л и н г е н б е р г погиб еще на левом берегу.

В общих чертах события развивались следующим образом.

На севере 23 и 24 марта был пересечен Рейн между Везелем и Дуйсбургом, а также севернее этих городов.

Наступление с плацдарма Ремаген началось 25 марта. Оно было направлено на восток (Марбург — Гисен) и на юго-восток через Лимбург на Франкфурт. Этот удар помешал отступлению 6-й горной дивизии от Рейна через Таунус для состыковки с 7-й армией. Тем самым дивизия была отрезана от остальных войск и уничтожена; лишь ее части, в том числе и командир, сумели прорваться на восток.

Между 7-й и 1-й армиями разверзлась брешь, через которую двинулся вперед враг. К концу месяца 1-я армия отступила — удерживая при этом Рейн на левом фланге, где осталась и 19-я армия, — через Оденвальд

до излучины Майна у Мильтенберга, позже до Таубера — Ягста. Штаб XIII корпуса СС командовал на участке у Дерцбаха на Ягсте, позже — у Мергентейма, штаб XIII армейского корпуса с дивизией СС «Гетц фон Берлихинген» — южнее этого района. Здесь она должна была возглавлять удар по вражескому флангу, однако вследствие превосходящих сил противника вынуждена была уйти в оборону.

Дальше линия фронта проходила через Брухзаль до Карлсруэ. В этой ситуации главнокомандующий группой армий Хауссер был отстранен от исполнения своих обязанностей (начальник его штаба был отстранен двумя днями позже). Причиной этому послужили расхождения во взглядах относительно ведения войны западнее Рейна и последствия действий Верховного командования.

Общая обстановка была следующей: группа армий «В.» была окружена в Рурском районе. В описании боев восточнее Рейна английские источники упоминают успешные оборонительные бои частей СС и парашютных войск на Дортмундско-Эмсском канале до 6 апреля и восточнее Везера у Ретема в середине апреля. Какие именно это были части, неизвестно.

В центральной части Германии большие вражеские войска пересекли Везер и Верру. У нас уже не было сплошной линии фронта. 7-я армия вела отчаянные оборонительные бои, не имея достаточно сил. Уже был недалек тот момент, когда ее остатки будут брошены в Рудные горы.

В Южной Германии большие вражеские силы достигли района Вюрцбурга. Здесь тоже не было достаточно сил для обороны. По обе стороны Неккара тоже находились вражеские войска, наступающие на юго-восток. 1-я армия до этого времени сумела не потерять связь с другими войсками, 19-я все еще находилась на Рейне. Обещанная Верховным командованием дивизия СС «Нибелунги» была только что сформирована в юнкер-

ской школе в Тольце и пока что не могла принять участие в боях.

Любая наступательная тактика ведения войны была исключена. Задача состояла лишь в том, чтобы сохранить связь между войсками, наносить время от времени короткие удары по вражеским флангам, задерживать вражеское продвижение и отводить собственные войска в юго-восточном направлении. Группа армий перестала быть оперативным соединением, стратегических задач не существовало. Меры Верховного командования явно показывали дезорганизацию, которая была увеличена превращением гауляйтеров в «рейхскомиссаров обороны».

Излишне, наверное, подробно описывать дальнейшее развитие событий вплоть до 8 мая. 1-я армия со штабом XIII корпуса СС, дивизиями «Гетц фон Берлихинген» и «Нибелунги» отступила южнее Майна сначала на восток, потом в южном направлении с обеих сторон Нюрнберга до Альп. Битва в так называемой Альпийской крепости не была подготовленной. Мысли о ней лишь витали в воздухе. Некоторые боевые группы, такие как горный батальон Галлейна, остатки юнкерской школы в Тольце и другие, еще приняли участие в затяжных боях. Большое количество войсковых частей рейха прибыло сюда.

Некие подготовительные действия «Вервольфа» нельзя было принимать всерьез, они имели значение лишь для пропаганды.

Были предприняты меры, чтобы все подразделения СС выполнили условия капитуляции. Лишь некоторые отдельные личности ушли в горы. Военной техники, которую нужно было сдать, оказалось ужасающе мало; по оценке главнокомандующего Западным фронтом, у группы армий «G.» это составило 40 танков и 120 орудий.

События, развернувшиеся на участках группы армий «Н.»и «В.», здесь не описаны, поскольку в их составе не

сражались крупные подразделения СС. Группа армий «В.» была взята в Рурский котел. Северная группа армий «Н.» была подчинена вновь сформированной группе «Нордвест». Остальные войска, то есть группа армий «G.», были подчинены главнокомандующему Западного фронта, который капитулировал 5 мая.

К началу июля 1945 года около 600 000 солдат, находившихся в его распоряжении, были отпущены на свободу. Все генералы, офицеры Генерального штаба армии и все служащие ваффен СС попали в военный плен.

КАПИТУЛЯЦИЯ В ИТАЛИИ

Верховный командующий СС и полиции в Италии К. Вольфф сыграл здесь, совместно с немецким послом, решающую роль. Здесь излишне приводить детали событий. Первая встреча с представителями союзников состоялась в марте в Швейцарии. Адольфу Гитлеру было известно о подробностях этого мероприятия; он не дал своего явного соглашения на него, а впоследствии запретил. Несмотря на это, главнокомандующий войсками в Италии генерал-полковник фон Витингхофф 29 апреля согласился на капитуляцию с 3 мая.

В его области подчинения находились более или менее уже прошедшие подготовку новые формирования Ваффен СС, такие как:

24-я карствер-егерская дивизия;

29-я добровольческая пехотная дивизия Италии;

высокогорная школа СС в Предаццо;

военно-геологический батальон Ваффен СС;

восточно-туркестанская и кавказская части Ваффен СС;

некоторые боевые соединения, а также, в конце, части соединений, задействованных на Балканах.

Немецкие остатки 24-й карствер-егерской дивизии, части юнкерской школы Клагефурт и резервный батальон дивизии «Принц Евгений» с несколькими зенитными группами до 6 мая 1945 года препятствовали прорыву английских сил по дороге на Филлах, в то время как другие части заграждали перевал Предил от войск Тито. Тем самым они прикрывали отход немецких частей на север.

ОБСТАНОВКА К ЮГУ ОТ КАРПАТ

На Балканах дивизии СС «Принц Евгений», «Хандшар» и «Скандербег» в составе группы армий Лера сражались на очевидно безнадежных позициях.

О боях последних двух дивизий деталей не сохранилось.

«Принц Евгений» все больше начинал играть роль последнего боевого подразделения группы армий, которому постоянно приходилось спасать ситуацию. Если везде боеспособность войск падала, то здесь было по-другому. Немцы из сербского Баната яснее представляли себе ситуацию. Они знали, что им предстоит. Но и командование дивизии сыграло в этих успехах особую роль.

В начале года основной состав дивизии с особым успехом и воодушевлением устранил глубокий прорыв восточнее Отока.

Потом местом ее боевых действий стал словацкий район между Савой и Дравой. Облегчение для ведущих тяжелые бои севернее Дуная немецких войск принесло наступление дивизии в середине января в составе XXXIV корпуса (Фелми) из района Оток — Вуковар на сильные войска русских и Тито.

Кумм принял на себя командование «Лейбштандартом». Его преемником стал Шмидхубер.

Противник сумел частично уйти через Дунай на север. Были захвачены большие трофеи.

В следующей операции, непосредственно под командованием группы армий, в марте, в районе Зеница — Травник, в ста километрах южнее Савы, удалось спасти уже ставшее там критическим положение. Другие части дивизии освобождали армейские части между Мостаром и Сараево. После боев преследования до Фочи на черногорской границе начались отступательные маневры до района Брода на Саве. Дивизия была вынуждена постоянно обеспечивать отступление других частей, в качестве арьергарда XXI корпуса прикрывать тыл или отражать вражеские атаки с флангов. То же самое повтрилось и у Брода под командованием XXXXIV корпуса и в конце апреля западнее Аграма и Карловаца. Атаки проводились постоянно, с прежним воодушевлением. Так продолжалось до 8 мая, дня капитуляции. Поскольку противник не соблюдал достигнутых договоренностей, арьергардные бои под командованием XIC корпуса затянулись до 15 мая. Лишь в эти последние дни отстатки немецких войск после сражений у Цилли прорвались на Крайнбург и Филлах. Основная масса войск попала в плен.

Дивизия «Принц Евгений» служила опорой и образцом для подражания во время боев. Ее стойкость и дух самопожертвования сыграли большую роль в счастливом возвращении многих частей.

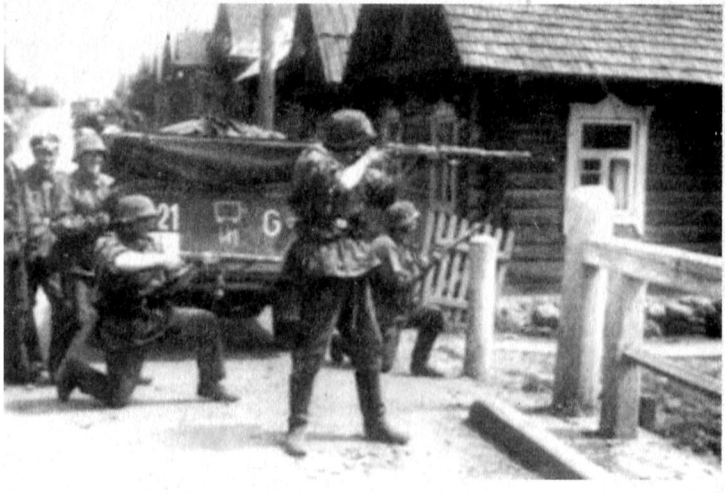
ВЕНГРИЯ

IV танковый корпус СС под командованием Г и л л е в декабре 1944 года участвовал в боях в группе армий «Центр», Рейнхардт, 2-я армия, Вайсс, восточнее Модлина.

Кавалеристы-разведчики на марше. В конном строю по российским дорогам передвигаться удобнее

Кони среди танков – обычное зрелище, особенно на Восточном фронте

Пулеметный расчет в действии



Соревнование в меткости: стрельба по живым мишеням

Пауль Хауссер, командующий 1-м танковым корпусом СС, на башне PzKpfw III. Март 1943 г.

Солдат СС снимает войну на кинокамеру

Солдат войск СС
в России

Снайпер-эсэсовец.
Восточный фронт,
1941 г.

На Курской дуге. Июль 1943 г.

Солдаты дивизии «Мертвая голова» во время битвы за Курск

Солдаты войск СС на PzKpfw входят в Харьков.
Март 1943 г.

Ваффен-СС в направлении на Харьков. Март 1943 г.

Генрих Гиммлер поздравляет участников Харьковской операции с успешно выполненным заданием. Весна 1943 г.

Офицеры СС «обмывают» награды, полученные за сражение при р. Миус. Август 1943 г.

Войска СС в бою

Ракетная установка Nebelwerfer готовится дать залп
в сторону русских войск

Слева направо: Шлинк, группенфюрер Крюгер, оберштурмбаннфюреры Зарг и Сильвестр Штадлер. Декабрь 1943 г.

Пулеметный расчет на позиции. Западный фронт, осень 1944 г.

Войска СС в Арденнах. Декабрь 1944 г.

Кадр из американского пропагандистского фильма, показывающий вооруженных до зубов солдат Ваффен-СС

Зепп Дитрих, командующий 6-й танковой армией СС.
Венгрия, 1943 г.

Зепп Дитрих награждает солдат СС
за отлично выполненное задание

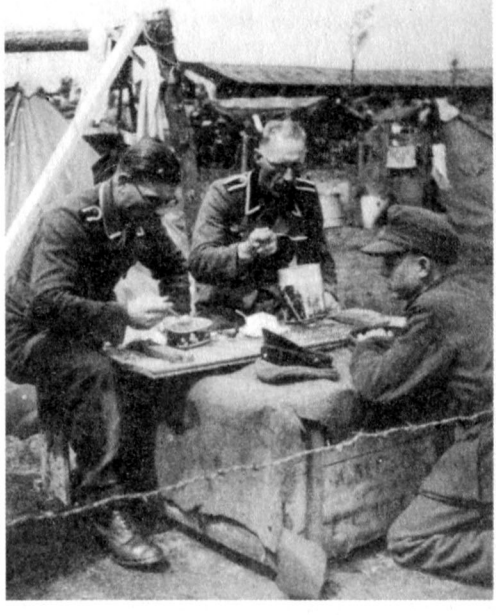
Выбитые из сил солдаты Ваффен-СС готовятся встретить атаку Красной Армии. Они лишь надеялись оттянуть неизбежную катастрофу

Последние месяцы войны

Начало 1945 г. Солдаты СС из 6-й танковой армии на PzKpfw IV. В это время снабжение продовольствием и вооружением было совсем негодным

Войска СС в Праге. Последняя их миссия в мае 1945 г. заключалась в спасении немецких беженцев от наступающей Красной Армии и чешских партизан

Апрель 1945 г. Подбитый Sdkfz 251
на одной из улиц Берлина



В плену. Май 1945 г.

Будапешт был окружен. Без ведома Главного командования армии (Гудериан) Верховное командование вермахта 24 декабря отдало приказ перебросить штаб корпуса с дивизиями «Тотенкопф» и «Викинг» в Венгрию и освободить Будапешт. Передний край немецкого фронта проходил тогда от озера Балатон через Штульвайсенбург, Мор, за рекой Альталь, у Татабаньи, до Дуная восточнее Комарно.

Корпус, подкрепленный 6-й танковой дивизией, 96-й пехотной дивизией, позднее — 711-й пехотной дивизией, а также боевой группой Папе и венгерской кавалерией, вошел в состав группы армий «Юг», Веллер, 6-я армия, Бальк, и был высажен у Рааба и Комарно. Основная масса прибыла 31 декабря.

Войска были развернуты по обе стороны Дуная восточнее Комарно. Дивизии, справа — «Викинг», слева — «Тотенкопф», должны были совершить прорыв между Татабаньей и Дунаем, «Тотенкопф» — сначала продвинуться вперед на Дунае, потом обе дивизии должны были двинуться в юго-восточном направлении по лесной местности северного массива гор Вертеш и достигнуть их восточных окраин у Бичке — Жамбека. Соседняя дивизия слева должна была пересечь с северного берега Дунай, облегчить продвижение других дивизий ударом в тыл противника и потом охранять левый фланг.

В качестве второй цели был запланирован Будапешт.

Наступление началось 1 января 1945 года, в 18 часов, без артиллерийской подготовки. Выходы из гор были сильно заминированы; дороги были перекрыты многочисленными противотанковыми заграждениями. Несмотря на это, первые цели атаки были быстро достигнуты. После этого продвижение вперед было замедлено вражескими контрударами в лесу, особенно по открытым флангам. 5 января была достигнута линия Бичке — Жамбек. Вражеское сопротивление становилось

все сильнее. Начались контратаки, так что наступление в конце концов пришлось прекратить. Соседние войска не проследовали за дивизиями; охрана флангов съедала слишком много сил.

Оборонительные бои продолжались до 9 января. После этого штаб корпуса решил вывести из боя значительные части «Викинга» и задействовать их на внешнем фланге над Гроном (711-я пехотная дивизия) для наступления через горы Пилис на Будапешт.

Это наступление удачно началось вечером 10 января; 11-го был взят Пилисценткеречт. Замаячила надежда подать руку помощи войскам в Будапеште. Расстояние до него составляло примерно двадцать километров. И тут армия приказала прекратить наступление. Попытки заставить отменить этот приказ потерпели неудачу. Группа армий хотела провести новое наступление из района севернее озера Балатон. Туда по заледенелым дорогам были направлены обе дивизии СС начиная с 14-го числа.

1-я и 3-я танковые дивизии армии здесь были подчинены штабу корпуса.

До 18 января в районе между озером Балатон и Берхидой были развернуты войска в следующем порядке: 3-я танковая дивизия — «Викинг» — «Тотенкопф» — 1-я танковая дивизия.

Наступление началось 18 января в 4.30 утра. Противник оборонялся ожесточенно. Минные поля, заряженные электичеством заграждения замедляли продвижение, так что вторжение во вражеские линии удалось лишь к вечеру. Дальнейшее продвижение произошло веерообразно: дальше всего сначала прошел «Викинг»; 19-го дивизия пересекла канал у Калоца. 20-го правый фланг — 3-я танковая дивизия — достигла Дуная. 21-го 1-я танковая дивизия взяла Штульвайсенбург. 23-го «Викинг» достиг Дуная у Адони. Бои дивизии проходили тяжело и не без кризисов.

25-го корпус, повернутый на северо-восток, на Будапешт, стоял на реке Фоли между Дунаем и Валом. Вражеские атаки усиливались. Мнения штаба корпуса и армии по поводу продолжения наступления разошлись. Первый хотел наступать на Будапешт, где сопротивление казалось более слабым. Армия требовала продолжения наступления в северо-западном и западном направлениях, где была замечена подготовка сильных вражеских войск западнее реки на нашем левом фланге.

Ожидаемое вражеское наступление сильными танковыми войсками последовало 29 января из Вертеша-Аска, по нашему флангу был нанесен глубокий удар. Развернулось большое танковое сражение у Петтенда. Благодаря мужеству добровольческого батальона СС «Норге» (норвежцы) было предотвращено развертывание вражеского фронта. Было уничтожено примерно двести танков.

Начиная с 30-го вражеские атаки распространились и на 2-ю танковую армию южнее озера Балатон.

Поскольку позиции уже невозможно было удерживать, корпус вынужден был отступить по обе стороны озера Веленце на запад. Район от озера Веленце до Цамолы оставался в наших руках.

12 февраля пал Будапешт.

Постепенно наступило спокойствие, которое длилось до 16 марта, когда, после наступления 6-й танковой армии СС, судьба сделала новый поворот.

БРАТСКОЕ СЕРДЦЕ

Не наступило ли время наконец вспомнить вас, тех, кто так неустанно и с часто нам непонятной готовностью к бою были рядом, хотя у нас для вас иногда оставалось только одно слово, которое нередко звучало несколько пренебрежительно: вы были «пособниками» — людьми, готовыми помочь, нет, больше — людьми, готовыми на

жертву, только в жизни часто так бывает: там, где не говорят громких слов, не слышится и слов признания. А разговорчивостью вы не отличались, мы вообще с трудом понимали язык друг друга. Но когда трещали пулеметы, когда грохотали гранаты, когда вокруг нас взрывались земляные фонтаны или снег клубился от пуль, тогда мы, бывало, бросали друг на друга быстрый взгляд, видели ваши живые глаза и знали — мы понимаем друг друга и без слов...

Где ты теперь, верный Василий, Владимир, Григорий — или ты, Степан, с которым мы так много пережили вместе, чего я никогда не забуду... Где-то мы подбирали вас, на улице, когда вы только что собирались удрать на дачу, чтобы выкинуть свою форму в какой-нибудь окоп. Мы вытаскивали вас из какого-нибудь танка, и сначала между нами было лишь недоверие. Вернейшие наши соратники не стали перебежчиками — перебежчики редко хорошо сражаются, как тогда, так и сегодня, — нет, это были те, кого мы побороли в бою, не столько оружием, сколько человеческим отношением: взглядом, хлопком по плечу, парой добрых слов, открытым солдатским отношением, без втирания в доверие, — как здесь, так и там. И даже если вы потом оставались с нами, то каждый без слов делал то, что было его солдатской задачей, нашей, а теперь и вашей, так что вы становились частью нашего большого товарищества. Часто мы дивились на вас, вашей неустанности, вашей непритязательности. Конечно, везде были и неудачники — но стоит ли их вспоминать?

Степан! Друг! Помнишь ли ты еще, как в ночь после вашего взятия в плен вы вдруг вдвоем исчезли? Мы уже думали, что вы снова прибились к дедушке Сталину, ведь кому было смотреть за вами, пленными, у нас самих было вдвое меньше народу, чем у вас... И вдруг, около полуночи, я представляю эту картину, как будто все было лишь вчера: вы вдруг снова оказались у нас! Несмотря на часовых, которые стояли по краю деревни. Вы, вы, пленные, «организовали» кое-что поесть в соседней деревне, где стояли русские, для нас всех, потому что нам, «победителям», говоря простым языком, нечего было жрать. Бог ты

мой, это было тогда шоком. И вы все хитро провернули: с помощью пароля «Шарнхорст», который вы, братцы, как-то услышали, вы просто смылись от небольшой охраны и — самое сумасшедшее — вернулись назад. Жиденьким бульоном из свинины мы тогда скрепили наше оружейное братство. Но совсем скоро мы скрепили его и кровью, кровью первого из вас, который вдруг схватился за грудь и беззвучно упал в снег. Мы вроде бы с ним так ни разу и не обменялись ни словом, мы просто лежали все время рядом и стреляли...

Скоро снова 3 февраля! Помнишь ли ты еще, Степан, старый большевистский увалень, чертовски безумную идею тогда пойти на «мощную разведку» там, у Сычевки? Плохо пришлось бы нам всем — всему взводу, не задумай мы эту милую небольшую штуку. И потом — гоп! — и все пошло как по маслу! То, что не могли сделать тридцать человек на заснеженных, лишенных прикрытия полях, мы провернули очень просто, под сталинским кроваво-красным флагом, втроем на деревянных санях и в форме прославленной Красной армии. Слушай, у меня сердце чуть не выпрыгнуло из глотки, когда мы промчались через первую позицию в Карахо мимо тридцати солдат, которые как раз вроде получали приказы. Но ты так страшно крикнул что-то этим парням, что они, наверное, подумали, что к ним лично прибыл самых верховный из всех военных комиссаров. И мы засмеялись над тем, что старший товарищ продолжал отдавать честь, когда мы уже давно проехали мимо. Ну да ладно, у Вандера Вили уже под сеном рука была готова схватить пулемет, и все мы втроем были рады, когда наконец снова приехали к своим, которые уже списали нас на тот свет. Но стоило ли тебе, мой неугомонный товарищ, в придачу ко всему в одной из этих дыр заказывать жареную картошку, да еще и у старосты, когда каждую секунду мог кто-нибудь появиться? Ну, с теми тремя «товарищами», на которых мы там напоролись и которые хотели раздобыть картошку для своей роты в соседней деревне, мы еще справились. Только эти парни не хотели идти с нами; в конце концов, не стоит на них за это обижаться. Но потом они все-таки сидели смирно на на-

ших санях и даже не спрыгнули, когда мы встретили других на узкой дороге. Ты хотя бы тогда сказал «До свидания» на прощание? Я уже не припомню — у меня тогда что-то болел живот, — ведь в конце концов было чертовски безбашенным прихватить с собой еще этих трех парней. Ну, теперь один из них стал очень хорошим стрелком, в то время как другие отправились в лагерь для военнопленных.

Хотя все еще было совсем немного тех, кто добровольно переходил к нам, но в конце концов это было и к лучшему. Двумя годами позже, когда летом 1943 года развернулись большие кампании по вербовке, в этом деле стало уже слишком много пропаганды, и полевая кухня играла в ней главную роль. В одном вы не должны завидовать нам: вы выучивали немецкий в три раза быстрее, чем мы русский. После трех лет в России я все еще не знал ничего, кроме «масло», «яйца», «руки вверх» и «спички»... Не слишком много и не впечатляющее свидетельство моих интеллектуальных способностей. А вы, чертовы братья, у которых, несмотря на слои грязи, почти не было блох, вы учили немецкий, чинили моторы фольгой и веревками и грызли ногти, когда вас мучил голод.

Как мы смеялись, когда произошел тот случай с нарукавной повязкой. «Поцелуй меня в з...» — было написано на ней по-немецки, потому что Григория, который был слегка неуклюжим и слишком добродушным, все время посылали колоть дрова и принести воды. А вы, в конце концов, пришли к нам не в качестве домашних слуг. И почему парень в таком виде должен был показаться на глаза именно старшине? Он был, очевидно, командиром, но политического такта у него не хватало. «Почему вы не приветствуете меня!» — набросился он на бедного Григория на деревеской улице. «Никс понимай — украинский!»

Н-да, до нашего бедного старшины не дошло, что происходит, он ведь не знал, что мы между делом завербовали пару товарищей из Красной армии: ведь откуда-то нам нужно было брать подкрепление. И то, что они еще расхаживают в немецкой форме, чтобы не служить советским снайперам особой мишенью, этого он тоже не сообразил.

«И тут этот парень показывает просто свою нарукавную повязку, потому что не понимает меня. «Поцелуй меня в з...» Тут действительно растеряешься, что на это сказать...

Кроме того, как вы можете позволить, чтобы эти парни бегали вокруг с нашими государственными знаками!»

«Можем, штурмбаннфюрер. Если они сражаются наравне с нами, то наше товарищество не должно ограничиваться общим правом быть застреленным в бою, но должно распространяться и на каждую пуговицу, в том числе и на государственный знак».

Ну, в общем, впоследствии мы все стали хорошо понимать друг друга. Но горе было, когда приходил новенький, который нахватался политики из газет. Как только мы не бранились на эту теорию недочеловеков, которую сварганил кто-то шибко умный у себя дома на печке. Но принцип двух классов людей все еще жив, и все же мы можем себя успокоить: еще никогда такие теории не приводили к успеху, стоит только полистать исторические книги, неважно, пару страниц или несколько томов назад...

Тупость, ограниченность и мания величия, однако, пережили все времена и вызывали всегда несчастье за несчастьем.

Типичный символ нашего времени, наверное, — это колючая проволока. Через какое-то время каждый будет иметь опыт сидения за ней или, по крайней мере, будет иметь шанс попасть туда. Но эта колючая проволока опутывает не только тела; колючая проволока, которая сегодня появляется везде, опутывает сердца, и это самое опасное.

И вы тоже кончили за колючей проволокой. Я еще вспоминаю тот момент, когда я, вернувшись из отпуска по здоровью, узнал, что вас доставили в лагерь для пленных... Почему?

Ну, потому что на то откуда-то поступил приказ, один из тех безымянных приказов, которые принесли столько несчастий.

Должны ли мы были вас искать — искать в коричневом море пленных, которые исчислялись сотнями тысяч, мо-

жет быть, миллионами? Конечно, мы сделали это. Но тогда мы снова натолкнулись на ту колючую проволоку, которая опутывает человеческие сердца... и тут мы оказались бессильны.

Позднее мы много думали об этом, позднее, когда мы сами сидели за колючей проволокой. Что оставалось нам — пожать плечами, не больше?

Но я все же верю, что в нас осталось нечто большее, гораздо большее, — нечто, чего не вырвешь силой из наших сердец, нечто, чего не упрячешь от нас за колючую проволоку: большое, на всю жизнь товарищество, которое сотни раз было испробовано на том остром, как лезвие, краю пропасти, за которой ждет смерть.

Когда я сегодня вспоминаю всех вас, Степан, то думаю об одном и том же. Где мы можем вас найти, тебя, Владимир, смешного Григория и других... Может, в России? Я не настолько глуп, чтобы верить в это... Последних из вас, тех, кто стояли с нами на поле боя, хотела выдать врагу неискоренимая глупость — «верность союзникам» называлось это на другой стороне. Но вы предпочли выбрать смерть в огне...

И поэтому мы ищем вас там, откуда вас уже никто не может вырвать, — в наших сердцах. Этих сердец, в которых вы живете, еще тысячи, — тысячи, которые остались верны вам, как вы были когда-то верны им...

Прощай, Степан, браток...

По поводу дальнейшего применения 6-й танковой армии СС после неудачи в Арденнском наступлении взгляды в Берлине резко разошлись.

В то время как Главное командование армии — Гудериан предложил операцию по зажиманию противника в клещи из Силезии (Глогау — Котбус) и Померании, чтобы обеспечить действенную защиту Берлина, Верховное командование вермахта — Гитлер приказал задействовать ее в далеком районе, в Венгрии. Не здесь решался исход войны! Военно-экономические причины —

нефть на озере Балатон — не являлись достаточным основанием для такой стратегии. Таким образом, в конце января был отдан приказ о транспортировке армии с Западного фронта. Положение на железной дороге позволяло одновременно провозить лишь четыре эшелона, поэтому штаб армии прибыл в район у Рааба 20 февраля, последние части же — лишь в начале марта. Дивизии были кое-как обновлены.

Русские находились перед группой армий «Юг» западнее Дуная: линия фронта делала большой глубокий выступ от Дравы до западного края озера Балатон — на узком переходе между этим озером и озером Веленце — потом, выдаваясь на запад, до горного массива Вертеш — затем открытой на запад дугой до Дуная у Грона. Севернее Дуная русские удерживали плацдарм западнее реки Грон. Напротив них были задействованы: южнее озера Балатон — 2-я танковая армия, сразу слева от нее — 6-я армия, Б а л к, на Дунае — 1-я венгерская армия, к северу от нее — 8-я армия.

Нужно было внедрить в эту расстановку 6-ю танковую армию СС. Ее задачей было уничтожение русских сил западнее Дуная, перенос нашей линии обороны вперед, на линию реки, чтобы освободить резервы для решающей битвы за Берлин.

Армия сначала состояла из I и II танковых корпусов СС с дивизиями СС «Лейбштандарт», «Гитлерюгенд», «Рейх» и «Гогенштауфен». Все они были замаскированы как учебные войска. Эта маскировка стала лишней, когда с 17 по 22 февраля части I танкового корпуса СС севернее Дуная были задействованы для уничтожения плацдарма русских на Гроне в составе 8-й армии. Следствием этого была перегруппировка врага, который значительно усилил свои войска южнее Будапешта.

При подготовке к наступлению войска преследовали неудачи. Армия сопротивлялась плану, по которому она

должна была наступать из узкого прохода севернее озера Балатон в юго-восточном направлении. Она неоднократно предлагала альтернативы. Но, к сожалению, план группы армий В е л л е р а, который был одобрен Верховным командованием вермахта, победил в этом споре. Погода и местность не располагали к операции. Еще 1 марта территория наступления была затоплена. Несмотря на это, верховное командование вермахта настояло на прежней дате: 6 марта; цель — Дунафельдвар на Дунае.

6-я танковая армия СС состояла из кавалерийского корпуса с двумя или тремя кавалерийскими дивизиями, I танкового корпуса СС с 1-й и 12-й танковыми дивизиями СС, II корпуса СС с 2-й и 9-й, позднее — с дивизией «Хох унд Дойчмайстер» и III танковым корпусом армии (Б р е й т) с двумя танковыми дивизиями. Резервов не было.

Наступление рано утром 6 марта с территории между озерами началось без артиллерийской подготовки и без какой-либо поддержки с воздуха.

Территория была разделена на две части широким каналом и болотами западнее трассы Штульвайсенбург — Чече. Основное направление удара находилось на правой стороне. Особенности местности позволяли использовать только пехоту. Танки и артиллерию можно было задействовать лишь на дорогах и в населенных пунктах.

Несмотря на это, наступление западнее канала продвинулось до канала Сио и Симонторной, в то время как восточнее русские ожесточенно удерживали каждую пядь земли. Здесь I и II танковые корпуса СС сумели лишь незначительно продвинуться вперед. (Остендорфф тяжело ранен, впоследствии скончался.)

Это наступление было запланировано как концентрическое: части группы армий «Балканы» должны были

ударить от Дравы в северном направлении, 2-я танковая армия южнее озера Балатон — в восточном направлении; здесь была задействована и 16-я танково-гренадерская дивизия.

Севернее озера Веленце на правом фланге армии Балка в тяжелых оборонительных боях участвовал корпус СС Гилле, 3-й и 5-й дивизиями СС. Все случилось так, как и должно было случиться: в сражении наступил перелом, через два дня после начала наступления на участок фронта армии Балка от озера Веленце до Дуная были направлены сильные атаки, основной удар при этом приходился на район севернее Штульвайсенбурга. Соседние слева от армии Балка войска находились под угрозой. 6-я армия СС тотчас прекратила свое наступление и начала необходимое отступление.

Корпус Гилле смог в мужественном оборонительном бою предотвратить прорыв противника, что, к сожалению, не удалось к северу от него, где венгры обороняли Вертеши. Таким образом, сильные передовые танковые отряды русских оказались на дороге Штульвайсенбург — Мор, левый фланг корпуса Г и л л е был окружен.

К этому времени дивизия «Рейх» (теперь — Леманн) уже двигалась через Вешпрем, чтобы перехватить противника западнее Кисбера и освободить тыл 6-й танковой армии СС.

Армия планировала бросить войска на арьергардные позиции, примерно от Вешпрема до Дуная. В то время как она руководила отводом войск и проходом их через территорию между озерами, группа армий приказала сменить область подчинения главнокомандующих армиями Дитриха и Балка. Первый должен был принять на себя командование на участке фронта от района севернее Вешпрема до Дуная над венгерскими соединениями. На юге командовал главнокомандующий армией Балк, который одну за другой отдавал освобождающие-

ся здесь части Дитриху на север. Эти маневры при сегодняшнем рассмотрении кажутся необъяснимыми. Их можно рассматривать лишь как знак недоверия. Освободившиеся части по отдельности были брошены против русских. Лишь дивизия «Рейх» единообразной операцией выполнила свою задачу.

Но таким образом невозможно было защитить ни арьергардные позиции восточнее Папы, ни канал, ни Рааб. Русские войска уже везде стояли западнее этих участков. Теперь уже нельзя было останавливаться: без связи с другими войсками I и II танковые корпуса СС с боями отошли до границы. Дальнейшее отступление — как когда-то в Нормандии — было запрещено сверху. Ради исторической правды здесь стоит упомянуть, что Адольф Гитлер, полностью не разобравшись в фактах, приказал отобрать у дивизий СС нарукавные нашивки. Однако этот приказ не был передан соответствующим органам.

В конце марта союзники на востоке и на западе стояли уже глубоко на территории нашей страны. Крах был неминуем. С тем, что командование и войска на последнем этапе не везде сражались с прежним боевым духом, нельзя и ни к чему спорить. Задача состояла в том, чтобы кое-как сохранять связь между войсками и отступать за запад. Дальнейшее сопротивление было бесполезно.

Таким образом, невозможно было предотвратить наступление русских, продвигающихся все дальше на запад. В конце 6-я танковая армия СС после подвода местного подкрепления смогла выстроить слабый фронт от Земмеринга до Дуная у Вены.

Вена была объявлена крепостью, и генерал фон Бюнау назначен военным комендантом; однако в распоряжении у него были лишь остатки дивизии «Рейх», мест-

ные зенитки и народное ополчение; было ясно, что Вену удержать невозможно.

Последнее сопротивление было оказано у подножия Альп через Санкт-Пелтен до Кремса, дивизия «Рейх» с частями на Энсе, с фронтом, обращенным на запад. Другие ее части были переброшены в район Дрездена. Боевая группа «Богемия-Моравия» (Трабандт) из учебных подразделений участвовала в боях севернее Дуная до Теи, некоторые ее части — и южнее Дуная.

Дивизия «Тотенкопф» из корпуса Гилле пересекла Дунай в северном направлении. Остатки отступили южнее озера Нойзидлер вместе с армией Балка. На юге к ним через Радкерсбург присоединилась 2-я танковая армия, в ее составе — 16-я дивизия СС. Ее тоже разделили, части были повернуты на север, на Фронлайтен, другие заграждали проходные дороги в Штайермарке.

Капитуляция застала соединения в следующем положении: основная часть — у американцев, лишь дивизия «Тотенкопф» — у русских. Штаб корпуса Гилле с «Викингом» и 14-й галицийской дивизией СС — последняя до этого сражалась в Штайермарке — присоединились у Радштадта на верхнем Энсе к движущимся с запада войскам главнокомандующего Западным фронтом.

Нехватка места не позволяет здесь рассказать о трагическом конце дивизии «Тотенкопф», о ее передаче американцами русским. Она сражалась к северу от Дуная у Штокерау и Кремса, потом отступила на Цветтль, чтобы достичь американской демаркационной линии. Заторы на дорогах из-за войск и беженцев, нехватка топлива замедляли движение. Вовремя достичь линии Прегартен — Фрайштадт было уже невозможно. Командир дивизии вступил в переговоры с русскими; со второй встречи он не вернулся.

Основная часть достигла демаркационной линии лишь после полуночи; несколько часов решили судьбу

дивизии. Американцы воспрепятствовали переходу на их сторону. Ярость и отчаяние наших солдат дошли до предела. Заграждения были сломаны, части разоружены и приведены в долину. Дивизия находилась там вместе с частями вермахта, парашютистами и полицейскими соединениями. Все были полностью изможжены, без продовольствия и воды. Дальнейшие события развивались по уникальному сценарию: в следующие ночи секретно долина окружалась танками, как изгородью. Вечером третьего дня по громкоговорителю сообщили, что завтра начнется марш-бросок на Линц для освобождения. Это было обманом! Марш-бросок, проведенный под строгой охраной танков, привел прямо к русским, где их встречали с возгласами: «Никто из вас не вернется назад!»

Детали передачи здесь описывать излишне. Многие не достигли конечной цели, лишь нескольким удалось сбежать.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ К СЕВЕРУ ОТ КАРПАТ

В начале 1945 года линия фронта проходила от окраины Карпат примерно через Дукельский перевал, заворачивая обратно к Висле, русским предмостным укреплением у Баранува на реке Сан, потом примерно по Висле до Буга, потом вдоль Нарева до устья Бобра, на границе Восточной Пруссии у Хайдекруга и, наконец, от Либау до Тукумса.

Основная часть дивизий находилась:

примерно 12 дивизий находились в Италии, на Балканах и в Венгрии, на Западном фронте — 7 и в Курляндии — 5;

между Карпатами и Балтийским морем — лишь отдельные части;

новые формирования в Германии: примерно три-четыре дивизии и резервные части.

Исходным пунктом оперативного развития событий года было русское наступление 12 января 1945 года на Висле, сначала из плацдарма у Баранова, потом оно расширилось на участок между Пулавой и Варшавой, далее от устья Нарева и восточнее Инстребурга. Это наступление привело к развалу Восточного фронта — группы армий «А.» (позднее — «Центр») и «Центра» (позднее — «Север»).

Противник сначала ударил фронтально на запад, лишь в Восточной Пруссии — с помощью тактики клещей.

В конце месяца была достигнута линия Ноймаркт — Бойтен — Одер выше Бреслау, а также линия восточнее Торуни — Эльбинга, и Восточная Пруссия отрезана с юга и северо-востока. На этой линии фронта находились лишь слабые части, особенно у Познани и южнее ее. Немецкая восточная граница была более или менее открыта. С 20 января русские находились на немецкой земле.

Лишь в начале февраля удалось сдержать наступление. Для построения новой линии фронта из теперь переименованных групп армий «Центр» и «Север» была сформирована группа армий «Висла» из новых и старых подразделений.

Трагедией, нет, преступлением было в это напряженнейшее время доверять эту группу армий Г. Гиммлеру. Его деятельность на фронте Верхнего Рейна не дала ему достаточно опыта. Что было этому причиной? Недоверие, тщеславие и интриги Бормана...

Его начальник штаба, опытный фронтовой командир, был не обучен для данной должности.

Единственный плюс в этом назначении Г. Гиммлера состоял лишь в том, что он, как главнокомандующий ре-

зервной армией, мог распоряжаться ее вспомогательными силами. Данный труд не имеет своей целью описывать развитие событий на участке фронта этой группы армий, остановимся лишь на кратком обзоре и данных об участии в боях войск СС.

Штаб Гиммлера сначала разместился в Дойч-Кроне, потом в Крессинзее и, в конце, в Пренцлау. Меры по сдерживанию наступления русских были приняты на линии и за линией Бреслау — Познань (здесь юнкерская школа Брауншвейг) — Бромберг. Остатки 9-й армии отступили на средний Одер. 2-я армия достигла примерно линии Торунь — Эльблонг. Обе были подчинены Гиммлеру.

Для связи обеих армий был задействован вышестоящий штаб (Демельхубер, до этого — руководящий штаб Балтийского побережья), который принял на себя участок опорных точек Шнейдемюль — Бромберг до Вислы. Ему были подчинены, кроме частей армии и зенитных подразделений: 15-я дивизия СС (латыши, подтянутые с середины 1944 года из Курляндии в район Хаммерштейн — Кониц для переформирования), 48-й танково-гренадерский полк СС (голландцы) и школа унтерфюреров Лауенбург.

Был взят Накло; сеть опорных точек невозможно было уже удерживать. Угроза на левом фланге и с тыла заставила отступить на Флатов, позднее — за Кюддов у Ястрова. Контратаки, окружение и выход из него на север на Ландек принесли большие потери, так что дивизию пришлось вывести из боев. Она мужественно сражалась и поэтому смогла позднее снова участвовать в боях в составе корпуса генерала фон Теттау и позже отступить с боями на запад из Померании. Ее командир фон Обвурцер при этом погиб.

На Одере была выстроена новая линия фронта. Правая граница с группой армий «Центр» (Харпе, позже — Шернер) проходила примерно в месте впадения Нейсе

в Одер у Губена. На участке отсюда до Фрайенвалде были задействованы под командованием 9-й армии штаб V горного корпуса СС под командованием Фр. В. Крюгера, позже — Екельна и XII корпус СС — Кляйнхейстеркамп.

На южную часть фронта (то есть к штабу V горного корпуса СС) в ускоренном порядке были переброшены основные составы резервных подразделений школ для формирования дивизий; это было возможно часто лишь во время военных действий. В неописуемо тяжелых условиях возникали импровизированные соединения. К ним относились: 32-я танковая дивизия «30 января» (под командованием Акса, Мюленкампа, позже — Кемпина) на основе танково-гренадерской школы. Она была слаба пехотой, но зато сильна артиллерией, своего рода «артиллерийская дивизия». Участие в боях в районе Фюрстенберга — Финкенхеерда против вражеских предмостных укреплений. 36-я гренадерская дивизия; она была сформирована в феврале на полигоне Курмарк из остатков штурмовой бригады, солдат всех подразделений вермахта и рекрутов под командованием Шмедеса. Также остатки юнкерской школы Познань-Трескау (бывшей раньше в Брауншвейге), которые были спасены после боев за Познань. Участие в боях справа от 32-й дивизии. 35-я полицеская дивизия СС из полицейских войск.

Командование в Кюстрине взял на себя генерал полиции Рейнефарт. В конце месяца 9-я армия была сброшена с дуги Одер — Варта, а северный фланг войск Жукова продвинулся до линии Золдин — Арнсвальде.

К северу от 9-й армии находилась переформированная 3-я танковая армия под командованием генерала Рауса. От Фрайенвальде до Гарца штаб XIV корпуса СС под командованием фон дем Бах-Зелевски сформировал Одерский корпус из армейских, зенитных, морских

подразделений и местных соединений СС. На плацдарме Шведт сражалась боевая группа С к о р ц е н и, после того как она предотвратила русский прорыв у Кенигсберга.

Дальнейшая линия фронта, участок 2-й армии, выдавалась через Померанию, Западную Пруссию до Коница. Восточная и Западная Пруссия были отделены друг от друга.

В этот район были переброшены:

4-я полицейская дивизия СС из Венгрии;

дивизия «Фрундсберг» с фронта Верхнего Рейна;

III танковый корпус СС, Штайнер, с дивизиями «Нордланд», «Недерланд» (голландцы) из Курляндии (в конце января до середины февраля), а также боевые группы «Лангемарк» (фламандцы), «Валлония» (валлонцы), «Шарлемань» (французы). К ним присоединились местные части из резервных подразделений.

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Основные силы обороны всех фронтов находились, безусловно, на Восточном фронте, поскольку здесь положение было особенно критичным. С 3 по 8 февраля противник достиг Пирица и Дойч-Кроны, построил плацдарм на Одере у Кюстрина, а также предпринимал атаки за линией Пириц — Арнсвальде.

На этот фронт должны были быть стянуты все имеющиеся резервы для отвлекающего удара. Главное командование армии (Гудериан) хотело провести его из района Глогау — Котбус и с севера из Померании. Наконец-то Верховное командование отпустило дивизии с Западного фронта после неудачи Арденнского наступления, но они были переброшены не на немецкую территорию, а для наступления в Венгрии! Детали описаны

в разделе об этих боях. Таким образом, для удара из Померании в распоряжении находились лишь недостаточные силы.

Наступлением командовал Штайнер в качестве главнокомандующего 11-й армией, рядом с 3-й танковой армией.

В наступлении участвовали: II корпус (армия), XXXII танковый корпус (армия) с дивизией СС «Фрундсберг» и полицеской дивизией (Хармель — Харцер) и II корпус СС с дивизиями «Нордланд» и «Недерланд» (Циглер — Вагнер, штаб корпуса под командованием Унрейна).

Наступление должно было вестись примерно из линии Шведт — Пириц — район севернее Арнсвальде — Киллис на опорные пункты Кюстрин — Ландсберг в южном направлении. Основной удар приходился на район восточнее озера Мадюзее, от XXXII танкового корпуса у «Фрундсберга» между Фаулен-Иной и железной дорогой, на участке полицейской дивизии между железной дорогой и Иной; III корпус СС находился сразу слева от этих войск.

Обстановка требовала быстрых действий. Полицейскую дивизию пришлось вывести из района ее боевых действий у Пирица; III корпус СС находился на подходе. Времени на разведку и подготовку не оставалось. Подтянутые для прикрытия войска были окружены русскими в Арнсвальде.

Наступление с 16 по 19 февраля против сильно превосходящих сил противника имело лишь ограниченный успех, в большинстве своем на участке полицейской дивизии. III корпусу СС удалось освободить Арнсвальде. Сразу же последовали сильнейшие атаки русских. Наше наступление было прекращено, достигнутые позиции удерживались. Полицейская дивизия была выведена из боя и была предназначена для подкрепления сил у Дан-

цига. Ее участок приняла на себя дивизия «Фрундсберг».

Восточная Пруссия была потеряна, Кенигсберг окружен.

Познань также с 24 февраля уже невозможно было удерживать.

МАРТ

Продолжение русских атак в Померании привело к прорыву к Балтийскому морю с 1 по 4 марта.

3-я танковая армия на Одере была отсечена от 2-й армии, находившейся восточнее. Первая отступила назад, до 10 марта удерживала большой плацдарм у Штаргарда, потом до 13 марта — маленький у Альтдамма и, в конце, Одер по обеим сторонам Штеттина.

Командование 3-й армией принял на себя генерал фон Мантойфель, Штайнер был назначен командующим своего старого корпуса.

13 марта русские окружили Кюстрин. Попытки прорвать кольцо из плацдарма Франкфурт и установить сообщение с гарнизоном города провалились. Временно на этом участке фронта — Зееловских высотах — была задействована дивизия «Фрундсберг».

20 марта начальнику Генерального штаба наконец удалось добиться снятия Г. Гиммлера с его должности. Его преемником стал генерал Хайнрици.

Уже не стоит здесь делать выводы о Г. Гиммлере как о военном командире. Теперь он снова мог посвятить себя своим многочисленным ведомствам, если это еще имело смысл.

Группа армий Шернера на юге удерживала Одер, противник смог совершить прорыв только у Оппельна 23 марта.

В конце месяца А. Гитлер распрощался с начальником своего Генерального штаба, генерал-полковником Гудерианом.

Ваффен СС были знакомы с ним еще с мирных времен. В 1940 году во Франции наши части временно находились под его командованием. На Восточном фронте в 1941 году уже дивизия «Рейх» гордо несла на своих машинах букву «G», означающую принадлежность к танковой группе Гудериана. Мы многим благодраны ему как генеральному инспектору танковых войск. Он всегда ценил нас как солдат и признавал наши заслуги.

ОБЗОР БОРЬБЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ДИВИЗИИ «ШАРЛЕМАНЬ»

Ее предшественником был добровольческий легион, полк, который, будучи в подчинении армии, уже в декабре 1941 года вел бои на Восточном фронте, а позже был задействован в центральном районе ведения боевых действий для борьбы с партизанами.

В июле 1943 года французское правительство признало за своими гражданами право добровольно вступать в части СС.

Первое образование — в форме батальона — получило свое боевое крещение в августе 1944 года в 18-й дивизии СС. Критическое положение немецких войск при отступлении на отрезке Занок — Тарнов потребовало немедленного, хоть и преждевременного, участия вновь образованного батальона. Молодой батальон сражался с небывалой отвагой и понес тяжелые потери.

Из остатков батальона, новых добровольцев и подразделений французской милиции на военном полигоне Кониц была создана 33-я вооруженная гренадерская дивизия «Шарлемань» под управлением Пуада. Ее пер-

воочередной задачей было представлять Францию на Восточном фронте и защищать Европу. События на востоке вскоре потребовали введения дивизии в бой. В конце февраля 1945 года вновь сформированные части подошли к месту дислокации группы армий «Висла». Положение было критическим. Силы дивизии попытались задержать превосходящие силы противника в местечке западнее Шлохау, к северу от 15-й латвийской дивизии. Тем не менее, несмотря на проявленные храбрость и мужество, попытка не увенчалась успехом. Прорыв вражеских войск вынудил отдельные части отступить на северо-восток; они присоединились к четвертой полицейской дивизии СС, вместе с которой впоследствии защищали Готенхафен (Гдыня). Сама же дивизия была вынуждена отступить на север; боевая группа осталась оборонять Нойштеттин.

Между тем южнее Бельгарда дивизия была пополнена свежими силами.

Вследствие прорыва русских к Балтийскому морю особенно остро встала необходимость укрепить на Парсете фланг отступивших в Восточную Померанию частей. Мощный танковый прорыв врага 4 марта привел к тому, что дивизия оказалась в ловушке между Парсетой и Кёзлином. Был получен приказ прорываться на запад. Прорыв проводился силами трех боевых подразделений. И только одному из них (во главе с инспектором французских подразделений Крукенбергом) удалось соединиться с войсками генерала фон Теттау 12 марта на плацдарме Дивенов. Вторая группа командира дивизии Пуада предприняла попытку отступления через Бельгард, но была обнаружена и уничтожена. Части до 18 марта обороняли Кольберг, затем отступили и были передислоцированы морским путем.

Третья группа из Кёзлина была практически полностью уничтожена. Из оставшихся в живых под Нойштре-

лицем был сформирован штурмовой батальон. 23 апреля он был переброшен в Берлин и присоединен к понесшей значительные потери дивизии «Нойланд». О сражениях с 26 апреля и до печального конца повествуют участники событий в своих воспоминаниях.

Резервные части не смогли присоединиться к ним. Они сражались в союзе с дивизией «Нибелунги» в районе Дунай — Изар. Между строк этой сухой и трезвой сводки прорывается песня о подвигах. Деяния этой дивизии нашли достойное место среди героических сражений, которые вели французские солдаты. Так пусть же они будут признаны и у себя на родине!

БОИ 4-й ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДИВИЗИИ СС

Сразу же после поражения в Померании дивизия была отправлена железнодорожным составом в Диршау и прикомандирована ко 2-й армии, с целью защиты и обороны Данцига. Вскоре после ее прибытия началось наступление русских войск в Померании, которое привело к прорыву на Кёзлин. Начиная с 10 марта она являла собой правое крыло обороны в районе Готенхауфен — Данциг под командованием IV танкового корпуса с подчиненными частями военно-воздушных и военно-морских сил.

Здесь необходимо добавить, что в районе Румельсбурга сражалась 15-я латвийская дивизия СС.

Полицейская дивизия особенно отличилась в боях как на своем, так и на соседних участках, хорошо вооруженная и поддерживаемая как с суши — зенитными орудиями, так и с воды. Начавшийся 20 марта прорыв русских войск на Сопот разделил район Готенхауфен — Данциг на два региона, первый из которых удерживался

силами полицейской дивизии, седьмой танковой дивизией и остатками третьей армейской дивизии.

27 марта защитники были вынуждены отступить к «оксхефтерским полям» — плоскогорью перед небольшим портом Оксхефт. Южнее шли бои в городе Готенхафен.

Драматические дни продолжались до 4 апреля. Русские делали все возможное, чтобы прорвать оборону защитников и сбросить врага в море. При мощнейшей поддержке артиллерии, танков (новый тип «Сталин») и огневой поддержке они раз за разом проводили атаки по всему периметру и сжимали кольцо вокруг защитников.

Обороняющиеся войска находили все новые возможности закрепления на позициях. С тыла защиту обеспечивала морская артиллерия и мощные зенитные установки. Собственная артиллерия испытывала недостаток боеприпасов. Особо продуктивным было сотрудничество с 7-й танковой дивизией. На левом фланге пришлось сдать врагу город Готенхафен. Мирные жители, раненые и все необходимое были эвакуированы.

Тем не менее росла уверенность, что дни обороны сочтены. Штаб армии 2 находился слишком далеко в Пиллау. Сверху спускали приказ за приказом — «Стоять до конца!».

Не было сил и возможности сдерживать вражеские вылазки, вражеским атакам противопоставить было нечего. Все необходимое для ведения боя было уничтожено.

Харцер взял на себя инициативу по эвакуации. В качестве исключения он обратился напрямую к Гиммлеру. Гудериан высказал свое согласие, тем не менее командование вермахта сказало решительное «нет».

И все-таки началась подготовка к отступлению за море. Командование планировало выполнить задуманное за четыре ночи, неизвестным оставалось только решение штаба армии.

Главнокомандующий разрывался между требованием подчиниться и ответственностью за солдат. Это была та же ситуация, как когда-то под Харьковом! Харцер торопил и совместно с командирами дивизий принял решение эвакуироваться 4 апреля в 20 часов, что и было благополучно претворено в жизнь. Штаб корпуса дал наконец-то, уже после начала эвакуации, свое согласие. Полицейская дивизия взяла на себя арьергардные бои.

С рассветом корабли достигли Хеля, отступление прошло успешно, с учетом предыдущих операций было спасено около 10 000 солдат дивизии. Корпус Шпехта, который до этого был заместителем командующего генерала Данцига, задействовал дивизию для защиты береговой линии.

12 апреля остатки дивизии в сопровождении конвоя были переправлены в Свинемюнде под вражеским огнем самолетов-торпедоносцев, вследствие чего часть конвоя погибла.

В середине апреля дивизия была высажена на берег. Свою тяжелую амуницию она еще раньше вынуждена была оставить в Хеле. Она поступила в распоряжение III танкового корпуса СС. С помощью спешного пополнения силами парашютного полка, остатками дивизии «Недерланд», а также частями армии и люфтваффе ее снова удалось сделать боеспособной.

РЕШАЮЩЕЕ ВРАЖЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ ОДЕР

Наступление последовало 16 апреля по двум основным направлениям: на юге со стороны района Губен — Форст с целью подобраться ближе к Берлину и на севере с обеих сторон Врицена, между Кюстрином и Фрайенвальде, в направлении Ораниенбурга. Именно здесь

19 апреля врагу удался прорыв, несмотря на героическое сопротивление войск на Вриценовских высотах.

Подвергшиеся нападению части были разбиты. В центре долгое время наступление врага на территории от устья Нейсе до Кюстрина сдерживала 9-я армия, но она была обойдена с двух сторон и, позднее, окончательно окружена в районе Губен — Мюльрозе — Фюрстенвальде — Кенигсвустерхаузен — Люббен. Только 28 апреля с тяжелыми потерями ей удалось выйти из окружения и, соединившись с другими отступающими, смешанными боевыми группами, отступить через Барут и соединиться с армией Венкау Бельцига. Гарнизон Кюстрина под командованием Рейнефарта к тому времени вырвался из окружения. Подробности боев неизвестны, в особенности боев штаба V горного корпуса СС и XII корпуса СС. Выход из окружения оказался возможным в первую очередь благодаря 32-й дивизии СС, которая сначала взяла на себя прикрытие южного фланга, а затем пробилась к Венку. Также вновь сформированные 35-я полицейская дивизия СС и 36-я гренадерская дивизия были втянуты в этот водоворот уничтожения в районе Хальбе — Тройенбрицен.

Группе армий Шернера тоже пришлось отвести свой левый фланг вплоть до линии Мускау — Риза на Эльбе. Таким образом, советским войскам удалось практически не встретив сопротивления, занять весь район Нидерлаузица, окружить Берлин с юга и в низине объединиться с силами американцев. Также неизвестны детали боев группы армий Шернера. Бреслау держался практически до конца, Глогау — до начала апреля. В Бреслау в бой были введены местные части войск СС. Боевая группа Беслейна, штурмовой полк Мора и полк гитлерюгенда оказали героическое сопротивление.

Дивизия «Фрундсберг» в середине марта была переведена в качестве резерва из района Штеттина в распо-

ряжение группы армий, расквартированной в Гёрлице, а затем переброшена в район Котбус — Шпремберг, то есть за левый фланг. К сожалению, дивизия была разделена на две боевые группы, которые были переданы в подчинение двум различным корпусам 4-й танковой армии. Одна из боевых групп была использована в середине апреля для нападения со стороны плацдарма Шпремберг.

Прорыв русских на левом фланге вплоть до Шпре положил конец этому продвижению. Положение становилось безнадежным. Нужно было пожертвовать восточным берегом реки. На западном берегу вскоре дивизия с частями армии и зенитной батареей была окружена. Тем не менее Верховное командование 20 апреля все еще продолжало настаивать на продвижении на восток. Это было невыполнимо. Вместо этого дивизия вырвалась из окружения на запад по направлению на Эльстер. Это привело к тому, что принявший это решение командир Хармель был заменен Шернером. Под Гросенхаймом удалось соединиться с другими частями. Боевая группа была отдана под непосредственное командование фельдмаршала Шернера. Отступление продолжалось через Морицбург, северные окраины Дрездена, Науендорф — Шмидеберг — здесь последовала долгожданная и весьма удачная поддержка боевой авиации Руделя. На всем пути отступления шли упорные бои. Под Альтенбергом отступающие войска миновали Рудные горы и достигли Оссига. Отсюда остатки армий стали пробиваться дальше на запад.

Также и отрезанная от остальных войк котбусская боевая группа отступала с боями к Эльбе.

В составе этой группы армий боролась и 18-я дивизия СС под командованием Бохмана. В марте она была отведена из Моравска-Остравы в Силезии, сражалась в районе Леобшюц — Егерндорф — южнее Нейсе и

отступила в апреле в Исполиновые горы на участок Бад-Карлсбрунн — Вармбрунн — Гиршберг — Лен. До этого здесь сражалась 20-я эстонская дивизия СС. В конце января она была передислоцирована с полигона Нойхаммер в Бриг. После боев на Одере и под Опельном она в конце концов попала в окружение севернее Нойштадта. Попытка прорыва кольца принесла тяжелые потери (погиб командир дивизии Аугсбергер). Прорыв удался лишь на северо-западном направлении, где в районе Ландесхута — Хиршберга отступающие части продолжали оказывать сопротивление. Попытка после капитуляции отступить на запад и сдаться американцам не удалась. После перехода через горы остатки войск попали в плен к русским у Габлонца.

В мае фельдмаршал Шернер двинул войска 18-й дивизии СС через Рейхенберг на Мельник, чтобы в этом месте форсировать Эльбу. В боях с русскими и чехами этот маневр удался лишь отдельным частям дивизии. На этом ее участие в войне завершилось. До этого Бохманн был снят с поста Шернером. Его преемник, Петерзен, застрелился, избежав тем самым русского плена.

Части дивизии «Рейх» после отступления из Венгрии были передислоцированы из Австрии в Дрезден. Но до этого пункта добрались не все.

Локальные части из Богемии и Моравии и в особенности из Праги потерпели поражение и были разбиты вместе с их командиром — командующим войсками СС графом Пюклером.

Бои в Праге представляют собой особенно мрачную главу войны.

Восстание чехов началось 5 мая. С немецкой стороны отсутствовало единое командование разрозненными частями армии, полиции и Ваффен СС, которые состояли большей частью из молодых фольксдойче (этниче-

ских немцев. — *Прим. ред.*). Отдельные бои развернулись за Молдавский мост, вокзал Мазарик, правительственный район города и пригород Панкрац. Толпа неистовствовала. Солдаты и мирное население зверски уничтожались. Американские войска продолжали стоять на линии Карлсбад—Пильзен — Будвейс. Лишь отдельные немецкие части смогли спастись, пробившись к ним.

ВОССТАНИЕ В ПРАГЕ

«Огонь!» Я вижу яркую вспышку, затем у меня из рук выбивает стакан, а меня швыряет на землю. Когда я вновь пришел в себя, то почувствовал, что оглох на правое ухо, а мои волосы опалены. Облако дыма окутывало балкон, на котором мы сейчас стоим. Наш пулемет молчит. Справа от нас по улицам гремят самоходные артиллерийские установки, направляя орудия в сторону домов. Из дверей домов выходят чехи с поднятыми руками и пепельно-бледными лицами... (Это моя встреча с «Золотым городом» Прагой.) Я думаю о тех женщинах, которых мы вчера нашли в одном из подвалов: связанными, избитыми, обесчещенными.

7-я рота, во главе — обершарфюрер Хазе, приступает к штурму Молдавского моста, в то время как мы обеспечиваем огневую поддержку. Из автомата нашего обершарфюрера брызжет огонь. Гром небесный, совершенно не скажешь, что у него ампутирована нога, еще с самой Франции. Тогда на канале Ла-Бассе он почти попрощался с жизнью, но все равно захотел вернуться обратно на фронт. И вот сейчас он вздрагивает, весь сжимается, безуспешно и беспомощно, словно ища поддержки, хватается за воздух и наконец оседает и заваливается. В тот же момент ко мне подскакивает связной: «Сейчас же остановить огонь! Вас требуют немедленно в полк!»

Пять минут спустя я стою перед командиром. Несмотря на его внешнее спокойствие, я замечаю, что он возбужден. В нескольких словах он обрисовывает мне положе-

ние: «Русские быстрыми темпами надвигаются с север
на Прагу. И там нет никого, кто бы мог задержать их хот
бы на час. Нам ничего не остается, кроме как вступить
переговоры с чехами и прорываться на запад к американ
цам. — И, заметив мое удивленное лицо, продолжает: -
Счет идет на часы! Даже будучи боеспособным полком
артиллерией и танками, мы ничего не можем сделать з
такое короткое время. Кроме того, — его голос станови
ся тише, — мы достигнем нашей цели, обойдясь без не
нужных жертв. Вы пойдете парламентером к чехам
Обершарфюрер В. будет вас сопровождать».

На Молдавском мосту мне машет рукой оберштурм
фюрер Бушманн: «Еще сто метров, там за баррикадой он
залегли!» Обершарфюрер держит в руках белый флаг,
меня неприятное ощущение в животе. Пройдя пятьдеся
метров, мы видим, как появляется офицер и идет нам на
встречу, лейтенант правительственных войск. Мы оста
навливаемся. Еще двадцать метров. Он вытягивает в на
шу сторону руку: «Лейтенант Хицин! — вежливый поклон
нашу сторону. — Разрешите провести вас к командиру
Все это он произносит на безупречном немецком, с серь
езным лицом, без ноток ненависти. Два метра молчания
затем: «Я учился в Берлине и в Париже. — Пауза. — В
причинили нам слишком много горя, отсюда и ненависть
Сложно с этим что-то поделать. Но зачем нужны еш
жертвы? Война окончена. Вслед за вами придет Красна
армия, и кто знает, что тогда будет!»

Я ничего не успеваю сказать. Как же коротки пятьдеся
метров...

За баррикадой они сидят на корточках, в униформе и
гражданском, с немецким оружием. Я наталкиваюсь н
полные ненависти взгляды. Меня проводят к полковник
которому я передаю то, что должен сказать. Полковни
выслушивает меня молча, затем исчезает куда-то на де
сять минут и возвращается с майором и человеком
штатском. Эти оба сопровождают меня к месту дислока
ции нашего полка.

Через несколько часов заграждения на улицах убрань
Наш полк боевым построением марширует через Прат

на наших машинах сидят мужчины, женщины и дети. На улицах стоят чехи с опущенным оружием.

Позже нас обгоняет командир. Когда он проезжал мимо, ни один мускул не дрогнул на его лице. Он хочет весь полк, в полном составе, передать американцам, с честью, как настоящий солдат, встретить победителя.

Появляются и первые американцы. Это высокие, худые ребята с татуированной головой индейца на руке. «Все как на подбор, подошли бы для лейбштандарта», — сухо говорит Хайнц рядом со мной.

Командира сразу окружили, мы видим, как он выходит из машины, — и в этот момент долговязый американец протягивает руку к его шее, срывает с нее крест и показывает его, смеясь, своим товарищам... Мы поднимаем оружие, но командир машет нам рукой.

Никогда не забуду его лицо: гордость, презрение... сочувствие — все отпечаталось на нем.

Неужели так и выглядит конец?

В.К.

Атаки на нижний Одер севернее места прорыва последовали позднее, хоть и не с прежней силой. Южному флангу 3-й танковой армии требовалось скорейшее прикрытие. Обе дивизии III танкового корпуса СС «Нордланд» и «Недерланд» были переброшены в помощь 9-й армии и вступили в бой восточнее Берлина.

«Нордланд» воевала северо-восточнее Берлина и позже была вынуждена отступить к столице. «Недерланд» была брошена в бой западнее Франкфурта, страховала в арьергарде части 9-й армии и отошла к Эльбе южнее Берлина.

Зато из Готенхафена прибыла полицейская дивизия, которая поступила в распоряжение III танкового корпуса СС.

3-я танковая армия отступала, кое-как сохраняя боевой порядок. Корпус СС Штайнера прикрывал с 20 апре-

ля ее южный фланг: сначала на канале Финов под Эберсвальде, вскоре затем, по мере продвижения русских, — западнее на канале Руппинер и на верхнем Хавеле под Ораниенбургом, а с 24 апреля — по дороге на Шпандау и, своими передовыми силами, на канале Гогенцоллерн. Наряду с полицейской дивизией на левом фланге была также задействована 3-я военно-морская дивизия.

В эти дни Берлин был уже окружен. Лишь на западе в направлении Шпандау существовал узкий, всего 15 км в ширину, проход. Все надежды Гитлер, который закрылся у себя в канцелярии, возлагал на попытки деблокировать слабую армию Венка, попавшую в окружение на Эльбе. Но армия Венка дошла лишь до района Белица, 28 апреля — до Ферха и левым флангом — почти до Науэна. До этого района смогли пробиться и боевые группы 9-й армии. Левый фланг имел слабую связь с корпусом Штайнера.

Последнему также, лично — через Кейтеля и Йоделя, еще 21, а затем и 24 апреля был отдан приказ провести отвлекающее наступление с севера на Берлин. Наступление должно было пройти при поддержке 25-й танково-гренадерской дивизии, полицейской дивизии и 3-й военно-морской дивизии с обеих сторон небольшого плацдарма Беренсбрюк северо-западнее Ораниенбурга. Но ожидаемое наступление ограничилось лишь отдельными ударами со стороны Креммена в южном направлении. Большего нельзя было и ожидать, так как с севера русские находились уже в глубоком тылу и их удары вынуждена была отражать 25-я танково-гренадерская дивизия.

Эти неудачи после надежд, основанных на пустых фантазиях, разрушительно подействовали на Гитлера.

Остатки 3-й танковой армии вынуждены были отступать дальше на запад. С 30 апреля корпус Штайнера —

в который теперь входили полицейская дивизия, 5-я горная дивизия, 3-я морская дивизия и военно-воздушная дивизия — в составе 21-й армии фон Типпельскирха отступал на южном фланге все дальше через Герцберг — Руппин — Кириц — Перлеберг, непрерывно ведя бои с русскими, которые постоянно преследовали его, обгоняя с севера. Удалось избежать русского плена и у Ленцен переправиться через Эльбу, чтобы здесь, у Эльде и под Людвигслустом, сдаться американцам.

БЕРЛИН

Описание заключительных боев в Берлине вышло бы за рамки этих заметок. Это невозможно отчасти также и потому, что в распоряжении нет большинства соответствующих документов. Это была бы довольно мрачная картина. Последний бой вели — на заключительном этапе в составе LVII танкового корпуса под командованием генерала Вейдлинга — остатки активных подразделений, таких как 18-я и 19-я танково-гренадерские дивизии армии, дивизии «Нордланд» и «Шарлемань» под командованием Циглера, а позже Крукенберга, берлинские резервные части Ваффен СС под командованием Монке, а также военно-морские подразделения, отряды ополченцев (фольксштурма) и гитлерюгенда под командованием Аксманна.

ФРАНЦУЗЫ ОБОРОНЯЮТ БЕРЛИН

Французский батальон был включен в состав дивизии СС «Нордланд» как самостоятельное подразделение. После тяжелых боев прошедшей зимы и весны батальон насчитывал едва ли 1500 человек. В основном это были нор-

вежцы, датчане и шведы, которые, все без исключения, добровольно вызвались бороться с большевиками.

Пробил роковой час Берлина. Вокруг грохотал бой, ревели гранаты и без разбора стирали с лица города целые кварталы, казалось, было слышно, как бушует вдали свора захватчиков. Но Берлин сохранял спокойствие перед лицом этой пляски смерти. Люди, как обычно не торопясь, шли по улицам, делали то, что привыкли делать, — только с каким-то почти религиозным благоговением. Смерть притаилась за углом, все это знали, но старались не предаваться бездействию или отчаянию. Берлин не был жертвой, ожидающей палача, он был раненым воином, который сопротивляется судьбе и собирает силы для последнего боя.

Как на учениях, продвигались наши воины, крались от одной двери к другой, через руины и стены и нападали на красных стрелков, которые прятались на этажах зданий. Танки, идущие вслед за ними, выплевывали огонь и пламя и не оставляли вражеской пехоте ни одного шанса на ответный удар. Наша атака распространялась все дальше.

Ручными гранатами и штыками мы очищали дом за домом. И все это — на глазах у берлинцев, которые то тут, то там выглядывали из убежищ и осведомлялись о ходе боя. Все всё еще надеялись, что русские не дойдут до них. Часто они выносили нам воду или кофе: «Вот, пейте! Вы же, должно быть, умираете от жажды!» Другие приглашали нас к себе в подвал разделить с ними трапезу из их последних пайков.

Красные несли чудовищные потери. Разбито было около 30 танков и зенитных орудий, не говоря уже о многочисленных убитых и раненых. Наши связные носились под огнем, восстанавливая и поддерживая сообщение с оставшимися штурмовыми ротами. У нас самые сложные и опасные поручения выполнял 20-летний Милле. Много раз за это утро мы думали, что видим его в последний раз. Но снова и снова он появлялся перед нами, спокойный и невозмутимый: «Приказ выполнен!» Когда мы около полудня пересекали очередную улицу, рядом просвистела граната — Милле закачался и упал вниз лицом. Послед-

ний раз вздрогнул всем телом и остался неподвижно лежать на мостовой. Теперь в дело вступили «Т-34». В последний момент на соседней улице показался «королевский тигр». Его 8,8-сантиметровый ствол медленно опускался. Раздался сухой негромкий взрыв, и танк красных замер посреди улицы. Рядом все еще лежал Милле в своей маскировочной коричнево-зеленой рубашке, светлые волосы испачканы пылью, юношеское лицо омрачено печатью смерти. Друзья отнесли его тело в укрытие.

Рожер, 19-летний черноволосый чертяка, занял его место. Он был фанатиком, который пришел записываться в добровольцы в 17 лет и заявил тогда офицеру, который с насмешкой объяснил ему, что для француза военная жизнь слишком тяжела: «Она не для всех, и именно поэтому я здесь!» Он стал асом в ближнем бою и в обращении с ручными гранатами.

Финк проводил меня по шахте метро до станции «Кохштрассе» в газетном центре Берлина. Там меня ждал Вебер — солдат, которому на завтрак требовался по крайней мере один вражеский танк. Он провел меня в низко расположенную над тротуаром комнату, из которой отлично просматривалась Вильгельмштрассе. «Вы только посмотрите на это! — В трех метрах от нас неподвижно замер «Т-34». На башне виднелся след от снаряда фаустпатрона, гусеницы догорали и дымились. — Разве это не красота?» — спросил Вебер тихо.

Он сделал чистую работу. Еще один! Итог дня: пять подбитых фаустпатронами танков, многочисленные атаки русской пехоты отбиты, причем русские понесли тяжелые потери. Но у нас нет ни одного противотанкового орудия, ни пушки, ни минометов. У нас остались только фаустпатроны, автоматы и несколько пулеметов «MG-42». Не слишком-то много! У русских же, наоборот, казалось, что на место подбитого танка тут же встают несколько новых. У них были противотанковые орудия и наводящие страх минометы в огромном количестве. И пехоты, до настоящего времени довольно осторожной, вроде бы было очень много. Но какое нам было дело до этого?

КРУГОМ СНАЙПЕРЫ!

Наши потери со временем увеличились, так как у русских повсюду были снайперы, которые брали на мушку всех, стоило только тени человека мелькнуть в окне или во дворе. Даже Де Лак, который с самого начала с завидной для новичка ловкостью вел своих людей, был ранен вражеским стрелком и отнесен в убежище. Затем настала очередь Рожера и его друга Бику, который в свои неполные 18 лет стал самым молодым унтер-офицером батальона. Оба объяснили мне, что только что уничтожили нескольких красных стрелков, которых обнаружили под крышами домов. «В том углу их еще много, но у меня кончились гранаты!» Не закончив говорить, они, набив карманы ручными гранатами, поспешили назад.

Через некоторое время Бику вернулся с опущенной головой. «Ну и?» — спросили мы. «Мы в них попали, но Рожер ранен!» Вскоре принесли Рожера. Он был еще бледнее обычного. Под правым глазом не переставая текла кровавая струйка. Осколок гранаты попал ему под самое веко. Мы положили его в единственное кресло, и вскоре он потерял сознание. Затем мы отнесли его на перевязочный пункт.

Остаток ночи прошел спокойно. Иногда тишину ночи разрывали душераздирающие крики, не имевшие, казалось, ничего общего с человеческими. Это кричали недалеко от нас женщины, кричали, переполненные отчаянием, страданием и смертельным страхом перед солдатами степей, которые изливали на них — настигнутых жертвах — свою звериную жестокость. Мы посмотрели друг на друга и сжали кулаки. «Если бы у нас только были танки! Мы бы быстро очистили весь район!» Мы думали о тех, кто еще вчера помогал нам, чем мог, под вражеским огнем, а сегодня, после того как мы отступили, с ужасом ожидал той минуты, когда пьяные победители распахнут дверь бомбоубежища.

Постепенно мы теряли человеческий облик. Наши глаза пылали, лица ввалились и были испачканы пылью. Тяжелее всего было без воды. Продовольствие из дивизии мы получали по крохам. На все происходящее мы реаги-

ровали как автоматы или роботы. Это был ад. Будущее больше не интересовало нас. Единственная мысль пока еще жила в нас: уничтожить танки, стрелять по красным, бросать ручные гранаты, выстоять, не пропустить врага! Это была наша единственная цель, смысл нашей жизни и одновременно нашей смерти.

Вечером 30 апреля к нам в командный пункт привели пленного русского. Это был украинский унтер-офицер. Хлеб, который у него был, наши ребята разделили между собой, так как они уже несколько дней не ели хлеба. Взамен ему дали сигареты. Он красноречиво объяснил переводчику, что он украинец, а не русский. Был принудительно призван на фронт и является ярым противником большевиков. Мы, конечно, нисколько не поверили искренности его заверений, но слушали его с интересом. Потому что он рассказал, что у русских сегодня объявили о великой победе. В Берлине незанятым остался какой-то один квадратный километр. Этот последний бастион отложили на завтра, вероятно, в честь Первого мая. Его слова были встречены диким хохотом: «Завтра утром мы будем еще здесь, старик, и если твои попытаются прорваться, встретим их, как полагается!»

БЕЛЫЕ ФЛАГИ

Ранним утром 2 мая мы поднялись на здание Министерства авиации и заняли исходные позиции для обороны. Но не успели мы приготовиться, как со стороны вражеских позиций в нашу сторону направились машины с белыми флагами. В них находились русские и немецкие офицеры. Говорили о капитуляции, и действительно вскоре к нам подошли безоружные русские и предложили нам закурить.

Мы не могли поверить, что все закончилось. Это было невозможно! В любом случае, мы не можем просто так взять и сдаться. Что же происходило в рейхсканцелярии? По крайней мере, там мы смогли бы хоть что-то узнать. Руками и штыками мы пробили себе дорогу по одному из туннелей метро. На Потсдамской площади нас поджида-

ло ужасное разочарование: линия метро на том участке дороги проходила под открытым небом...

Лучшее, что мы могли сделать, — это спрятаться под землей и переждать ночь. Один из туннелей заканчивался под сводом моста и был отгорожен осыпью, так что образовывал отличные убежища для ночевки. Мы быстро разделились на несколько маленьких групп и исчезли друг за другом. В этот момент подошли ополченцы, которые имели те же намерения, что и мы. Но эти бедолаги были медлительны и недостаточно проворны, чем привлекли внимание русского патруля, который не заставил себя ждать.

«Не стрелять! Не стрелять!» — закричал первый из них, которого схватил патруль. Русские методично обыскали всю местность и одну за другой нашли наши спрятавшиеся группы. Каждый раз, когда русские проходили мимо нашего убежища, мы сжимались, затаив дыхание. Несколько раз они останавливались как раз напротив того места, где мы прятались, и наши сердца, казалось, готовы были выпрыгнуть из груди. Прижатые друг к другу, мы ждали, отчаянно и упрямо цепляясь за последнюю, такую призрачную, надежду. Конец наступил внезапно. От ударов сапог упал закрывавший нас вал. Красные тут же окружили нас и сразу обыскали наши карманы. Первым, что они забрали у нас, были часы и лишь затем оружие.

Нас вытащили наружу. И тут мы увидели победителей, прогуливающихся группками тут и там с бутылками в руках. Ритуальный танец начался. Один из русских подошел к нам качающейся походкой, со зло поблескивающими глазами, угрожающе искривив рот. Он схватил Рожера Альбера, который шел рядом со мной, и прижал его к стене. Но тут вмешался охранник и вернул пленного в строй. «Еще раз обошлось», — шепнул мне Рожер Альбер тихо.

В тот же момент русский подбежал опять, снова схватил свою жертву и с криками «СС! СС!» выстрелил. Рожер Альбер, не произнеся ни звука, с простреленным виском упал к моим ногам. Когда охранники увидели, что мы замедлили шаг, они начали нас подгонять. Мы как раз проходили мимо рейхсканцелярии, которая в этот момент подвергалась разграблению, когда увидели, как со сторо-

ны Тиргартена двигались сотни и сотни красных танков по направлению к Бранденбургским воротам, словно на гигантском параде, — к Бранденбургским воротам, чей израненный силуэт возвышался в сером берлинском небе последним оплотом, последней надеждой и вызовом...

Доброволец штурмовой бригады «Шарлемань»

С 24 апреля сообщение с группами армий на севере и юге было прервано. В рейхскацелярии с Гитлером остались лишь генералы Кребс и Бургдорф со своими штабами, охрана фюрера, Геббельс и Борман. 28 апреля стало известно, что Генрих Гиммлер наладил связь с нейтральной заграницей. 30 апреля Гитлер застрелился. 1 мая остатки защитников Берлина попытались вырваться на запад. Но удалось это лишь единицам.

ПОСЛЕДНЕЕ СООБЩЕНИЕ ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ ВЕРМАХТА (ОКВ)

«Верховное командование вермахта сообщает: в Восточной Пруссии немецкие дивизии еще в четверг до последнего обороняли устье реки Вислы и западную часть косы Фрише-Нерунг.

Наша группа армий в Курляндии, которая на протяжении месяцев оказывала сопротивление превосходящим ее по численности советским пехотным и танковым войскам и стойко держалась в шести крупных сражениях, снискала себе своим беспримерным мужеством бессмертную славу. Она отвергала предложения о преждевременной капитуляции. В соответствии с принятыми нами обязательствами военные действия и любые передвижения войск были прекращены в полночь.

Защитники Бреслау, которые в течение двух месяцев отражали все советские атаки, после героического со-

противления лишь в последний момент сдались превосходящему их по численности врагу.

На Юго-восточном и Восточном фронтах все войсковые подразделения, вплоть до Дрездена, также получили приказ прекратить огонь. Восстание в Чехии, охватившее почти всю Богемию и Моравию, не смогло помешать осуществлению взятых нами на себя обязательств по капитуляции. К настоящему моменту Верховное командование не получило сообщений от групп армий Лера, Рендулица и Шернера.

С полуночи на всех фронтах молчат орудия. По приказу гросс-адмирала вермахт прекратил ставшее безнадежным сопротивление. Таким образом, завершилась шестилетняя героическая борьба. Она принесла нам великие победы, но также и тяжелые поражения. Немецкий вермахт в конце концов с честью подчинился намного превосходящим его силам противника.

Немецкие солдаты, верные данной клятве, служили своему народу и навсегда останутся в памяти соотечественников. До последнего момента родина всеми силами, в тяжелейших условиях поддерживала их. История вынесет позже свой справедливый и беспристрастный приговор и по достоинству оценит неповторимые заслуги фронта и населения страны.

Противник тоже не сможет не оценить подвиги и жертвы немецких солдат на суше, на море и в воздухе. Поэтому каждый солдат может гордо и с честью сложить оружие и в тяжелейшие часы и дни нашей истории уверенно и смело отправиться на служение во благо вечной жизни нашего народа.

Вермахт скорбит в этот час по своим погибшим и оставшимся во вражеском плену товарищам. Их деяния обязывают к беспрекословному подчинению, безусловной верности и дисциплине перед лицом истекающего кровью отечества».

* * *

Итак, война закончилась! Занавес опустился. Драма переросла в глубокую трагедию, поражающую своими масштабами. В этой трагедии погибли и Ваффен СС.

Не представляется возможным в этой части обрисовать последние и, большей частью, безнадежные бои небольших воинских частей и подразделений, школ и резервных частей, как, например, в Познани, Бреслау, Меце, Праге и Клагенфурте. Те немногие, кто выжил в этих боях, не оставили о них никаких свидетельств. Шлейф забвения опустился на имена всех жертв.

После войны на процессе Международного военного трибунала в Нюрнберге судьи из США, России, Англии и Франции в 1946 году вынесли приговор отдельным лицам и организациям.

Что касается СС, то здесь дела по вопросам, связанным с деятельностью гестапо и службы безопасности, включая оперативные группы, рассматривались отдельно от дел собственно СС, т. е. общих СС и Ваффен СС. Защита последних была возложена на адвоката д-ра Пелькманна, при поддержке членов СС, особенно членов бывшего Главного управления судов. Было допрошено: малой палатой суда — около тридцати пяти, большой палатой — шесть свидетелей. Кроме того, на рассмотрение суда было представлено свыше 115 000 заверенных под судебной присягой свидетельств от членов СС, находившихся в американских и английских лагерях.

Все показания запротоколированы в делах процесса. Но на процессе они не учитывались. Из-за сокрытия и искажения Генрихом Гиммлером истинных задач подчиненных ему органов, а также по причине того, что для дальнейших планов союзников было необходимо заключение по Малмедскому процессу, не удалось вывести солдат Ваффен СС за рамки приговора СС как «преступной организации».

На данный момент не существует никакой возможности пересмотреть решение суда по этому делу. Однако это необходимо! Мы не признаем это решение справедливым.

Мы не забудем наших товарищей и соратников, которые по сей день находятся в местах лишения свободы. Мы знаем, что суд над ними вершили не закон, но месть и ненависть. Когда-нибудь история все расставит по своим местам. Мы требуем справедливости и экспертизы независимых судов. Только такая справедливость может открыть дорогу к становлению будущей Европы и ее безопасности.

Войска СС по убеждению боролись против восточного большевизма, который они по-настоящему узнали только сейчас. Они верили в новую Европу, выходцы из которой были добровольцами в их рядах. Многие из них сохранили ту веру, которая привела их в бой, до самого конца. Старшие товарищи уже давно разглядели безысходность этой борьбы и следствия ошибок руководства. Это вызвало у них, как и у высших чинов вермахта, глубочайшие конфликты с собственной совестью. Как далеко простирается верность присяге? Нужно ли было отойти от нее, исходя из общих интересов народа и его жертв? Они не хотели стать клятвопреступниками! Таким образом, им оставалось только предостерегать, вносить свои предложения, обходить невыполнимые приказы и прекращать бессмысленное сопротивление. И это делали все. Таким образом, они держали данную клятву — с честью и от всего сердца — по отношению к своим солдатам и как тяжелую, печальную обязанность по отношению к вышестоящим.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Политика, которая была готова следовать требованиям рассудка и естественным тенденциям развития народов Европы, должна была последовательно стремиться, политически и экономически, к большой территориальной единице, для которой не могло быть иной формы, чем общий союз европейских государств. Необходимость такой постановки вопроса становилась все сильнее, чем сильнее становилась угроза неприкрытой большевистской экспансии для всего континента.

Задача историков — прояснить, было ли решение Гитлера предвосхитить в 1941-м предполагаемое советское наступление основано на фактическом поведении русского руководства или нет. Война с Финляндией, а также сильное дипломатическое давление, которое советское правительство оказывало во время переговоров на правительство рейха касательно свободы действий в Южной Европе, говорят в пользу этого предположения.

В концепцию, которая вышла за пределы немецкой территории, по всей очевидности, не вошли начальные политические представления немецкого руководства. Тут преследовались скорее цели партийной программы, которая требовала «соединения всех немцев на основе права на самоопределение народов в одну Великую Германию» (пункт 1). Это желание немцев старше, чем национал-социализм. Попытки, в том числе и XIX века, создать «Великую Германию» известны.

В этих же рамках проводилась и идейно-политическая подготовка Ваффен СС, интенсивность и объем которой, однако, не стоит переоценивать. Как уже было сказано, хотя характер частей СС определяли их коман-

диры, которые в большинстве случаев, а некоторые — постоянно руководствовались солдатским мировоззрением, большее значение все-таки имела идейно-политическая подготовка в юнкерских школах. Именно здесь особенно рано и четко проявились те изменения, которые определяли представления политического руководства в течение многих лет.

Существование внутренне укрепленной и вооруженной Германии перед войной постоянно ставилось под угрозу расширением советской сферы влияния на Запад. То, что большевистское руководство упорно преследовало свои цели, уже упомянуто выше. Начало военных действий в 1941 году, однако, означало решающее сражение, которое при поражении обязательно привело бы к возможности красного наводнения в Европе. Война на Востоке поэтому не должна была и не могла рассматриваться как нечто иное. Любое расширение этой строго очерченной военной цели должно было сыграть роковую роль как в потилическом, так и в военном плане.

Боевые части всех подразделений вермахта четко понимали вышесказанное, и Ваффен СС не в меньшей степени, нежели другие. Романтические национально-политические спекуляции, которых время от времени, возможно, придерживались некоторые личности, с самого начала были отклонены на основании военного и человеческого опыта при столкновении с народами России. Деятельность областных и других комиссаров воспринималась, в общем, с недоверием и практически не поддерживалась даже при категорических требованиях. Добровольный переход русских солдат, которые потом отчасти становились активными и чрезвычайно надежными участниками нашей борьбы, а также увеличивающаяся тяжесть войны — что не в последнюю очередь было следствием неправильных политических действий немецкого руководства — ужесточили взгля-

ды боевых войск о необходимости данной борьбы. Добровольцы из почти всех европейских наций, которые вскоре участвовали в этом конфликте в рамках собственных и немецких — впоследствии в рамках частей СС (французы, бельгийцы, голландцы, швейцарцы, испанцы, датчане, норвежцы, шведы, финны, эстонцы, латыши, болгары, румыны, хорваты, сербы, албанцы, итальянцы, представители различных народов России, такие как украинцы, кавказцы, а также индийцы)[1], доказали, что победа над большевизмом рассматривалась как общая задача.

Немецкое политическое руководство, однако, к сожалению, не выдало всеобъемлющего политического заявления по этому поводу, которое бы поставило это общее стремление в конкретные рамки, лозунг о «Новом порядке» не был достаточно и убедительно конкретизирован, так что вопрос об этом постоянно возникал — когда это было возможно в напряжении тяжелых боев. Хотя в объяснении понятия рейха не было речи о расплавлении наций и даже, наоборот, постоянно подчеркивалось своеобразие народов, однако то обстоятельство, что Адольф Гитлер считал еще не своевременным полное и программное объяснение этого пункта, привело к упущению некоторых политических возможностей. На международном конгрессе журналистов 1943 года в Вене Леон Дегрелль (дивизия «Валлония», майор Ваффен СС, обладатель дубовых листьев, золотого нагрудного знака за рукопашный бой, Золотого немецкого креста, золотого нагрудного знака «За ранение») призвал всех участников «наконец узнать, за что, а не только против чего мы боремся». Сами добровольцы в своем поведении и высказываниях никогда не

[1] Существовал даже английский легион, который, однако, не успел поучаствовать в боях.

делали тайны из того, что они воевали только лишь, чтобы предотвратить большевизм.

В одной юнкерской школе эстонские офицеры категорически заявляли, что они являются не «национал-социалистами», а «антибольшевиками».

Последовательное изменение представления о «Великой Германии», или «рейхе», до концепции единого союза европейских государств проходило медленно, но постоянно.

В то время как на поле боя для войск военные действия затмевали все остальное, в юнкерских школах развитие политических идей играло большую роль. При этом особое значение стала иметь юнкерская школа в Тольце, поскольку здесь европейские добровольцы обучались совместно с будущими немецкими офицерами.

В открытых разговорах, которые — здесь это можно спокойно признать — были полны критики со стороны европейских добровольцев, обсуждались все проблемы, которые требовали пояснения. Личный адъютант фюрера, оберштурмбаннфюрер Рихард Шульце, который долгое время командовал активной учебной группой в Тольце, после своего возвращения в Главный штаб фюрера в конце лета 1944 года передал Гитлеру обеспокоенность добровольцев и их однозначное заявление по поводу будущей государственной формы отдельных стран. Здесь нужно упомянуть телеграмму, которая 28 сентября 1944 года была адресована норвежцам. Вот ее текст (отрывок):

«...Воля фюрера состоит в том, чтобы после победоносного завершения этой судьбоносной борьбы на принципах свободы и независимости построить национальную и социалистическую Норвегию, которая отдаст европейскому сообществу лишь те полномочия на высшем уровне, которые неотъемлемы для безопасности Европы, поскольку лишь сообщество может быть и будет носителем и гарантом этой безопасности».

Гитлер приказал, чтобы европейским добровольцам раз и навсегда объяснили немецкие военные цели в этом духе.

Это заявление чрезвычайно укрепило европейский дух юнкерской школы Тольц и Ваффен СС и было воспринято с большим удовлетворением. Под руководством Клингенберга европейский характер школы особенно усилился. По приказу руководства рейха здесь были несколько раз проведены «Европейские конференции», на которых ученые из разных стран давали обзор о развитии континента (включая и Россию). Особенно большой интерес вызвала конференция по Восточной Европе, темы которой соответствовали разумной, принимающей во внимание реальные мировые обстоятельства политике. Доклады касались различных тем, вплоть до, например, истории русской православной церкви.

Культурное самосознание европейской семьи народов нашло отражение во впервые включенном в воспитательную программу военной школы «эстетическом воспитании». Включение в военную образовательную программу для офицеров часов духовного воспитания и введения в мир европейского искусства, «эстетических часов», было давно взлелеянным желанием одного из последних командиров юнкерской школы Тольц, уже названного выше штандартенфюрера Клингенберга. Сам Клингенберг показал себя не только образцовым солдатом в своей дерзкой атаке на Белград и позже в своих боях в России, но был при этом эстетически очень развитым человеком. Когда он требовал «воспитания эстетики во всем», то не только из соображений образования, но и в качестве значительного средства формирования зрелой личности будущих офицеров. Для него было очевидно, что самый верный и глубокий способ сплочения европейских добровольцев наряду с солдатской жертвенностью и товариществом — это создание

культурной сообщности. Никакая логика и никакая политическая необходимость не мотивировали так сильно, как глубокое переживание европейской культуры и тех вкладов, которые внесли в нее отдельные нации.

Таким образом, в Тольце, по мере того как постепенно формировалась эта программа, начались, сначала проводимые время от времени, потом и постоянно, мероприятия, на которых оркестры, камер-музыканты, певцы, инструментальные солисты, актеры и поэты представляли шедевры европейской музыки и литературы. Баварский государственный оркестр, камер-певцы Мюнхенской государственной оперы, Мюнхенский государственный театр и многие другие часто были гостями Тольца. Все программы перед концертами тщательно прорабатывались со слушателями на уроках, как теоретически, так и практически (на инструментах).

Эстетическое воспитание постепенно превратилось в значительный фактор идеологической подготовки, который впервые таким образом был применен в военной школе. Этот «новый дух», которым тем самым вошел в офицерское обучение, вызывал удивление и признание командиров военных школ армии и флота, которые часто приезжали сюда, тем более что это стремление не носило случайный назидательный характер, а было важной частью воспитательной и образовательной работы.

Насколько сильно это нововведение было воспринято вокруг, свидетельствует тот факт, что между Тольцем и другими военными школами, даже Военной академией, существовала постоянная связь и ответственные за эстетическое воспитание этой юнкерской школы регулярно приезжали туда читать свои доклады.

Наряду с обязательными занятиями у юнкеров была возможность заниматься в хоре или игрой на инструментах. В их распоряжении находилась обширная музыкальная библиотека с творениями всех европейских

мастеров, нотами, а также книгами и богатой коллекцией музыкальных инструментов — скрипок, альтов, виолончелей, духовых инструментов, пианино. Большой актовый зал в Тольце был снабжен великолепным органом. Камерная музыка была неотъемлемой частью школы.

В особенном свете предстает эта работа, если вспомнить, что развитие этого направления началось в конце 1943 года и достигло кульминации примерно к концу 1944-го.

* * *

Наличие такого количества независимых личностей обусловило то, что сам собой сформировался абсолютно недогматический подход, ведь нужно же было выработать основы и предпосылки для совместной жизни народов. При этом на занятиях критически обсуждалась партийная программа НСДАП, которая к тому времени все еще задавала политическую линию внутри рейха. Особенно обращали внимание на высказывание Гиммлера, что, по его мнению, следующим рейхсфюрером СС, то есть его преемником, будет, возможно, не немец, а представитель какой-либо другой европейской нации, поскольку именно в рядах этих бойцов рождались самые сильные импульсы для общей Европы. То, что подобные мысли не разделялись всеми, не вызывало удивления.

В пользу широты образования говорит также, что в библиотеках юнкерских школ имелись в распоряжении книги, которые были запрещены в Германии. К ним относились, помимо прочих, и труды Конрада Гейдена «Гитлер — жизнь диктатора»; далее — Георг Александер «Миф Гитлера», книги Маркса, Энгельса, Ленина и др.

Уникальным для Германии было то, что здесь наряду с флагом со свастикой вывешивались флаги всех евро-

пейских наций, даже триколор, поднятие которого было везде запрещено. Французские добровольцы продолжали носить свои ордена, добытые еще во время похода 1940 года против Германии. В другом учебном подразделении бывшие служащие голландской армии лежали рядом с солдатами полка СС «Фюрер», с которыми они сражались еще в 1940 года у Греббеберга.

Обучение не проходило — как иногда ложно утверждают — в обстановке секретности, а следовало всем инструкциям, которые были схожими для всех военных школ армии, а также для школ морской пехоты. После посещения начальника ведомства по подготовке будущих офицеров армии и военно-морского флота, а также командиров военных школ этих частей вермахта инструкции были ужесточены. В дальнейшем ученики Армейской военной академии Хиршберг в конце своего обучения проводили несколько дней в Тольце, где наряду с другими командиром юнкеров был сильно раненный в войне голландский офицер, отвечающий за идеологическую подготовку, а также другие офицеры ненемецкого происхождения.

Как и в самих войсках, здесь не существовало различий в назначении на должности офицеров немецкого и ненемецкого происхождения. Так, во время боевых действий случалось, что при бельгийском командире батальона немецкий командир роты и норвежский командир взвода командовали как немецкими, так и ненемецкими солдатами. И если, в общем, сохранялся все-таки национальный принцип формирования групп, то это объяснялось лишь языковыми барьерами.

При последнем командире юнкерской школы Тольц, оберштурмбаннфюрере Рихарде Ш у л ь ц е, даже было сделано предложение предоставить возможность военнопленным английским и американским офицерам, при взятии с них слова чести, не совершать побега, свободно находиться от 8 до 14 дней в юнкеркой школе Тольц,

чтобы они смогли составить представление о Ваффен СС и европейском добровольческом движении. Переформирование юнкерской школы в боевую единицу и быстрый ввод ее в боевые действия воспрепятствовали исполнению этого намерения. Несомненно то, что дело бы дошло и до контактов с противниками тех лет, как это было уже с противниками 1939—1940 годов. Поведение американских боевых частей после капитуляции подтверждает это предположение, поскольку везде, где это поведение не определяли приказы, призывающие к другому, оно выражало солдатское признание и уважение.

Определенные военные круги союзников, а также некоторые группы несолдат, приписанных к американским частям, успешно умели давать понять добровольным борцам против большевизма — как немецкого, так и ненемецкого происхождения, — что их борьба против советского народа должна рассматриваться как преступление.

История последних лет доказала уже их неправоту.

* * *

Часто задавался вопрос о причинах, побудивших наших европейских товарищей по оружию вступить в наши ряды. Некоторые при этом не упускали возможность с пренебрежительной улыбкой указать на те круги в европейских странах, которые под лозунгом «рейх» проводили партийную политику, нанесшую ущерб как вышестоящей идее, так и репутации Германии. Но это не были те солдаты, которые сражались вместе с нами на поле боя; братьями по оружию могут считаться лишь те, которые, в первую очередь, были готовы рисковать своей жизнью, прежде чем вступить на политическую сцену своей Родины или всей Европы. Таким образом, отпадает вопрос о личных мотивах этих добровольцев, ибо тот, кто хочет сделать карьеру или заработать денег, тот, скорее

всего, не пойдет на риск, при котором вероятность остаться в живых равна десяти процентам. Послушаем сами, что говорит по этому поводу один голландский доброволец:

«Сегодня нам часто задают вопрос, не только наши «победосносные соотечественники», но и некоторые немецкие братья по оружию, что же потеряли мы тогда в немецких рядах, мы, «иностранные добровольцы». Нередко при этом нас с добродушной улыбкой уверяют в том, что это было «довольно глупо» с нашей стороны... Но когда мы отвечаем этим людям, что мы и сегодня не повели бы себя в этой ситуации умнее, то встречаем полное непонимание.

Однако в годы поражения и позора, связанного теперь, в сегодняшнем мире, с этим поражением, именно эта мысль была нашим единственным утешением.

Тот, кто сегодня, сам не испытав это на себе, хочет понять, что побуждало тогда европейских добровольцев сражаться под «немецкими» знаменами, должен знать, что знамена Ваффен СС уже не были «немецкими», они стали европейскими знаменами, первыми европейскими знаменами, которые тогда начали поднимать. Таким образом, открывается истина, которая скрыта от глаз посторонних, даже от многих наших братьев по оружию, даже от некоторых твердолобых немецких представителей Ваффен СС: европейские добровольцы были не только привязанными к своей Родине патриотами, но тем самым стали и первыми патриотами единого обширного сообщества, ибо они первыми постепенно научились думать об интересах, выходящих за рамки их собственных стран.

Не важно, были ли это датчане, норвежцы, шведы, фламандцы или валлоны, которые встали против корыстолюбивого мышления в своих странах, или голландцы и французы, которые отвергали ставшие спорными традиции своих националистических колониальных империй, — убеждения были одинаковыми.

Заслуга немецкой мысли состоит в том, что она сделала первую политическую попытку отхода от сверхиндивидуалистического развития, которое со временем стало

смертельным. Там, где эта попытка провалилась, она была еще слишком завязана на прошлом: иной немец шел в бой как чистый «националистический немец», и тогда народы Европы видели в тех или иных немецких действиях и убеждениях угнетателей, а не ведущих за собой освободителей. Но, в общем и целом, подобные явления должны были быть преодолены.

Однако для европейских добровольцев было два роковых сопутствующих явления. Во-первых, по причине признания высоких целей и возможностей этих огромных перемен на континенте мы должны были неотвратимо поменять свое мировоззрение; с другой стороны, нам при этом бросилась в глаза (ведь дух нового образа мышления был очевидно «немецким») вся та ненависть, которая за последние столетия обрушивалась на немецкий народ. В Европе индивидуалистического мышления Германия, и, прежде всего, Пруссия, была и остается представителем старого, связывающего человека долгом образа мышления, и ее за это недолюбливают. Любить французов — значит открыть для себя образованность и элегантность, любовь к англичанам требует благородства и ума, понимание немцев или даже любовь к ним, кажется, является лишь свидетельством плохого вкуса.

И вот когда мы, и без того борцы с национальным и личным эгоизмом, к тому же еще стали «немцами», то мы попали в полную изоляцию, вражеский характер которой был направлен одновременно и против Германии. Но такое давление, противопоставленное честной воле, всегда вызывает противоположный результат: солдаты, изначально настроенные по-национальному и по-европейски, начали теперь видеть в Германии действительно свое второе духовное Отечество, так, как гуманисты столетия назад видели во Франции свою вторую духовную Родину. Отсюда выросла легенда об измене Родине, в которой, однако, никогда не обвиняли гуманистов в связи с Францией. Все, кто подвергся таким гонениям, были по антиконституционным законам смещены со своих постов. Наконец, нам даже отказали в праве служить офицерами в армии. Сильнее нельзя унизить любовь к своему Отечеству.

Когда же началась война Германии с Россией, мы, кажется, были единственными в своих народах, кто понял, что это могло быть только началом большого, решающего столкновения Европы с большевизмом и что в нем Европа выступала разрозненно, а не едино. Что было очевиднее, чем идея заставить немцев дать побежденным до этого народам всю мыслимую свободу, чтобы заполучить их для общей борьбы? В вопросе немедленного освобождения военнопленных, которое было проведено в разных местах с беспримерным благородством, Германия прислушалась к нашим голосам. Поэтому можно было надеяться на то, что впоследствии возникнет и Новая Европа.

А потом раздалось слово «империя»...

Чтобы понять невероятное воодушевление, которое вызвала эта программа в наших рядах, нужно также иметь представление о том воздухе, которым мы тогда дышали. Мы, которые знали лишь выдохшуюся атмосферу национальных государств, занимавшихся лишь производством и перераспределением, и всегда жаловались на то, что наши народы отодвинуты на задний план и отреклись от своей роли в истории, вдруг увидели перед собой задачу, которой могли посвятить всю нашу любовь и всю нашу силу: создание действительно обширной империи, которая лишь одна могла соответствовать социальным, политическим и духовным потребностям Европы. И поэтому мы бросились в объятия «Германии», мы побежали в явочные пункты и с невероятной гордостью надевали военный мундир, чтобы своей кровью и жизнью сделать возможным то, что было действительно нашей целью — новая, обращенная в будущее Европа.

* * *

В тяжелой действительности фронта меркло все, что не сидело глубоко в наших сердцах, меркли желания и мечты, отступали пафос и риторика. Оставалось лишь бессловесное служение, молчаливая жертва и то, что перед смертью являлось в последнем одиночестве. Насколько сильной была наша любовь, было видно не из

прихода в явочный пункт, а позже, под пулеметным огнем, когда мы хоронили наших товарищей в чужой земле и постепенно срастались с нашей задачей. Через четыре года мы уже доросли до того, что в наших рядах «иностранцы» командовали немцами, а немцы — «иностранцами», и ни у кого при этом не возникало каких-то мыслей. Мы говорили на коверканном языке, понятном лишь посвященным, но рядом с нами стояли уже не немцы, французы, норвежцы, шведы или швейцарцы, это все были боевые товарищи, которые прошли с нами весь путь, товарищи, которым можно было слепо доверять, братья в сообществе, у которого не было больше государственных границ и которое было закалено кровью и сталью...

Возможно, в нас было слишком много доверия, возможно, в опьянении восторга мы слишком слепо подчинялись, возможно, нам сперва следовало посмотреть, к чему это привело наши народы...

Последующие годы показали, что и в Германии все было не так чисто, хорошо и благородно, как мы себе это представляли, не проверив, в восторге от нашей высокой цели. И все же наше стремление осталось таким же бескорыстным и великим, как всегда.

Если история, исходя из предпосылки, что именно в желании или нежелании народов лежат решающие причины для политического развития, когда-нибудь будет оценивать и нас, то пусть судит — мы не боимся ее приговора.

Результатом нежелания других служит сегодня послевоенная Европа: закатившаяся Британская империя, униженная Франция, Голландия, лишившаяся своих колоний, подвергнутая сильнейшей угрозе Скандинавия и разорванная на части, разграбленная Германия.

Как ужасно должны же были обмануть и разочаровать нас немцы, как сильно же они должны были предать рыцарство и благородство во время войны, если как результат нашей совместной борьбы нам не уготовано ничего лучшего, чем то, что мы имеем сейчас...»

(Ф. д. М.)

* * *

Здесь следует добавить еще несколько слов о сегодняшней ситуации: было бы неправильно, если бы те, кто десять лет назад уже осознанно под знаменем общей европейской идеи пришли в ряды наших солдат, говорили бы в свете сегодняшних попыток: «Вот видите, а мы тогда делали то же самое гораздо лучше». Кроме того, не может быть мнения, что, дескать, из европейской армии 1953—1954 годов ничего бы не получилось, если перед этим не попросили бы совета у европейских солдат 1943—1944 годов. Попытка продолжить прошлое была бы бессмысленной; историю невозможно повторить.

С другой стороны, определенно, недостойно Европы то, как сегодняшние ораторы обращаются со вчерашними солдатами, пусть даже тогда некоторые вещи были неправильными. Мы же не хотим забывать: сначала идут только речи, и абсолютно непохоже, что те, кто сегодня с кафедр громче всех призывает к европейскому объединению, могут первыми же схватиться и за карабины. В Европе проливается много чернил — но, однако, уже было время, когда здесь пролилось много крови, не только немцев, но, прежде всего, и негерманцев.

И, таким образом, мы наблюдаем современное развитие событий с беспокойством. Невозможно верить в особенно хорошо сконструированный автомат или в танк «Центурион», а презрение к смерти развивается не в ЗАО «Оборона». И пока свобода и честь солдата не находятся под защитой, пока над «военными преступниками» идут процессы, «в целях проведения политики правительств, а не справедливости» (сенатор Тафт), — до тех пор не сможет развиться то, к чему сегодня так часто призывают с самых высоких постов, — действительное государственное сознание или, лучше даже, то, что стоит за ним: жертвенная любовь к Родине.

Малмедский процесс

По причине нехватки места невозможно здесь подробнее остановиться на процессах над представителями бывших Ваффен СС, которые были проведены после войны в Германии и в бывших вражеских странах. Основой всех их, в значительной степени, было решение Нюрнбергского международного трибунала, которому потом следовали статьи о военных преступлениях в других странах. Пример коротко описанного здесь процесса над командиром и служащими танковой группы Пайпера (1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер») позволяет, однако, сделать общие выводы о намерениях, которые были реализованы позже в Нюрнберге и других местах по отношению к Ваффен СС. Нижеследующие страницы взяты нами из подробного отчета Дитриха Циммсена, на который мы здесь ссылаемся[1].

Все еще находятся под стражей на земле Федеративной Республики, в Ландсберге, после Малмедского процесса июля 1946 года — как и несколько сотен осужденных после других спорных процессов союзнических судов — солдаты 6-й танковой армии, осужденные за то,

[1] *Цимссен Д.* Малмедский процесс. Бракенхайм / Вюртемберг. 1952. — С. 48.

что они якобы расстреливали американских военнопленных и представителей гражданского населения Бельгии.

Это является несправедливостью, поскольку не по одному пункту обвинения вина подсудимых не была доказана безоговорочно.

Ошибки, допущенные во время процесса, настолько велики, что и весь процесс является недействительным.

Немцы и американцы с момента объявления приговора требовали отмены все продолжающейся несправедливости. Полковник У. М. Эверетт, адвокат из Атланты, США, сделал это первым, за ним последовали и другие.

Но основополагающие принципы так называемых процессов над военными преступниками категорически исключают возможности опровергнуть уже принятый приговор суда или возобновить процесс ввиду появления новых доказательств. Все еще живущая ненависть 1945—1946 годов, долгоиграющие последствия нескольких кампаний в прессе США против обвиняемых, вопрос престижа и, не в последнюю очередь, нехватка мужества открыть правду, кроме того, до сегодняшнего дня препятствовали законному решению в этом процессе.

Смягчения наказания, которые были проведены, не решают проблемы, поскольку не устраняют несправедливости. Эта несправедливость стоит перед нами, мы не можем ее обойти, если мы стремимся к истинному и долгосрочному пониманию между народами.

Представление об инциденте в Малмеди основывается на рапорте 1-й американской армии от февраля 1945 года. Согласно ему, на пересечении дорог юго-восточнее Малмеди были найдены тела 71 американского солдата на небольшой территории. Медицинская экспертиза показала, что они скончались от огнестрельных и осколочных ранений, в ней описано содержание карманов, личное имущество, ценные вещи и т. д. и сделан вывод о том, что мертвые не были ограб-

лены. Отдельные заключения экспертизы были подкреплены фотографическими снимками.

Сообщение об этом случае радиостанции Калэ и расследование 1-й американской армии было сынициировано некоторыми американскими солдатами, которым 17 декабря удалось выжить на том перекрестке. Их показания в суде, рапорт 1-й армии США, фотографии с экспертизы на этом перекрестке и показания осужденных и свидетелей из танковой группы Пайпера стали основой следующего представления о происшедшем на этом перекрестке.

В бою за Бюллинген танковая группа Пайпера была остановлена и теперь, 17 декабря, продвигалась вперед, чтобы использовать совершенный до этого прорыв. Штандартенфюрер Пайпер сам вместе с командиром бронетранспортерного батальона Дифенталем ехал в передовой группе. Около полудня была замечена приближающаяся с севера колонна американских грузовиков, которая тут же была обстрелена из танкового оружия. Совершенно обескураженные американцы из непривычной к бою наблюдательной батареи потеряли головы. Водители на полном ходу выпрыгивали из машин, автомобили сталкивались друг с другом, опрокидывались или врезались в деревья, застревали в кюветах, некоторые горели. Американские солдаты частично искали прикрытия и стреляли в сторону танков, другие бежали в сторону близкого леса, часть сдалась при приближении немецких танков и была направлена в восточном направлении.

Передовая танковая группа поехала дальше, не заботясь о дальнейшей судьбе застигнутых врасплох американцев. Им нужно было сломить фронтальное сопротивление и при этом принимать во внимание угрозу с флангов.

На расстоянии в пять-десять минут за ними следовал аванград танковой группы под командованием коман-

дира I танкового отделения Печке. Из готовых к сражению танков издалека снова последовало обращение к американским солдатам, находившимся на пересечении дорог, и их обстрел как вражеской группы.

Американский лейтенант Лари, согласно его собственным показаниям, при первом столкновении с передовой танковой группой приказал своим солдатам обороняться и не сдаваться сразу. Очевидно, оставшиеся американцы после того, как танковая группа поехала дальше, объединились и после этого были снова подвергнуты обстрелу. Когда танковый авангард подошел поближе, они сдались ему. Согласно изложению американских свидетелей, после этого с немецкой стороны прозвучал выстрел из пистолета, что заставило американцев броситься на землю. После второго выстрела часть американцев вскочила и попыталась бежать. Когда по ним выстрелил пулемет, они все бросились на землю. Потом кто-то сказал: «Начинаем!» Это возымело почти единодушную реакцию. «Те, кто еще был в состоянии, вскочили, и мы попытались бежать», — говорит Лари. После этого еще один пулемет открыл огонь по убегающим. Четверо из них выступали свидетелями на этом процессе; им тогда, вместе с другими, удалось бежать.

Фотографии февраля 1945 года показывают 71 тело американцев в небольших группах, лежащих отдельно друг от друга. Численность колонны была примерно 200 человек.

Этот инцидент произошел за, самое большее, 12 минут. Уже сама быстрота происшествия в напряженной атмосфере с обеих сторон обуславливает сложность четкой реконструкции событий и при этом выявления возможных виновных.

Американцы не могли тогда прийти к единому решению: сопротивляться? Сдаться?

Соответствует ли рассказ о пистолетном выстреле истине, не было точно выяснено.

Кто из 71 американца погиб в боевых действиях, кто из них однозначно сдался, кто был убит противоречащими военному праву выстрелами, кто пал от пулеметного огня при побеге, — это все уже невозможно выяснить.

Лишь несколько часов спустя осужденный Бризе-мейстер был обстрелян американцами на том же перекрестке.

Однако то, что вопрос вины и судьбы в Малмедском деле невозможно решить, объясняется не боевой ситуацией и обусловленной ей ненадежностью показаний — это объясняется методом ведения расследования.

В начале 1945 года взятые в плен во время боев на Арденнах представители 1-й танковой дивизии СС были допрошены в лагерях для военнопленных во Франции по поводу случая на перекрестке у Малмеди. При этом дело доходило до угроз и побоев.

После капитуляции немецкого вермахта в лагерях для военнопленных в Германии и Австрии были найдены и собраны представители тех частей 1-й танковой дивизии СС, которые тогда проходили мимо этого перекрестка у Малмеди. Протоколы допросов лета 1945 года не были представлены на главном процессе. Вопросы также ставились в свете предположения о приказе к расстрелу пленных. Хотя уже при самих этих допросах были использованы недопустимые методы, результаты, однако, оказались неудовлетворительными. Осенью же 1945 года была сформирована особая комиссия по военным преступникам, которая, согласно специальному указанию майора Фантона, в период с ноября 1945 года по апрель 1946-го подвергла систематическому следствию примерно 1100 представителей 1-й танковой дивизии СС.

Психологическое состояние во время этого следствия как следователей, так и допрашиваемых особенно четко видно на примере нижеследующего клятвенного

заявления Пайпера, которое доктор Е. Леер, Мюнхен, в 1948 году представил в американскую военно-юридическую службу:

«Тема: продиктованные мне «признания», которые были изложены прокуратуре во время Малмедского процесса и опровергнуты мной во время дачи показаний в суде.

А. Первый допрос, касающийся Малмедского дела.

Место: Фрейзинг: центр дознания 3-й американской армии.

Время: август 1945-го.

Следователь: м-р Пол; в процессе о Маудхаузене был обвинителем под именем лейтенанта Гута.

«Мне были разъяснены следующие аспекты:

1. Сведения, полученные от меня, составили неожиданно благоприятную картину.

Как адъютант Гиммлера я был единственным, кто сумел сохранить нравственную чистоту.

Моя репутация офицера танковых войск и честного солдата не подвергается сомнению.

Рапорт G-2 американского майора МакГоуна[1] *выставляет мое поведение во время наступления на Арденнах в особенно выигрышном свете.*

---

[1] О последней фазе боевых действий окруженной танковой группы Пайпера, когда единственным прикрытием были подвалы, в качестве свидетеля во время судебного разбирательства в 1946 году давал показания подполковник МакГоун. Он, будучи штабным офицером 30-го американского разведывательного отдела, попал в немецкий плен под Ла-Глейцем. Он был особенно ценным военнопленным и поэтому единственным, кто был взят войсками при прорыве из окружения, однако ему удалось в ночь с 23 на 24.12.1944 бежать. Сразу же после возвращения в свой полк он в письменном рапорте рассказал о своем пребывании в качестве военнопленного, особенно выделив корректное обращение с пленными и правильное поведение в этом плане войск СС.

2. Американский народ был чрезвычайно взволнован так называемым происшествием на Малмедском перекрестке и категорически требовал жертвы.

Поскольку, по случайности, пресса смогла раздобыть лишь мое имя, то она уже год назад объявила меня Малмедским убийцей. Я якобы являюсь наиболее ненавистным в Америке человеком и, кроме того, «врагом американских солдат номер 1».

Я обречен, так или иначе, поскольку:

a) я был адъютантом Гиммлера;

b) «великая власть пресса» уже заранее вынесла мне приговор;

c) я представлял бы угрозу в качестве возможного подпольного фюрера.

Я должен был показать, что владею искусством проигрывать, и признать, что по моему приказу были расстреляны американские военнопленные на прекрестке у Малмеди.

Я заявил, что готов принять на себя всю ответственность, однако при условии, что никто из моих подчиненных не будет обвинен или осужден.

Однако, прежде чем это высказывание было зафиксировано, появилась комиссия, специально задействованная для расследования Малмедского дела, под руководством капитана Фантона».

B. Вторая фаза предварительного следствия.

Место: Оберурзель; дознавательный центр группы армий.

Время: сентябрь—октябрь 1945.

Состояние: заключение со строгой изоляцией. Длительность семь недель.

1. «Допросов не было. Лишь один разговор с офицером войсковой разведки.

Тема: Поведение американских военнопленных в общем. Поведение майора МакГоуна в частности.

Поскольку собеседник очевидным образом отклонялся от правды касательно персоны МакГоуна, то мои ответы сознательно были выдержаны в сбивающем с толку, ироничном тоне.

2. Руководитель предварительного следствия и будущий главный прокурор подполковник Бертон Ф. Эллис повез меня в Бензхайм, вверх по горной дороге. Здесь произошла безрезультатная встреча с американцем, пережившим этот случай на Малмедском перекрестке.

3. Обращение со мной в Оберурзеле было крайне удручающим. Что касается продовольствия, прогулок и курева, то меня везде как «GI — врага номер один» дополнительно дискриминировали. На 24 часа меня заперли в так называемой «теплой камере», которая потом была нагрета до 80 градусов. В отправлении естественных человеческих потребностей мне было отказано и сообщено, что меня теперь будут сжигать. Поскольку длительность процедуры и все увеличивающаяся жара не оставляли мне сомнений в серьезности этого намерения, то единственным выходом для меня, если я хотел прекратить пытку без долгосрочного вреда своему здоровью, стало ломание отопления и битье окна».

С. Третья фаза следствия.

Место: Цуффенхаузен; лагерь для подозреваемых военных преступников.

Время: октябрь—ноябрь 1945.

Состояние: одиночное содержание как «изолированного заключенного». Длительность: пять недель.

1. «Допрос был проведен лейтенатом Перлем. Мне были разъяснены следующие положения (см. по этому поводу мой устный пересказ в Малмедском протоколе):

a) Я являюсь самым ненавистным человеком в Америке, и общественность требует моей головы.

b) Особенно мне не повезло в том плане, что среди жертв этого перекрестка был сын одного сенатора и сын одного влиятельного промышленника. Озлобленные отцы дали истории широкую огласку и мобилизировали прессу, отчего из военного инцидента выросло политическое дело, которое уже невозможно проигнорировать.

c) Американская пресса уже повесила меня априори.

d) Хотя я и являюсь неординарным и «обожествляемым» моими солдатами, я не должен забывать о сегодняшних обстоятельствах. Мое время прошло и больше никогда не вернется. Один уже политический инстинкт самосохранения победителей заставляет уничтожать таких опасных элементов, как я. Тот факт, что мы проиграли войну, является, по их словам, нашим главным преступлением, и по сравнению с этим вопрос личной вины имеет лишь второстепенное значение. Он может поклясться, что я больше никогда уже не увижу божьего света.

Чтобы, помимо всего этого, получить основание для возможного устранения всех СС, на Нюрнбергском процессе они были объявлены преступной организацией. Хотя против самх Ваффен СС как таковых соответственно гаагским положениям о наземной войне на данный момент пока еще нет никаких правовых мер, но Малмедский прецедент, без сомнения, в достаточной мере будет способствовать этому.

e) Мне самому он посоветовал сохранять лицо и с достоинством смириться с неизбежным, вспомнив высокие этические идеалы и моральный долг, который имеет прусский офицер перед своими подчиненными. На основании уважения, которым я пользуюсь со стороны всех допрошенных до этого содат, и на основании

общего выигрышного впечатления от меня, следствие верит, что может рассчитывать на полное взятие мною ответственности за происшедшее.

Веря, что тем самым могу сослужить своим товарищам последнюю службу, я согласился на это, однако потребовал немецкого и американского нотариусов, в чьем присутствии для меня должно было быть письменно засвидетельствовано то, что в качестве встречного обязательства все солдаты моей дивизии будут отпущены без какого-либо наказания. Эта уступка была отклонена. 1-й лейтенант П е р л даже заявил:

f) «Если вы сейчас в своей камере покончите жизнь самоубийством, оставив заявление, согласно которому вы давали приказ к расстрелу и являетесь главным виновником происшествия, я буду опровергать это в суде и скажу, что вы никаким образом не причастны к расстрелу. Так дешево «верному лейбштандарту Гитлера» не отделаться».

2. Обращение было плохим и унижающим. Пять недель меня держали в практически полностью темном подвале. Два дня я не получал никакой еды и в течение трех недель не имел возможности мыться и бриться. Санитарные условия не поддаются описанию. Меня обкрадывали и обругивали.

3. Моя реакция. В очевидном совпадении терминологии господина 1-го лейтенанта Перла и мистера Пола — он же лейтенант Гут — угадывалась мощная кампания стран-победительниц по отмщению. Кроме того, примечательная в этой связи открытость и незавуалированный стиль изложения мыслей мистера Перла говорили об их триумфальной уверенности. В свете этого поведения и проявляющегося в обращении со мной явного пренебрежения международными договорами я не рассчитывал уже на какое-либо публичное судебное разбирательство, а настроился на то, что — чтобы говорить на языке лейтената Перла — со мной покончат быстро.

Эта оценка положения сыграла значительную роль в моих будущих высказываниях!

«Если мы хотели продвинуться в этом деле, то мы должны были, прежде всего, сломить дух товарищества», — скажет капитан Шумакер как представитель обвинения на открытии Малмедского процесса, и на это были направлены «методы» следствия.

Офицеры-следователи действительно полностью следовали этой цели с помощью разыгрывания конфронтации между начальниками и их подчиненными, применения трюков, фиктивных судов, побоев, угроз, фальшивых свидетелей и обещаний. Но, тем самым, в заключенном пропадало начисто все доверие и разрушалась последняя опора. Он вынужден был признать безнадежность своего положения, считал при данных правилах игры невозможным дальше продолжать борьбу за свободу и справедливость и равнодушно позволил накинуть на себя тонко сплетенную сеть. Мысленным выводом для каждого должно стать:

a) Личная вина или невиновность здесь не проверяется, и в свете будущего это несущественно. Нас уже потому невозможно больше выпустить на свободу, что мы слишком многое узнали об американских методах ведения следствия и испытали их на себе.

b) Кажется, исключено, что наше дело предстанет перед порядочным судом. Следует ожидать его разрешения «холодным способом», в быстром процессе, без допущения общественности.

c) Поэтому абсолютно не важно, писать или не писать свои показания под диктовку; по крайней мере, таким образом можно избежать невыносимого давления.

d) Если все-таки каким-то удивительным образом дело дойдет до публичного процесса, то все надуманное здание лжи должно рассыпаться, как карточный домик. Все предыдущие показания не являются моими, поскольку они были даны под давлением.

Душевный нигилизм, появившийся после крушения Отечества и потери всех прошлых ценностей, а также сознательное взращивание и развитие этого состояния в камере пыток и психотерапевтическом учреждении Швебиш-Халль посему являются глубинными причинами появления этих «добровольных признаний», и без того бросающихся в глаза своим однообразием.

Без обстоятельного изучения психологических обстоятельств посторонний человек не может понять подоплеки Малмедского процесса, а формально-юридическая ревизия не бывает исчерпывающим документом».

Из подшитых к делу клятвенных показаний других участников, а тажке не участвовавших в процессе немцев и американцев вырисовывается следующая картина ведения следствия.

С доставлением в тюрьму Швебиш-Халль все находящиеся в предварительном заключении начинали подвергаться систематическому изнурению.

Ударами их загоняли в одиночные камеры, все личное имущество у них изымалось, без называния причины их полностью изолировали от окружающего мира, без предписанной прогулки, без права переписки, без посещения священника, без адвоката. Персонал охраны обругивал их, плевал в них, бил, и это свидетельствовало о том, что они находились в руках абсолютно беззаконного и безнадежного произвола действовавших там американских офицеров и чиновников.

Эти чиновники в период с декабря 1945-го по апрель 1946 года применяли следующие «приемы»:

для усиления состояния изнурения: темнота и постоянное прерывание сна;

для подготовки к допросам: побои кулаками и металлическими жердями, удары ногами в голень и пах, издевательства, побои и толкание от одного к другому в воняющих капюшонах с запекшейся кровью на них, много-

часовое ожидание в капюшонах в позиции старта или с поднятыми руками;

во время допросов: зверские побои, приводящие к сильнейшим травмам, часто удары до потери сознания;

в качестве действенного метода допроса: разыгрывание быстрого суда с вынесением смертного приговора в присутствии распятия и свечей, с фальшивыми свидетелями, фальшивыми клятвами, поддельными письменными показаниями, с наряжением в американские офицерские формы;

в качестве самого сильного средства: фиктивная казнь с накидыванием веревки и затягиванием ее до потери сознания после требования сказать последнее слово.

Кроме этого: обещания (смягчения наказания, освобождения, прекращения побоев) в случае подписания желаемого признания, угрозы репрессий против матерей, сестер, жен или детей, обругивание, насмешки, в том числе и над членами семьи, и многое другое.

Так называемые «приемы» применялись более или менее часто по отношению ко всем будущим обвиняемым и по отношению к большому числу других предварительно заключенных.

«Еще никогда в жизни я не видел здание суда или тюрьму изнутри, а тут на меня свалилось столько обвинений, ругани и угроз, что я под тяжестью всего этого был совершенно разбит духовно и стал совершенно безвольным инструментом в руках следователей. Когда я говорил «да», это превращали в «нет» и заставляли меня подписать протокол. Если я говорил «нет», то поступали наоборот. Подполковник Перл диктовал мне мои показания, и я должен был, хотел я того или нет, писать то, что считал нужным Перл, однако я все равно знал, что это неправда.

Таким образом появились мои показния в Швебиш-Халле. Они абсолютно не соответствуют правде и являются не моими мыслями, а мыслями офицера, про-

водившего допрос», — так говорит приговоренный 16 июля 1946 года к смерти через повешение и «помилованный» 20 марта 1948 года с заменением наказания на пожизненное заключение Макс Хаммерер (во время Арденнского наступления ему было 20 лет).

Следствием такого систематического применения психического и физического давления были: полнейшее равнодушие или отчаяние, которые приводили даже к самоубийствам; душевное смятение и болезненная запуганность, полнейшая беспомощность и сильнейшее недоверие ко всем; в любом случае у большинства — аномальное душевное состояние, которое приводило к безудержной готовности подписать и клятвенно заверить все, что им говорили.

Здесь уже не велось следствие, кто виновен и должен нести ответственность за доказанное преступление, нужно было лишь добыть признания, невзирая на правдивость или неправдивость их содержания.

Это утверждение более всего подтверждается самими «стейтментами» (письменными признаниями) из Швебиш-Халля: в практически одинаковых предложениях описываются там действия, немыслимые ни с точки зрения техники стрельбы, ни с психологической точки зрения. Вывод об единообразном влиянии на всех и об аномальном душевном состоянии пишущих напрашивается сам собой.

В любом случае, к концу следствия в начале мая 1946 года набралось 71 клятвенное письменное признание по примерно 20 отдельным делам о расстреле военнопленных и гражданских лиц, жертвами которых пало около 900 американских военнопленных и представителей бельгийского гражданского населения.

Таким образом, обвинение, которое раньше базировалось на утверждении о расстреле 71 американского солдата во время инцидента на перекрестке, могло быть существенно расширено, и тот факт, что якобы бы-

ло доказано большое количество случаев преступления законов ведения наземной войны, привел к тому, что обвинение было предъявлено и высшим чинам командования в том, что они давали указания на ведение войны, противоречащей международному праву. Поэтому по тому же делу подсудимыми стали генералы Дитрих, Прис, Кремер.

«Чтобы исключить правовые осложнения», по приказу от 26 апреля 1946 года 74 обвинямых были 9 мая 1946 года переведены из статуса военнопленных в статус интернированных гражданских лиц (на которых не распространяется действие Женевской конвенции 1929 года). В приказе обозначается, что эту меру «желательно привести в исполнение тотчас же».

Это было подстраховкой для War Crimes Commission (Комиссии по военным преступлениям). Другая мера подстраховки заключалась в том, что представители обвинения были выбраны не так, как это было установлено приказом от 10 мая 1946 года о формировании трибунала, и 16 мая на окрытии судебного разбирательства в судебном зале представителем обвинения была Комиссия по военным преступлениям Эллиса из Швебиш-Халля, во главе с ее руководителем Эллисом в качестве главного обвинителя и Шнемейкером Перлом, Бирне, Эловитцем, Тоном и Киршбаумом в качестве ассистентов.

В качестве свидетелей обвинения в распоряжении находились четыре американских солдата, из тех, кто выжил после случая на перекрестке, а также ряд представителей 1-й танковой дивизии СС, которые были в Швебиш-Халле склонены к высказываниям, обвиняющим их товарищей по заключению. Несмотря на привилегированное обращение, а также угрозы преследования за лжесвидетельство в случае отзыва своих показаний, сделанных в Швебиш-Халле, они были довольно ненадежными свидетелями для обвинения.

Таким образом, главная задача обвинения состояла в том, чтобы добиться в суде признания доказательственного значения показаний из Швебиш-Халля и защитить их от предполагаемых опровержений.

Особенно слабо с самого начала было обосновано обвинение по поводу отдачи военачальниками приказов для ведения войны, противоречащей международному праву.

Еще в начале мая были предприняты судорожные попытки найти свидетелей для этой части обвинения.

Особенно нужно обратить внимание на то, что все показания были даны самими подсудимыми, что означает, что для якобы большого количества преступных действий не было других доказательств, нежели насильственно вынужденных признаний соответствующих подсудимых либо насильственно вынужденных обвинений товарищей по тюремному заключению.

Дахау

В то время как Комиссия по военным преступлениям, то есть представители обвинения, до времени начала судебного разбирательства имели результат в общей сложности девятимесячной подготовки, защита не имела времени на подготовку.

Подполковник У.М. Эверетт добровольно принял на себя ведение защиты. Он смог начать работу лишь незадолго до начала судебного разбирательства. Немецкие адвокаты д-р Херткорн, д-р Леер, д-р Пфистер, д-р Рау и д-р Виланд были допущены к делу лишь непосредственно перед началом судебного разбирательства в Дахау.

В распоряжении не находилось материалов, которыми могла бы воспользоваться защита. Основываясь на своем опыте в Швебиш-Халле, обвиняемые не верили в серьезность защиты и поэтому вначале были крайне не-

доверчивы по отношению к американским и немецким адвокатам.

Свидетелей, которые могли бы подтвердить их невиновность, обвиняемые уже давно назвали следствию и потребовали их участия, но реакции на это не последовало. Многие свидетели, которые добровольно вызвались выступить в защиту обвиняемых, если и были допрошены, то представителями Комиссии по военным преступлением Эллиса, и не были, как было запрошено, зачислены в свидетели защиты. Поэтому в начале судебного разбирательства они не были даже известны защите.

Главный обвинитель отказал полковнику Эверетту в просьбе взглянуть на материалы обвинения. В его распоряжении были лишь те немногие сведения, которые он смог получить от обвиняемых за данное ему короткое время.

Запрос защиты разделить процессы по отдельным категориям обвинения был отклонен со ссылкой на служебное предписание для судебных офицеров, в котором в § 205 было закреплено, что трибуналы, в интересах военной безопасности, должны работать «быстро, эффективно и без бюрократических проволочек».

На троекратное обращение главного представителя защиты с просьбой отвода показаний из Швебиш-Халля суд во всех случаях отклонял тот факт, что признания и обвинения были выбиты путем применения физического насилия.

Во время многочисленных допросов свидетели, давшие до этого обвинительные показания, отзывали их как сделанные под давлением.

То, каким образом чинились препятствия защите, показывают примеры, приведенные позже полковником Эвереттом в кассационной жалобе, среди которых, например, было то, что полковник Эверетт во время судебного разбирательства застал первого лейтенанта

Перла за похищением из камер обвиняемых документов, предназначенных для их защиты.

Полковник Эверетт излагает это дословно так:

«Когда, однако, становился вопрос о подробностях побоев и т. д., то обвинительная сторона заявляла свой протест, который постоянно принимался членом суда, что тем самым препятствовало дальнейшему освещению в открытом суде этих гнусных и жестоких тактик обвинения».

Даже незавершенное показание Арвида Фреймута, который во время составления протокола, не подписав его, покончил жизнь самоубийством, поскольку, как он написал перед самоубийством в тюремном дворе, не мог дальше продолжать эту ложь, было признано доказательным. Главный обвинитель даже спросил под присягой следователя, обер-лейтенанта Перла, о том, что бы сообщил в своих показаниях свидетель, если бы он остался жив.

Во время небольшого перерыва в процессе, запрошенного защитой, она смогла собрать материалы с предполагаемых мест преступления в Бельгии, которые доказали, что многие пункты обвинения были выдуманы, а множественные улики обвинения фальсифицированы. Так, один обвиняемый под присягой признался в Швебиш-Халле, что в местечке Бюллинген без причины застрелил со спины бельгийскую женщину. Офицер защиты привез с места преступления заверенные под присягой показания местного бургомистра и работников ЗАГСа, а также супруга этой женщины, в которых утверждается, что женщина погибла от американской гранаты, которая разорвалась, когда она выходила из дома.

Другие обвиняемые признались в своих показаниях, что в котле в Ла-Глейце у внутренней стены церковного двора расстреляли три группы американских пленных, каждая из которых составляла 20—30 человек.

Офицер защиты, посланный в Бельгию, установил, что в том месте никогда не существовало внутренней стены церковного двора. Священник этой церкви передал защите клятвенное заявление, в котором он сообщил, что в течение всего времени военных действий находился в церкви, как и во время предполагаемого преступления, что на внешней ограде — единственной, которая окружала церковь, — не было установлено никаких следов от пуль, что ни одно из описанных ужасных преступлений никогда не происходило в окрестностях его церкви. Единственным мертвым американцем, которого нашли в этом местечке, был обгоревший труп в подстреленном танке. После полудня, когда якобы произошло это преступление, священник несколько раз обходил церковь и не видел ни одного убитого американца.

Во время процесса произошло моральное укрепление позиции подсудимых, когда американский офицер Генерального штаба подполковник МакГоун добровольно прилетел из Штатов, чтобы выступить в качестве свидетеля защиты.

Перед судом МакГоун рассказал о корректном обращении с ним и с его 140 товарищами по плену в окружении под Ла-Глейцем. На его показания обвинительная сторона ответила обвинением его в сотрудничестве с врагом.

В своей заключительной речи главный защитник У. М. Эверетт еще раз попытался склонить суд к справедливости, однако в заключительной речи обвинение обошло все контрдоказательства защиты и повторило содержание обвинения.

16 июля 1946 года суд, после совещания, длившегося два часа двадцать минут, то есть по три неполных минуты на каждого подсудимого, вынес приговор по Малмедскому делу.

Суд признал всех 73 подсудимых виновными в инкриминируемых им предступлениях и приговорил:

43 подсудимых к смерти через повешение,
22 подсудимых к пожизненному заключению,
2 подсудимых к 20 годам тюрьмы,
1 подсудимого к 15 годам тюрьмы и
5 подсудимых к 10 годам тюрьмы.

Этот приговор не был обоснован ни письменно, ни устно.

Сама комиссия по предварительному следствию американского Сената спросила государственного секретаря Роялла о его мнении по поводу методов ведения следствия. Роялл ответил, что в данный момент пока не может прийти к окончательному выводу. С одной стороны, он лично, по его словам, не одобряет пыток, с другой стороны, в стране есть люди, которые взорвутся яростными криками, если приговоры суда будут отменены.

Страх перед таким отступлением был слишком велик: вместо того чтобы выделить совершенно определенный маленький круг виновных персон, американская армия видела в упреках, ограниченных лишь этим маленьким кругом лиц, угрозу своему престижу. При этом именно защитникам в Малмедском процессе абсолютно ясно, что лишь истинное, староамериканское представление о праве и порядочности может помочь осужденным найти справедливость.

Против этих приговоров последовало много решительнейших протестов с разных сторон, особенно со стороны церкви (в т. ч. земельный епископ Д. Вурм, епископ д-р Нойхойзлер, кардинал Фрингс), за которые мы всем очень благодарны. После всяческих пересмотров с 1 апреля 1952 года 13 приговоров были смягчены до пожизненного заключения, 6 — до 25 лет, 12 — до 20 лет, один приговор — до 18 лет, 7 приговоров — до 15 лет, 2 приговора — до 12 лет, один приговор — до 10 лет лишения свободы. 17 осужденных были отпущены после отбывания одной трети от времени наказания. 13 осужденных, в том числе и 4 приговоренных к смерти, были

отпущены на свободу в апреле 1948 года. Один осужденный умер в Ландсберге в возрасте 22 лет.

Следующие строки прислал нам Йохан Пайпер из тюрьмы Ландсберг, в которой он находится со времени окончания Малмедского процесса.

Слово из Ландсберга

Зерно во тьме лишь к свету прорастет,
а сердце преисполнится богатством.

Гете

В монашеской келье на своей откидной кровати сидит военный преступник и дремлет. На двери написано «пожизненно», а в календаре — «октябрь 1952 года». Поет печка, паук разведывает новые места для зимовки, а осень сотрясает своей грубой рукой решетку окна. Тринадцать лет супружества на расстоянии, пятый год, как приговоренный к смерти снова празднует свой день рождения, и вот уже восьмой год, как он живет в каторжной тюрьме. Ничего не скажешь, радужная молодость. Ни одно животное не заслуживает такого плохого отношения. Только подумать о человеке как таковом: на какие жертвы он способен и на какие подлости. Наколько бесконечной должна быть цепь опыта, чтобы лишь немного понять человеческую суть. Военное поколение имеет опыт общения с людьми. Кроме того, в Ландсберге еще осталось время, чтобы наблюдать и анализировать.

Когда семь с половиной лет назад мы впервые вошли в мир колючей проволоки, мы были словно дети, вдруг потерявшие свою мать. Выросшие и воспитанные на ясных законах фронта, мы чувствовали, что понять новые правила игры выше наших сил. Тот, кто вначале еще думал, что правда может открыть глаза политике, ведомой слепой яростью, вынужден был вскоре узнать, что там,

где ради демагогии на стене нужно рисовать кровожадную фигуру, вряд ли можно ожидать справедливости. Однако наша чистая совесть и наше неведение не имели границ. Ведь государство научило свою молодежь лишь обращению с оружием. Обращению с предательством нас не учили. Мы, вчера еще бывшие частью великогерманского вермахта, сегодня стояли, презираемые и избегаемые всеми, как мальчики для битья, окруженные ревущей толпой. Кто до этого знал лишь одну сторону инстинкта самосохранения, мужественную дрожь перед лицом опасности, должен был теперь привыкнуть к выкрикам «Держите вора!» в свой адрес, вынужден был терпеть доносительство тех достойных сожаления парней, которые хотели вернуться наверх, опускаясь все ниже и ниже. Кто в эти дни не сомневался в Германии и кому отвращение не закрывало рот?

По мере того как жизненное пространство постепенно уменьшалось, представляя собой сначала лагерь, потом барак, потом камеру, мы становились слепы к общему и видели лишь то, что разделяло нас. Недоверие и духовный нигилизм пришли на место товариществу. Каждый указывал на осечки других и оправдывал свое поведение этими обвинениями. «Хомо вульгарис» вырвался из цепей. Примитивные инстинкты были освобождены от всяческих препятствий и торжествовали, в то время как все остальное мы затаптывали в землю с радостью саморазрушения. Голод погонял нами, и человеческое достоинство сгибалось под ним. Благородные традиции и гордая стойкость падали на землю перед окурком сигареты. Неудивительно, что вражеский карательный удар попал по нашим слабым местам. Раздор и недоверие друг к другу — плохие советчики в зале суда. Кроме того, в этот раз положение в любом случае невозможно было бы спасти. Слишком много стараний приложили расставители западней при подготовке. С осознанием этого мы взошли на арену и молча стояли там на

протяжении трех месяцев, пригвожденные к позорному столбу. Три раза по тридцать дней нас протаскивали по канавам за триумфальной процессией победителей. Потом все действительно закончилось. Последний плевок настиг своих жертв и смыл их через мрачные тюремные ворота. Остатки кораблекрушения Второй мировой войны!

Что такое свобода, понимаешь, лишь лишившись ее. Каким восхитительным даром мерещится она заключенному. Лишь тот, кто потерял свободу, может понять, как длинен день; какой кошмар покрыл жизни наших родных на четыре года и семь месяцев. Каждому причиталось только двадцать три кубических сантиметра воздуха для дыхания. В них с этих пор было сосредоточено все «я», до кончиков пальцев.

Постепенно вокруг нас воцарилась тишина. Ее нарушало лишь урчание в животе да песни дрозда по вечерам и утрам. О дрозды, есть ли заключенный, в которого бы вы не вселяли новую надежду?

Нервы, исполосованные кнутом прокурора, прежде всего остального сдружились с одиночным заключением. Кулаки постенно разжались, и дикое сопротивление судьбе стихло. Осталось лишь непонимание, боль за любимых и раздор с провидением, которое гнусно лишило нас честной пули, — мы учились жить в сумерках...

Чем ниже мы падали и чем больше блекло настоящее, тем ближе становились мы нашим корням и тем ярче представало перед нами прошлое. Старые поля сражений были для нас словно земля для Антея, а погибшие товарищи — примером и мерой для нашего поведения. Постепенно приходило смутное осознание того, что жизнь не дает ничего просто так, что все подарки судьбы имеют свою тайную цену. Но перед лицом врага даже самые молодые из нас всегда платили по счету сполна.

Мы сидели в самом темном уголке Германии и смотрели назад, на наше залитое солнцем икаровское путе-

шествие. Ни одному из нас не нужно было опускать при этом глаза. Что значили недостатки и ошибки по сравнению с горячими сердцами, которые мы постоянно и везде были готовы бросить на чашу весов.

Сверхлюди, люди и недолюди пересекали наш путь, и границы между ними всегда оказывались нечеткими. Чем дальше мы продвигались вперед и отдалялись от пустых фраз, тем яснее становилось, что жизнь, подобно свету, состоит из комплементарных цветов. Она рисует не черно-белым и использует много переходящих друг в друга оттенков. Очень медленно, постепенно снова становилось светлее.

Но мы были молоды и не лишены склонности к протесту. Мы кричали «Германия!» и не слышали эха. Мы играли в шахматы через стенку, учились говорить на пальцах и с чувством писали свои некрологи.

Потом мы устали, стали равнодушными, и вместе с надеждой мы повесили на крюк и привычку прислушиваться. Мы стали несправедливыми и озлобленными.

Но существовали ли тогда порядочные парни, которые бы не были заперты в тюрьме, или сочувствие ближнему, которое бы не было растоптано ногами? Как бы то ни было, иные отказались от принадлежности к обществу, стали врагами человечества и напрягали свой мозг и свои железы лишь для производства желчи. Это как раз тот тип людей, который везде можно узнать по неисчерпаемой памяти, в которой они тщательно хранят все обиды.

Другие же поняли, что псевдодемократические речи в духе «Здесь мы все равны» — не больше чем глупая болтовня, спасательный круг из свинца, утягивающий прямо на дно канавы. Они всеми силами боролись с причислением их к массе и с постоянным течением вниз. Они стали философами, попытались сохранить свою внутреннюю свободу с помощью сознательного индивидуализма и дифференциации и, в конце концов,

сидели в тюрьме как в удобном кресле. Но самыми счастливыми при этом были те знатоки жизни, чье мировоззрение походит на мировоззрение бабочки-однодневки. Кто их не знает, этих задорных парней, остроумие которых даже в самой невероятной ситуации находит еще более невероятную шутку? Все начали вести эгоцентрическую жизнь, натягивали на себя маски и оскаливали зубы. Каждый до крови разбивал себе крылья, пока наконец локти спасительно не зароговели.

Когда жизнь протекает за тюремными стенами, вдали от жены и детей, сложно оставаться справедливым и объективным. Молодежь в бессильной ярости сотрясала свои цепи, чувствовала, как силы покидали ее, а смелость уставала. Постепенно все утихало.

Время было таким тяжелым, что его быстро забываешь, как страшный сон. Оно медленно, мучительно тянулось, переходило на другой берег, и уже даже магические каракули на стенах не могли его остановить. Началось летоисчисление по дням бритья и пудингам.

То, что доходило в наши камеры смертников из внешнего мира, тоже не слишком-то могло облегчить нашу смерть. Мы узнали, что служили в преступной организации преступного государства. Поток грязи разоблачительной и мемуарной литературы принес заявления военачальников и дипломатов, которые, как оказалось, намеренно работали на поражение своего отечества. Ты чувствовал себя словно оказавшийся в навозной куче Деция Муса[1]. С тех пор под мрачными сводами нашей Лемурии уже невозможно было иметь столовых приборов. Единственной константой в этом хаосе был молчаливый героизм наших жен и матерей.

Но время не только разделяет, оно еще и лечит. Постепенно и нерешительно снаружи началось поднятие

[1] Три римских консула — дед, отец и сын, которые добровольно приняли смерть и тем самым привели римские легионы к победе (350, 295, 279 гг. до Р.Х.).

национального самосознания. Время мародеров, грабивших трупы, прошло. Снова восстановился порядок и, казалось, уже давно убитая порядочность. И с ее первыми разведывательными отрядами вышли на сцену товарищи, которым так долго зажимали рот. Изгои послевоенного времени все-таки не забыли своих еще более несчастных братьев. Отчего произошло так, что готовность помочь находилась в обратно пропорциональной зависимости к воинскому рангу? Самые верные сыны Германии, оказалось, жили в самых маленьких хижинах.

Мы, в любом случае, чувствовали себя как окруженная боевая группа, к которой наконец начинает поступать по воздуху снабжение, которая с облегчением узнает, что ее еще не списали на тот свет. Слепой после ранения радист танковых войск сидел в своей сырой подвальной квартире и ткал наволочку для своего приговоренного к смерти командира. Солдат с ампутированными ногами оторвался от своей любимой книги и тоже протянул руку помощи. Не должна ли была вновь воспылать слабая искра надежды? Бессмысленное время начинало снова обретать смысл...

Из-за постоянных побоев мы стали такими упрямыми и строптивыми, что процесс заледенения был уже практически необратим. И вот теперь мы вдруг почувствовали благодеятельное дыхание теплого фронтового товарищества, узрели, что снаружи происходило не только торжество подлости и уничижение всех ценностей. Началось новое понимание трудностей жизни за воротами тюрьмы, и ушло ощущение того, что весь мир вертится вокруг Ландсберга.

Через давление и волнение мы нашли путь к толерантности — и, возможно, что в этом и состоит выигрыш потерянных лет. В том, что мы сначала должны были проникнуть в самые труднодоступные уголки самопознания, прежде чем найти там человеческие недостатки. Что мы должны были упорнейше учиться завидовать

самим себе. И лишь теперь в нашей борьбе за правду и за суть мы осознали всю относительность, всю субъективность любой точки зрения. После тяжелого времени обучения ограниченность переросла в полноту картины, мы сорвали с себя шоры.

В то время как бессмысленность времени, проведенного в страдании, превращалась таким образом, почти незаметно, в значимость и ростки познания, снаружи тоже происходила большая перемена, и большая жертва нашего народа получила видимое оправдание. Где была бы сегодня разорванная Европа без уже ставшей неотъемлемой частью истории защитной плотины из немецких тел? От Кавказа до Финляндии широким размахом проходит линия европейских форпостов. Представители всей нашей культуры беззвучно несут свою службу. И даже если их могилы сровнены с землей и многие страны все еще стыдятся своих самых благородных сынов, все равно именно этому авангарду европейской идеи мы должны быть благодарны за то, что потомки Чингисхана еще не омывают свои танки в Атлантическом океане.

Давайте похороним по дороге всю затаенную злобу, товарищи. История рассудит более справедливо, нежели ослепленные яростью современники. Опасность сегодня так близка, а нужда так велика, что никто не должен остаться глух к этому призыву.

Не забывайте, что в рядах Ваффен СС погибли первые европейцы, что жертвы послевоенного времени в большинстве своем были из наших рядов и что они были объявлены вне закона лишь потому, что верили в неразделимость Европы. Пусть эти мученики не будут забыты. Не останавливайтесь на полпути. Европейская идея — это единственный политический идеал сегодня, за который еще стоит бороться. Никогда она еще не была так близка к своему осуществлению. Схватите ложь за горло, разбейте лицо клевете, помогайте своим соседям и

вдовам солдат. Если каждый снова обретет себя и простые ценности, отречется от эгоизма, в бедности увидит этику и снова станет чувствовать ответственность перед обществом, тогда мы и в этот раз выберемся из грязи и соорудим плотину до того, как наступит наводнение.

В войне наши величественные дивизии считались непоколебимыми в самых кризисных ситуациях. Тюремным надсмотрщикам всех стран известна наша стойкость. Пусть же наши дети когда-нибудь скажут про нас, что мы и в несчастье достойно встретили свою судьбу, что мы даже в заключении вносили свою лепту в примирение и в европейское мышление. Я приветствую всех тех, кто даже в темнице не потерял свободу.

Ландсберг, 15 октября 1952 года
Йохан Пайпер

БОЕВЫЕ ВОЙСКОВЫЕ ЧАСТИ ВАФФЕН СС

1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» 1939

2-я танковая дивизия СС «Рейх» (сначала — дивизия особого назначения) 1939

3-я танковая дивизия СС «Тотенкопф» 1939

4-я полицейская танково-гренадерская дивизия СС 1939

5-я танковая дивизия СС «Викинг» 1940

6-я горная дивизия СС «Норд» 1940

7-я горная добровольческая дивизия СС «Принц Евгений» 1941

8-я кавалерийская дивизия СС «Флориан Гейр» как дивизия с 1942

9-я танковая дивизия СС «Гогенштауфен» 1943

10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг» 1943

11-я танково-гренадерская дивизия СС «Нордланд» 1943

12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» 1943

13-я горно-стрелковая дивизия «Хандшар» (мусульмане) 1943

14-я ваффен-гренадерская дивизия СС (Галиция) 1943

15-я ваффен-гренадерская дивизия СС (Латвия) 1943

16-я танково-гренадерская дивизия СС «Рейхсфюрер СС» 1944

17-я танково-гренадерская дивизия СС «Гетц фон Берлихинген» 1944

18-я танково-гренадерская дивизия СС «Хорст Вессель» 1944

19-я ваффен-гренадерская дивизия СС (Латвия) 1944

20-я ваффен-гренадерская дивизия СС (Эстония) 1944

21-я горная дивизия СС «Скандербег» (Албания) 1944

22-я кавалерийская дивизия (Венгрия) 1944

23-я горно-стрелковая дивизия «Кама» (Хорватия) 1945

24-я горная карстверская дивизия 1945

25-я гренадерская дивизия 1945

26-я танково-гренадерская дивизия СС (танковая бригада СС Гросса) 1945

27-я добровольческая танково-гренадерская дивизия «Лангемарк» (фламандцы) 1945

28-я добровольческая танково-гренадерская дивизия СС «Валлония» (валлонцы) 1945

29-я ваффен-гренадерская дивизия СС (Италия) 1945

30-я ваффен-гренадерская дивизия СС (Белоруссия) 1945

31-я добровольческая гренадерская дивизия СС 1945

32-я танково-гренадерская дивизия СС «30 января» (танково-гренадерская школа) 1945

33-я ваффен-гренадерская дивизия «Шарлемань» 1945

34-я ваффен-гренадерская дивизия СС «Ландшторм Недерланд» (Голландия) 1945

35-я полицейская гренадерская дивизия СС 1945

36-я гренадерская дивизия СС

37-я кавалерийская дивизия СС «Люцов» (?)

38-я танково-гренадерская дивизия «Нибелунги» (юнкерская школа Тольц) 1945

4-я добровольцеская танково-гренадерская бригада «Недерланд» (Голландия) 1945

французская добровольческая штурмовая бригада (позже — 33-я ваффен-гренадерская дивизия) «Шарлемань» 1944

Также временно существовали следующие войсковые части:

восточно-туркестанский, кавказский, индийский легионы, норвежский лыжный батальон, два румынских и один болгарский батальон и три казачьи дивизии.

ВОЙСКОВЫЕ КОМАНДНЫЕ ШТАБЫ

Главное командование 6-й танковой армии СС конец 1944

Штаб I танкового корпуса СС 1943

Штаб II танкового корпуса СС 1942

Штаб II танкового корпуса СС 1943

Штаб IV танкового корпуса СС 1944

Штаб V горного корпуса СС 1944

Штаб VI армейского корпуса СС 1944

Штаб IX горно-стрелкового армейского корпуса СС 1944

Штаб XI—XIV армейского корпуса СС (смешанные штабы) 1944

Штаб XVIII армейского корпуса СС (Рейнский фронт) 1944

ВОЙСКА КОРПУСОВ И САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ

Дивизион тяжелой артиллерии 501—505
Дивизион реактивных минометов 501—505
Подразделение тяжелых танков 500—503
Подразделение истребителей танков 560
Несколько пехотно-танковых бригад (25, 26, 49, 51)
Полки связи 500—503
Военно-геологический батальон
Усиленные полки «Мертвой головы» 4—14
Соединения истребителей, парашютный батальон 500, 501
Соединения военных корреспондентов «Курт Эггерс»

(список может быть неполным)

СПИСОК ВЫСШИХ КОМАНДНЫХ ЧИНОВ

(включая командиров дивизий)

Из лейбштандарта «Адольф Гитлер»
Зепп Дитрих (до армии)
Витт‡ (ранее — «Рейх»)
Шульдт‡
Монке
Курт Мейер (Панцер-Мейер)
Краас
Трабандт
Вагнер
Виш
Леманн
Штаудингер

Из дивизии «Рейх»
*Кляйнхейстеркамп‡
*Вальтер Крюгер‡ до корпуса
*Биттрих
*Кепплер
*Гилле
*Прис
*Цеендер‡
Шмидхубер‡
Клингенберг‡

Аугсбергер‡
Демельхубер
Ламмердинг
Кумм
Хармель
Хауссер (до группы армий)
Штайнер (до армии)
Остендорфф‡
фон Оберкамп
фон Шольтц‡
Румор‡
Штадлер
Харцер
Баум
Лингер
Кемпин
Мюллер
Ульрих
Мюленкамп
Акс

Из дивизии «Тотенкопф» («Мертвая голова»)
Эйке‡
Симон (до корпуса)
Бекер
Брассак
Бохманн
Дейсенхофер‡

Из полиции
Пфеффер-Вильденбрух (до корпуса)
Мюльверштедт‡
Фрейтаг‡
Хайльманн‡
Вюнненберг

Бреннер
Бок
Шмедес

Из армии (в том числе австрийские и союзнические войска)

Флепс‡ (до корпуса)
фон Тройенфельд‡ (до корпуса)
Циглер‡
Фаль‡
Зауберцвейг‡
Обвурцер‡
Ханзен
Дебес
Кремер
Крукенберг

Из общих войск СС (в большинстве своем назначены лишь в 1945 году)

фон Готтберг‡
Германн‡
Фр. В. Крюгер‡
Граф Пюклер‡
Екельн‡
Штрекенбах
Фегеляйн‡
фон дем Бах-Зелевски

(список может быть неполным)

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ ДИВИЗИЙ ВО ВРЕМЯ КАПИТУЛЯЦИИ

Курляндия: штаб VI корпуса, 19-я дивизия.

Мекленбург: штаб III, XIV корпусов, дивизии 4, 15 и 27, 28.

Район у Берлина: штаб V, XII корпусов, дивизии 11, 32, 35, 36, «Недерланд» и «Шарлемань».

Группа армий Ш е р н е р а: дивизии 10, 18, 20, части 2-й.

Альпы на участке главнокомандующего Западным фронтом: штабы XIII, XVIII корпусов, дивизии 6, 17 и 38.

Район западнее Вены: главное командование армии 6, штабы I, II, IV корпусов, дивизии 1, 2, 3, 5, 9, 12, 14, 16.

В Будапеште: штаб IX корпуса, дивизии 8, 22 и 31.

Балканы и Северная Италия: дивизии 7, 13, 21, 24 и 29.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово 5
От автора 7
Предвоенные годы 9
Ваффен СС на войне 16
Генрих Гиммлер в войне 25
Польский поход 1939 года 33
Голландия / Франция. 1940 год 35
Война на Балканах в 1941 году 46
Война против Советской России в 1941—1942 годах 48
Ваффен СС на Крайнем Севере 79
1943 год 85
Сражение за Харьков 92
Война на Балканах с 1942-го до конца 1944 года 119
Участие в боях 124
1944 год 128
От Крыма до Припяти 129
Черкассы 131
Ковель 141
Западный фронт 153
Отступление к Западному валу 169
Арденнское наступление 178
Италия 183

Вторая половина 1944 года на Восточном фронте 184
14-я Добровольческая ваффен-гренадерская дивизия СС (Галиция) в районе восточнее Лемберга . . 189
Северный фронт 192
Конец боев в Курляндии 210
Формирования 1944 годав 213
Западный фронт. 1945 год 214
Капитуляция в Италии 222
Обстановка к югу от Карпат 223
Венгрия 224
Восточный фронт к северу от Карпат 238
Контрнаступление 242
Март 244
Обзор борьбы французской дивизии «Шарлемань» 245
Бои 4-й полицейской дивизии СС 247
Решающее вражеское наступление через Одер 249
Берлин 257
Последнее сообщение Верховного командования вермахта (ОКВ) 263

ПРИЛОЖЕНИЕ
Европейское добровольческое движение 267
Ваффен СС как преступная организация 281
Боевые войсковые части Ваффен СС 309
Войсковые командные штабы 312
Войска корпусов и самостоятельные части 313
Список высших командных чинов 314
Географическое расположение дивизий во время капитуляции 317

Пауль Хауссер

ВОЙСКА СС В БОЮ

Редактор *С. Кормилицын*

Художественный редактор *П. Волков*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *Г. Ражикова*

Корректор *И. Зорина*

ООО «Издатель Быстров»
109378, г. Москва, Есенинский б-р, д. 1/26, к. 1.
Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18, к. 5.
Тел. (495) 745-58-23

Подписано в печать с готовых диапозитивов 27.07.2006.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 4 000 экз.
Зак. № 3958.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина,109.

ВОЙНА И ОНИ

Впервые на русском языке публикуется книга генерал-полковника Пауля Хауссера – одного из создателей войск СС, который принимал участие в формировании мировоззрения и идеологии гвардии Третьего рейха. Его книга, написанная с прямотой старого офицера, отчасти наивная и даже трогательная в этой наивности, будет весьма интересна для читателя. Это – другой взгляд на войска СС, не такой, к какому мы привыкли. Взгляд гвардейского генерала на черномундирные полки, прошедшие длинный фронтовой путь и особенно «отличившиеся» в сражениях на Восточном театре военных действий. Для Хауссера все, о чем говорится на этих страницах, – правда. Именно поэтому он призывает: «Давайте похороним по дороге всю затаенную злобу. История рассудит более справедливо, нежели ослепленные яростью современники».

ISBN 5-9764-0029-9